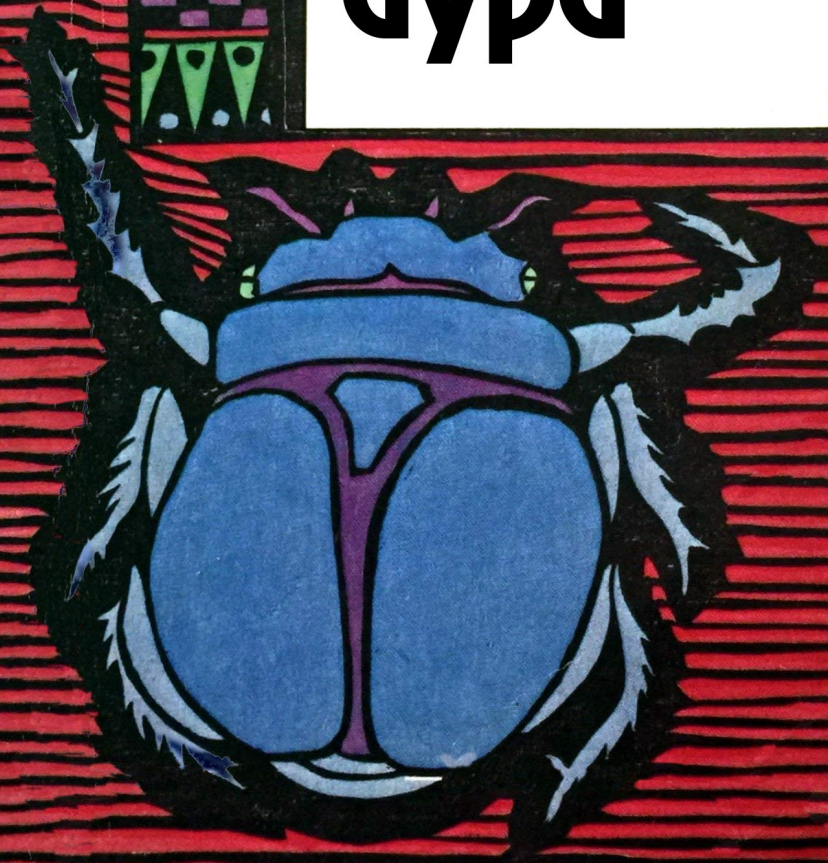

ДЖОН
СЛЕЙДЕК

Черная дурда

JOHN SLADEK

BLACK AURA

First published
Jonathan Cape, 1974, UK

ДЖОН СЛЕЙДЕК

ЧЕРНАЯ АУРА

перевод с английского

2021

УДК 820(73)-31

ББК 84 (7Coe)

C47

John Sladek

Black Aura

Перевод с английского

Валентина Макарова, Дмитрия Шарова,

Ирины Гуровой

По дороге вниз Фин осознал всю абсурдность ситуации. Никто не мог подвесить человека на веревке так, чтобы он оставался неподвижным более чем в четырех ярдах от дома — только с помощью большого крана.

На улице собралась толпа, обступив человеческую фигуру на невысокой ограде. Натриевый свет делал белый костюм фигуры янтарным, а пятна на нем ржаво-оранжевыми.

Голова и руки человека свесились за ограду; декоративные шипы пронзили грудь насквозь. Падая, тело ударилось с такой силой, что часть железных прутьев под ним согнулась. Длинные волосы, теперь скорее золотые, чем медные, свисали до середины ограды, как мокрый кончик кисти. Кончик действительно был мокрым, отметил Фин; капли пигмента скатывались по нему и падали на тротуар.

Слейдек, Джон

C47 Черная аура : [детективный роман, рассказы] / Джон

Слейдек; пер. с англ. – 2021. – 364 с.

УДК 820(73)-31

ББК 84 (7Coe)

© Перевод романа. В.Макаров, 2021

© Перевод рассказов. Дмитрий Шаров, 2020, 2021

© Перевод рассказа «Похищенное масло». Ирина Гурова

«Поздним вечером несколько человек, включая Питера Ан-дервуда, председателя Клуба Привидений; полковника Ральфа Морриса, отставного офицера индийской армии; Дэвида Каттера, пилоправа, чье хобби – прыжки с парашютом... поднялись наверх в комнату с призраками, закрыли дверь и молча сели в кружок. Стояла жуткая тишина...»

Деннис Барденс

«Кульминация видения наступила, когда голова женщины материализовалась на подушке кровати Юнга примерно в шестнадцать дюймах от его собственной. Один глаз призрака был открыт. Он уставился на изумленного психоаналитика».

Брэд Стайгер

«В двух словах: это невозможно».

Сэм Голдвин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩЕСТВО ЭФИРНОЙ МАНДАЛЫ

Из воскресной «Глоуб Скетч»:

Репортаж Бена Баджа

ПРИЗРАК ЖЕРТВЫ НАРКОТИКОВ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ПОП-ЗВЕЗДУ

НА СПИРИТИЧЕСКОМ СЕАНСЕ В ЛОНДОНСКОЙ КОММУНЕ

«Не делай этого, Стив! Не думай, что ты можешь «поэкспериментировать» с наркотиками и не подсесть. Я знаю это по своему «горькому опыту». Это был здравый совет, который бывший наркоман дал на днях поп-певцу Стиву Сонди. Хороший совет, но в то же время немного жутковатый. Дело в том, что наркоман Дэвид Лодердейл дал его через год после своей смерти!

Происходило это в доме миссис Виолы Уэбб, знаменитого медиума, в Северном Кенсингтоне. Ранее клиентура миссис Уэбб состояла из самых видных представителей всех слоев общества. Судьи, жокеи, футбольные звезды и пары сидели за одним столом, взявшись за руки, в ее темной комнате для сеансов, и многие уходили успокоенными.

Ныне же миссис Уэбб выступает в качестве женщины-гуру в спиритуалистической коммуне, Об-

ществе Эфирной Мандалы¹, члены которого, включая Стива и его подругу, живут одной семьей и в медитациях «постигают Тайны Вселенной». Лодердейл также был членом Общества, пока трагически не погиб в марте прошлого года. В эксклюзивном интервью Стив сообщил мне подробности этой удивительной истории.

«Мы все знали, что Дэйв был наркоманом», – сказал он. – Но когда он умер от передозировки...»

1 *Эфирная Мánдала* – понятие, связанное с шестым интегральным полем, полем воссоединения, позволяющим человеку познавать природу своего духа и, что самое важное, не опускать себя во второе интегральное поле, поле разрушения.

Мандала (санскр. – круг, диск) – сакральное схематическое изображение, грандиозная смысловая геометрическая конструкция, используемая в буддийских и индуистских религиозных практиках (типа узора в калейдоскопе).

К четырем часам зарядивший мелкий дождь нанес торговле непоправимый ущерб. Рынок опустел. Доносившиеся от фруктовых и овощных прилавков крики «Лучшие бананы!» стали более настойчивыми, но толпа покупателей разбежалась в поисках укрытия. Дальше по улице другие торговцы убирали свои пыльные книги в мягких обложках, пятнистые зеркала и треснувшие коронационные кружки.

Большинство местных покупателей уже разбрелись по домам, настала очередь плотных туристических колонн. Немцы спешили в конец улицы, полные решимости запечатлеть всё до последней сделки и, если получится, сфотографировать на этом фоне своих жен. Американцы с отворачиванием разворачивались, показывая неприличные жесты. Небольшая стайка французских юношей в военной форме сотрясала дверь паба, непонятно почему закрывшегося.

«Лучшие бананы (Чтоб ты подавился)!»; «Шесть помидоров – фунт (Чертов идиот)!»; фургон мороженщика столкнулся с повозкой цыганки-гадалки; кто-то поймал за руку лавочника, обнаружив в сдаче канадский четвертак² – в эту несчастливую субботу на всю Портобелло-роуд³ приходилось два счастливых человека. И один из них торговал зонтиками.

Другой, Теккерей Фин, уверенно вышагивал по центру мостовой, не замечая ни прилавков, ни дождя. Его собственный нераскрытый зонт служил ему тростью, чей наконецник успел насадить где-то по пути гнилую помидорину, но он знал об этом не больше, чем о машине, которая гудела у него за спиной, подавая «музыкальные» сигналы.

Машина была в ярости. До этого ни один пешеход, слепой он, хромой или аристократ, не мог устоять перед слав-

2 Монета в двадцать пять центов.

3 Улица в районе Ноттинг-Хилл, Лондон, знаменитая своими антикварными лавками и блошиным рынком.

ным гудком «Полковника Боги». Люди завсегда бросались врассыпную, а этот тощий верзила в нелепых брюках-гольф даже ухом не повел – он не только не «разбежался», наоборот, весело подхватил мелодию гудка и шел себе спокойно, насвистывая на ходу! Изумленный грузовик свернул в переулок, скрежеща передачей.

Теккерей Фин не был эксцентричным или ненаблюдательным. Если он и носил экстравагантную одежду, то только потому, что она помогала ему слиться в рыночной толпе с бельгийскими команчами, датскими арабами и гангстерами из Питерборо.

Он понимал, что здесь костюм эдвардианского гольфиста выглядел достаточно странным, чтобы не отличаться от толпы, но не настолько странным, чтобы вызвать зависть.

Что касается наблюдательности, он успел отметить для себя два важных объекта: френологический экспонат, выставленный в витрине антикварного магазина, и плакат, рекламирующий проницательность тринадцатилетнего мудреца с Востока. Он остановился, чтобы рассмотреть витрину магазина здорового питания.

Там он увидел грязные мешки с рисом, пучки водорослей, миску с коричневыми яйцами и небольшую кучку чахлах яблок. ВСЕ ВЫРАЩЕНО НА КОМПОСТЕ – гласила вывеска. В этом он не сомневался – каждое яйцо хранило засохшие следы *доказательств*.

На двери магазина кто-то очень мелкими буквами нацарапал: «Гитлер не ел мяса». Фин достал большую лупу и изучил «граффити».

– Первоклассное открытие, – пробормотал он.

– Ищешь забить⁴, чувак?

Возле него суетился какой-то низенький человечек с седыми космами и явно фальшивой бородой. Он тоже заглядывал в витрину и что-то бормотал себе под нос. Голос и выражение лица коротышки казались знакомыми.

4 Курнуть травки (сленг.)

– Ищешь забить? – Человечек поднял спичечный коробок и потряс им. Затем, поскольку Фин, казалось, все еще пребывал в неведении, он открыл коробок и показал коричневый кубик. – Хорошая дурь, чувак.

– Бикер, какого черта ты задумал? Ты меня не узнаешь?

Бикер подскочил на месте.

– Фин! Что вы здесь делаете?

– Тебе следовало бы рассмотреть лицо клиента, Бик. Вдруг это министр внутренних дел, а не я. Давай глянем, что там у тебя.

– Вы похожи на Бернарда Шоу, только без бороды.

– Шоуанский профиль? Польщен. – Фин взял кубик и поднес к глазам, чтобы получше рассмотреть. – Я вижу по этому, что ты заложил свою скрипку.

Бикер изобразил удивление.

– Как, черт возьми, вы догадались? – Затем он осмотрел кубик. – Не похоже на хэш⁵, да?

– Нет, как раз все выглядит так, как надо. Скрипичная канифоль. Узнаю тебя, Бикер. Самый жадный... извини, самый бережливый мошенник в Лондоне. Вместо того, чтобы просто выбросить кусок канифоли, ты режешь его и приносишь сюда, чтобы толкнуть туристам.

– Им это нравится, – оправдываясь, сказал старик. – Они были бы ужасно расстроены, проторчав весь день на Порто-белло-Роуд и не встретив ни одного стоящего торговца. В любом случае что такой, как вы, янки может понимать в туристах?

Фин слегка покраснел.

– Пойдем выпьем чаю. Кажется, в Лондоне это снова входит в моду.

Прожив в Лондоне два года, Фин начал чуть меньше чувствовать себя американцем. Поначалу он сторонился

5 То же, что и гашиш; наркотическое вещество, представляющее собой эссенцию из марихуаны (сленг.).

таких популярных у своих соотечественников мест, как Тауэр, театр «Амбассадор» или Портобелло-роуд и переходил на другую сторону улицы, когда хотел избежать встречи с каким-нибудь залетным обладателем сумки «Pan Am»⁶. Но проходили месяцы, а пышные лица под красочными лентами на шляпах продолжали безмолвно кричать ему: «Эй, вы ведь тоже американец?», и Фин почти готов был признаться себе, что так оно и есть.

Они нашли два местечка в ближайшем кафе у запотевшего окна. Подали чай.

– Значит, вас все еще интересует грязь старого доброго Лондона? – спросил Бикер, ставя чашку. Он вытер рот бумажной салфеткой, и с ней отлипло несколько искусственных волосков. – Всё там же – шерлокхолмствуете?

– Пытаюсь. Но пока на моем счету не так много дел. Со всем немного. Чуть-чуть. По правде говоря, всего один случай.

– Убийство Аарона Уоллиса? Я читал о нем.

Карьера Фина как детектива-любителя стартовала многообещающе несколько месяцев назад с убийства в запертой комнате. В надежде на новые случаи он продолжал размещать в газетах рекламные объявления:

АМЕРИКАНСКИЙ ФИЛОСОФ

в творческом отпуске ищет проблему.

На вольных хлебах в Лондоне
оставивший карьеру в экспертной комиссии
логик-профессионал и сыщик-любитель
желает бросить вызов.

Приветствуется любая иррациональность.

6 Pan American World Airways (Пан Америкэн Ворлд Эйруэйз) или Pan Am (Пан Ам) – одна из крупнейших авиакомпаний в истории США. Была основана в 1927 году как Pan American Airways и сохраняла это название до 1950 года. Прекратила существование в декабре 1991 года.

Результат был плачевным: одно оскорбительное письмо, обвиняющее его в вивисекции. Одно письмо от человека, который доказал существование Бога, начертив круг, и захотел иметь друга по переписке. Похоже, Фин был таким же неудачником, как «ТИХИЙ, РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН... – из соседней колонки, который – ...ищет ночлег. Выпивка дополнительно». Оба объявления обещали стать нескончаемой сагой. Найдет ли Оставивший Карьеру когда-нибудь свою проблему? Получит ли Выпивка Дополнительно свой ночлег?

– Я все еще рассчитываю на свое объявление, а пока у меня созрела новая идея. Коли мне не везет с убийствами, может быть, стоит попрактиковаться в более скромных тайнах.

– Каких именно?

– Герметических, мистических. Оккультных. Какой тайной силой обладали древние? «Любая иррациональность» – как говорится в объявлении.

Для начала я должен объяснить, что привело меня сегодня на Портобелло-Роуд. Смотри. Видишь эту эстакаду? – Он ткнул пальцем в мутное окно. Почти над самым кафе висело брюхо огромного серого динозавра. Оно пересекало улицу, опираясь на толстые серые ноги, иначе говоря бетонные столбы.

– Вы имеете в виду путепровод через Уэствэй? Так, и что в нем такого?

– Честертон однажды предсказал, что люди в Ноттинг-Хилл будут биться насмерть против таких транспортных монстров. Сражение на Портобелло-роуд, сказал он, случится около 1994 года. Отважные воины с алебардами в нелепых доспехах, естественно, проиграют, но в конечном смысле одержат победу. Дух победит камень. И вот построили чудовище, о котором Честертон и не мечтал. И ни одна алебарда не поднялась против него. Где все эти пики, спе-

тумы, протазаны, брандестоки, корсеки? Их было не больше, чем глеф⁷.

Они затихли на некоторое время в компании шумных туристов. Бикер продолжал выщипывать бороду.

– В общем, я пришел посмотреть на поле боя, – продолжал Фин. – Честертон считал, что бюрократия никогда не устоит перед силами воображения. Каким, должно быть, наивным он был! Бюрократия победила. Святых больше нет, как нет фанатиков, шутов или поэтов. *Преступники-гении* тоже вымерли.

– Ох, я даже не знаю... Великое ограбление поезда?

– Организованная банда. Преступное сообщество смотрит на часы, как офисные клерки. Такая же машина, как и полицейский аппарат, который борется с ними. Не удивлюсь, если и добычу они подсчитывают с помощью счетных машин.

Нет, преступник-мастер, как и любой другой мастер в своей гильдии, является фигурой средневековой. Он работает один, втайне. Может, он и не попадет в заголовки, зато и не попадетсЯ. Он – оккультный.

Фин откашлялся.

– Вероятно, моя мечта встретить преступника-мастера так и останется неосуществимой. Следовательно, я остаюсь детективом-подмастерьем. Однако я могу совершенствовать свое искусство в более низших сферах. Оккультные тайны – там много *чего* вокруг: целители-хилеры, телепаты, медиумы...

– Теперь я знаю, как вам помочь. – Бикер перестал чесаться, его борода превратилась в клочья. – Я сам был когда-то сценическим медиумом. Если вы хотите познать ремесло, я могу ввести вас в курс дела. Кого изволите разоблачать?

7 Пика, спетум, протазан, брандесток, корсека, глефа – разновидности средневекового древкового оружия.

– Не разоблачать, просто понаблюдать. Когда ты был медиумом?

– Много лет назад. Волшебный Марвин, Человек с Гипнотическими Руками. Я делал номер с летающей женщиной, у меня неплохо поднимались в воздух столы и другие предметы на сцене, вы понимаете. Конечно, не так виртуозно, как в иллюзионных шоу. Я получал удовольствие, но это сделало мое лицо слишком узнаваемым. Через десять лет на севере я показал фокус с баком.

– Фокус с баком? Что это?

– Один из моих любимых. Вы приезжаете на бензозаправку, и все наблюдают, как вы заправляете топливный бак *водой*. Затем вы бросаете в него таблетку и запускаете двигатель. Пока вы возитесь с ним, к вам подходят и спрашивают, как это работает. «Мое маленькое изобретение» – говорите вы и рассказываете, как нефтяные гиганты гонятся за вашим патентом. Поэтому...

– Поэтому тебе нужны небольшие инвестиции, чтобы начать производство волшебной таблетки.

– Верно. И вот в середине моего пичча⁸ подходит ко мне один молодой парень и говорит: «Я знаю вас. Вы – Волшебный Марвин. Я видел вас, когда мне было семь лет». Я был счастлив выбраться из этой глуши, отделившись двумя-тремя выступлениями.

Фин заказал еще чаю.

– Я подумываю вступить в так называемое Общество Эфирной Мандалы. Кажется, их дом находится где-то здесь.

– Это у Ви Уэбб. Она очень сильная, Фин. Я знаю нескольких медиумов, которые хотели бы знать, как она это делает. Но она дорогая.

Сыщик кивнул.

– Я читал о ее группе в газете.

8 Искусство красочной, убедительной презентации; маленькое представление; умение подать себя за короткий промежуток времени.

– У нее шикарная клиентура. Она работала с «духами», как и я. Однажды я поймал ее... ох... двадцать лет лет назад. Вместе с мужем. Он был марионеткой, всю работу делала она. Она уже тогда блистала, а сейчас, я слышал, стала еще лучше. Некоторые из моих партнеров по бизнесу почти уверены, что у нее есть *товар*.

– Что еще ты знаешь о ней и ее обществе?

Бикер пожал плечами.

– Ну, ходят разговоры... сплетни... – С лукавой улыбкой он добавил: – Вы же знаете этих старух-медиумов. Скажем, существует история о египетском проклятии.

Фин выпрямился.

– Проклятие! Ну-ка, ну-ка.

– Тот молодой парень, который... ну, слышали, наверное, наркоман? Короче, за точность я не ручаюсь, у него был этот священный амулет из какой-то египетской гробницы. Носил он его на шее. Ну и вот, оказалось, что на амулете лежало проклятие, и это проклятие убило его.

– Очаровательно!

– И это еще не все. Поговаривают, что отец пацана теперь тоже один из них. И весь юмор в том, что он нацепил на себя тот самый амулет.

– Думаешь, рекламный ход?

– Может быть. Я слышал, что придурки выламывают двери, чтобы попасть в клуб миссис Уэбб. Наверное, все хотят посмотреть, не нюхает ли чего папаша. Тем не менее она пытается сохранить эксклюзивную клиентуру. Вы должны получить приглашение, чтобы *присоединиться*.

– Тогда, пожалуй, я... – начал было Фин, но Бикер шикнул на него.

– Не оборачивайтесь, – шепнул он. – Сюда только что вошел один из этих дьяволов, о которых мы говорили. Стив Сонди. Сидит справа, второй столик. С толстяком.

Спустя мгновение Фин оглянулся. Стив Сонди был худым рыжеволосым мужчиной лет двадцати пяти. Его

«некричащий» джинсовый костюм казался неуместным в этой пестрой толпе, чей вкус ограничивался джеллабами⁹ и кожаными плащами до пят. Точно так же его длинные волосы цвета меди не сбегали буйными прядями до плеч по нынешней моде, а были разделены пробором посередине и подстрижены в аккуратный, отливающий блеском шлем. Довольно красивые, но по-идиотски правильные черты лица делали из Сонди витринного манекена с застывшей навеки рассеянной улыбкой.

Казалось, он только что рассказал своему спутнику анекдот. «Толстяк» был коренастым, но отнюдь не толстым для своего возраста поздней зрелости, при этом полные отвисшие щеки, подпрыгивающие при смехе, когда он держался за живот, придавали ему вид веселого монаха; чашку с чаем он поднял так, словно в руках у него была кружка, которой он собирался грохнуть по столу после того, как споет. Однако глаза над подбородком сияли мрачной серьезностью, а жесткие седые волосы зачесанные назад и свисавшие с воротника лыжной куртки, делали его похожим на патриарха.

– Теперь вы знаете, как выглядит поп-звезда.

– Что-то я сомневаюсь насчет его популярности, – заметил Фин. – Кроме нас никто не обратил на него внимания.

– Ну так ведь большинству его поклонников не исполнилось еще и тринадцати. Кажется, у него был всего один хит.

Они допили чай и вышли на улицу.

– У меня всегда возникает странное чувство, когда речь заходит о таких совпадениях, – сказал Бикер. – Помяни черта, и он тут как тут. Может, я экстрасенс?

9 Джеллаба – традиционная берберская одежда из грубой шерсти, представляющая собой длинный, с остроконечным капюшоном свободный халат с пышными рукавами, распространенная среди мужчин и женщин арабоязычных стран Средиземного моря, в основном североафриканских.

– Но определенно их дом неподалеку. И все же, экстрасенс ты или нет, твои сплетни меня заинтересовали – в этом обществе есть все необходимые составляющие: деньги, наркотики, проклятие, странные манипуляции в темном зале для сеансов. Присутствует даже смерть. Безусловно, на это стоит потратить вечер, хотя бы ради трюков миссис Уэбб.

– Вам понадобится не один вечер, чтобы понять их. – Маленький мошенник ухмыльнулся. – Скажем, пять фунтов против одного, что трех сеансов вам не хватит.

– Пять так пять. Где ты будешь все это время?

Бикер протянул ему карточку.

– Позвоните мне, когда сдадитесь. – Он отошел прочь, чтобы потрясти спичечным коробком перед туристами, блуждающими по опустевшему рынку.

Фин вернулся к магазину здорового питания, чтобы еще раз поразмышлять о том факте, что *Гитлер не ел мяса*. Вот оно, столкновение двух оккультных традиций. Он мог представить себе яростные отрицания как со стороны нацистов, так и вегетарианцев. Однако обе системы уходили корнями в мистицизм девятнадцатого века...

Впрочем, как и почти все оккультные практики: френология, месмеризм, гомеопатия и особенно спиритизм. Все это казалось Фину шуткой, но, очевидно, викторианцы были правы, когда считали, что трагическое ходит рядом с комичным, и сотрясающийся от смеха зачастую выглядел как трясущийся от страха.

Он присмотрелся к «граффити» повнимательнее, ахнул и покрылся мурашками. Кто-то зачеркнул *не ел* и приписал *не ест*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОХОДИТЕ В НАШУ ГОСТИНУЮ

В Лондоне немало таких улиц, как Кавершам Гарденс, с террасами зеркально расположенных викторианских таунхаусов¹⁰. Таунхаусы, насколько знал Фин, всегда строились одной высоты, имели стандартную планировку и прилегли так плотно друг к другу, что напоминали белые клавиши рояля.

Но здесь было что-то не так. Когда Фин, стоявший в середине ряда С¹¹, бросил взгляд вдоль линии домов, он заметил, что последний из них нарушал общий порядок: он был на этаж выше и пропорционально шире остальных. Фин из любопытства направился к нему и убедился, что именно этот особняк являлся предметом его поисков. Он обошел вокруг, чтобы получше осмотреть свою нестандартную находку.

Во всем остальном дом миссис Уэбб был истинно викторианским. Типичная ограда из железных прутьев с острыми шипами наверху и сухой ров перед домом для защиты от грабителей; на дне рва типичный вход для слуг; типичная парадная лестница, чтобы держать слуг строго вниз. За рядом домов располагался частный парк, обнесенный все той же оградой с железными шипами, а небольшие по

10 Малоэтажный жилой дом, составленный из нескольких многоуровневых квартир, как правило, имеющих отдельный вход, но разделенных общей стеной. Таунхаусы появились в XIX веке в Великобритании.

11 С – латинское.

размеру сады, разбитые позади домов, окружал двойной кордон из знакомых уже шипов и живой изгороди. Грабителю, прежде чем подобраться к дому с черного хода, пришлось бы взломать два замка – один в воротах парка, другой в садовой калитке.

Фин попытался зайти спереди. Когда он звонил в дверь, ему пришло в голову, что такие дома строились не только из соображений уединения, но и для абсолютной секретности. Даже миниатюрные балкончики наверху, казалось, были устроены так, чтобы закрывать окна.

Он позвонил по телефону, чтобы договориться о «собрании»¹², однако резкий женский голос сообщил ему, что в ближайшие нескольких недель ничего подобного не предвидится, зато есть возможность прослушать одну из регулярных лекций общества, на что Фин ответил, что с удовольствием посетил бы лекцию. В эту субботу преподобный Артур Стоунхаус будет говорить о «использовании психических сил». Фин должен был сделать добровольный взнос на сумму трех гиней и принести с собой *любимую фотографию*.

Дверь открыла обладательница голоса, полная молодая женщина в черном вязаном платье. Черный цвет контрастировал с ее бледным и, увы, прыщавым лицом. Она стремилась к суровому аскетизму, рассудил Фин, – ни косметики, ни украшений, кроме деревянной броши в виде креста. Прыщи несли на себе следы недавних пыток ногтями. Она представилась как мисс Эрнестина Джонсон, взяла деньги и протянула ему книгу посетителей. Затем поднялась с ним по длинной лестнице в небольшой лекционный зал.

Там уже сидело несколько десятков человек. Фин пристроился на откидное сидение сбоку, чтобы оглядывать толпу в поисках интересных типажей.

12 То есть об участии в спиритическом сеансе.

В итоге аудитория его разочаровала; таких зрителей он мог найти в любом кинотеатре. Несколько молодых пар, одетых в модную богемную одежду, какую не мог позволить себе ни один представитель богемы; дюжина напряженных молодых людей в очках с толстой оправой; пара холеных бизнесменов с женами в шляпах; в остальном же одинокие старики, сжимающие свои фотографии и заметно нервничающие.

– Дорогие друзья, – обратился оратор. – Пусть мой воротничок не пугает вас. Никаких проповедей, обещаю вам. – В ответ на его зверскую ухмылку кто-то хихикнул.

Преподобному Стоунхаусу было около пятидесяти лет; он имел худощавое телосложение и голову с последними остатками волос. Клерикальный воротничок-стойка болтался у него на шее свободно, словно и впрямь это был собачий ошейник. Плоское личико отливало желтизной, и этот ровный цвет пчелиного воска простирался до самой макушки его головы. Три или четыре пряди черных волос были зачесаны поперек проплешины, представляя собой рисунок или чертеж: здесь проходит линия волос.

Его верхние резцы были не только длинными и кривыми, но и раздвинутыми, как клыки бобра. Они показывались над нижней губой при малейшей улыбке и в моменты ликования превращали его в комическое чудовище.

– Некоторые из вас, возможно, скептически относятся к психическим силам. «Что это?» – спросите вы. «Кто ими обладает?» и «Почему меня это должно волновать?» И будете совершенно правы, отвечу я. Здоровый скептицизм всегда в почете. В конце концов, уверовали бы мы, не прояви апостол Фома глубокого сомнения? Конечно, Фома имел непредубежденный ум. Когда ему открылись доказательства, он принял их. Таково, дорогие друзья, истинное и доброе сердце скептицизма. Вы можете сказать: «Видеть значит верить», и я соглашусь с вами. Но я говорю: «Тогда зрите. И веруйте!»

Стоунхаус привычным движением ухватился за кафедру.

– Итак, что же тут можно увидеть? Реальны ли психические силы? Или все мы являемся кучкой обманутых чудаков и дурачков, поверивших в это?

Так вот, ученый не попросил бы вас поверить в микробы, не позволив вам прильнуть к микроскопу. Поэтому я не буду просить вас поверить в психические силы без демонстрации. Через некоторое время миссис Уэбб предъявит вам *неоспоримые* доказательства существования психических сил *в пределах этой комнаты*.

Вначале позвольте мне рассказать вам историю с призраком. Около ста лет назад в Индии жил известный судья по имени сэра Эдмунд Хорни. Он договорился с одним редактором газеты, что тот зайдет к нему домой вечером, чтобы забрать судебные решения сэра Эдмунда, вынесенные им за день, для публикации на следующее утро.

Фин слышал эту историю раньше. Редактор появляется внезапно посреди ночи в спальне сэра Эдмунда. Судья в ярости приказывает ему убираться прочь, пока он не разбудил леди Хорни. Он отдает ему судебные решения, и редактор уходит, не говоря ни слова. Леди Х. просыпается, и судья рассказывает ей о странном визите. Они отмечают время – три часа. На следующее утро редактор был найден мертвым в своем кабинете, который он не покидал всю ночь.

Пока Стоунхаус рассказывал, сыщик оглядел комнату. Стены были выкрашены в двойной землисто-салатовой гамме. На окнах висели шторы из бледно-зеленого бархата. В тусклом свете голых лампочек он не заметил ничего изящного или просто привлекательного.

Обернувшись, он увидел, что комната имеет пять стен. По непонятной причине один задний угол был скошен диагональной перегородкой, в которой находилась дверь.

– ...умер ровно в три часа.

Священник сделал паузу, чтобы аудитория прониклась сказанным.

– Психические переживания того или иного рода происходят почти с каждым из нас. Вам может казаться, что вы уже бывали в каком-то месте раньше; вы предчувствуете, что может сказать тот или иной человек еще до того, как он скажет это. Вы можете подумать о ком-то, и в следующий момент этот кто-то входит в дверь. – Фин представил Бикера в кафе: *«Сюда только что вошел один из этих дьяволов...»* – Он наперед знал все, что скажет Стоунхаус, поэтому отключился, позволяя психическим вибрациям омыwać его, и ждал демонстрации.

– ...психические вибрации... просто другое название для жизненного принципа... человек может иметь то, что мы называем «талантом»... наука не может объяснить... прочтите эманации психической силы с фотографии.

А теперь – демонстрация. У всех с собой снимок?

Карточки были у всех. Мисс Джонсон собрала их на поднос и отнесла его в переднюю часть комнаты.

– Наш духовный лидер, миссис Виола Уэбб.

Она появилась откуда-то с задних рядов, где, вероятно, сидела все это время: мужеподобная, крепко сбитая женщина лет пятидесяти. Ее тяжелая поступь сотрясала пол и заставляла ее прямое коричневое платье развеяться следом. Только вблизи Фин смог рассмотреть черты ее лица. Но еще когда он отмечал жесткие скулы, твердый подбородок и глубоко посаженные глаза, оно, казалось, немного изменило свое выражение. Черта или две смягчились, появилась улыбка, и строгая деловая женщина превратилась в милую, слегка рассеянную старушку. Войдя в этот образ, она начала всплескивать руками и поправлять перманент, словно не ожидала обнаружить себя в окружении стольких людей.

Но ее темные глаза цепко и внимательно изучали их.

– Сейчас, минутку. Я совершенно растерялась и не знаю, как поступить. Может, преподобный Стоунхаус расскажет вам о нашем учебном курсе, пока я прихожу в себя?

Галантный клирик выполнил свою коммерческую функцию, объяснив, что пусть не всех можно попросить присоединиться к обществу и жить здесь персонально, зато они могут воспользоваться членством в «духовном партнерстве», системе домашнего обучения, которая...

Наконец миссис Уэбб была готова. Она взяла фотографию с подноса и внимательно изучила ее. Затем, держа ее так, чтобы все видели, она обошла зал по кругу.

– Это фотография мальчика в светло-голубом джемпере. Его дедушка здесь с нами... Вы, сэр! – Она положила руку на плечо старика в конце второго ряда.

– Как, ради всего святого?..

– Имя мальчика начинается на Джей¹³? Джеймс или Джон. Сейчас он старше; этой фотографии всего несколько месяцев... он старше всего на несколько месяцев... Я чувствую сильную вибрацию от Джей... но это его имя? Ваше? Да, вас зовут Джеймс. И его назвали в вашу честь? А, его второе имя Джеймс. Правильно?

– Почти во всех нюансах, – пробормотал старик. – Правда...

– Все слышали? Человек сказал, *во всех нюансах правда*.

Она вернула ему фотографию и взяла с подноса другую. Действуя по той же методике: вытянуть информацию из владельца, аккуратно ошеломить его молниеносными догадками и словесной эквилибристикой, хватаясь за любую реакцию и делая акцент на выгодном для себя варианте, – она отработала почти дюжину фотографий. Если это была вершина ее возможностей, то Фин зря терял время.

13 Английское J произносится как «джей».

– Моя психическая энергия, как ни печально, на сегодняшний вечер почти исчерпана. Я могу попробовать еще, но только один раз.

Она подняла предмет, в котором Фин узнал свою «любимую фотографию» – гравюру, на которой был изображен Уильям Хаскиссон¹⁴.

– А вот и необычный гость в нашей компании. Джентльмен из девятнадцатого века! – Фин попытался выглядеть вежливо заинтересованным вместе с остальными, но что-то в выражении его лица привлекло ее внимание. Она подошла к нему и похлопала тяжелой рукой по плечу.

– Ваша гравюра, полагаю?

– Да, истинно так.

– Может быть, предок? Или просто маленькая шутка? Ах, да. Уловка. – Румянец Фина послужил для всех признаком.

– Ну, – сказала она, – шутить я умею не хуже других. Дайте подумать. Вы знаете имя этого джентльмена? Так, первое Р... возможно, П... нет, я вижу, это Джордж или Уильям. Уильям.

Он кивнул, и раздались аплодисменты. Представление закончилось всеобщей симпатией к миссис Уэбб и ненавистью к ловкачу Фину. Миссис Уэбб удалилась, остальные вышли в сопровождении преподобного Стоунхауса.

– Не омрачайтесь, мой мальчик, – сказал он, пожимая руку Фину. – Эта была всего лишь шутка. Без обид, надеюсь?

– Это была не шутка. Видите ли, творческое воображение мистера Хаскиссона является для меня постоянным примером. Как и его трагическая гибель.

– Послушайте! О ком вы вообще говорите?

– Я думал, что он станет национальным героем. Ведь это именно он руководил открытием первой пассажирской железной дороги в Британии. – Если бы Фин добавил, что

14 Уильям Хаскиссон (1770–1830) – английский политический деятель, член парламента.

в тот исторический момент Хаскиссон стал еще и первым в мире человеком, которого сбил пассажирский поезд, то это могло прозвучать как очередная шутка.

А еще одну ухмылку на лице Стоунхауса он бы не вынес.

Два последних дня перед сеансом Фин провел, зарывшись в книги по оккультизму. Телепатия, ясновидение, вещие сны, телекинез, аппорты¹⁵, предчувствия, эктоплазма и их орудия: планшетка, маятник, волшебная лоза и оргонный ящик¹⁶ – от всего этого клонило в сон. Медиумы, которые могли летать; медиумы, которые могли перемещать предметы, не касаясь их; медиумы, которые могли покидать свои физические тела. Десятки медиумов, которые могли предупредить президента Кеннеди не ехать в Даллас; десятки медиумов, которые могли раскрыть убийство, почувствовав вибрацию на месте преступления. Наконец, нашелся медиум, который однажды довел Сесила Б. Демилля¹⁷ до слез, а сейчас довел Теккерера Фина до приступов непреодолимой зевоты.

Деньги, – бесконечно кружилось в его голове. – Наркотики. Спиритические сеансы. Проклятие. И смерть.

Во время чтения он сделал для себя одно полезное открытие – секрет перформанса с фотографиями миссис Уэбб. «Эстрадные» телепаты, как он выяснил, часто использовали эту технику в ночных клубах. На самом деле это была

15 Аппорт – в спиритизме, парапсихологии и оккультизме – паранормальное перемещение объектов из одной точки пространства в другую или возникновение их словно бы «из ниоткуда».

16 Волшебная лоза – раздвоенный ивовый прутик или проволочная рамка для лозоходства.

Оргонный ящик – накопитель (аккумулятор) так называемой оргонной энергии – псевдонаучной «универсальной энергии жизни».

17 Сесил Блаунт Демилль (1881–1959) – американский кинорежиссёр и продюсер, лауреат премии «Оскар» за картину «Величайшее шоу мира» в 1952 году.

классическая игра в «двадцать вопросов» – клиент отвечал «да» или «нет» по выражению лица или (рука на плече) следуя бессознательным движениям. Это называлось «чтением мышц»¹⁸.

В назначенный вечер мисс Джонсон снова встретила его в дверях. Казалось, она только что плакала, но с таким лицом, как у нее, невозможно было угадать точно – оно всегда выглядело опухшим, особенно глаза, и при любых обстоятельствах оставалось в плане эмоций совершенно бесцветным.

На этот раз пожертвование составило десять гиней. Мисс Джонсон провела его в гостиную на втором этаже, где остальные были заняты тем, что она назвала «коктейлями».

Комната оказалась просторной, но была загромождена мебелью словно перемещенной из пансиона. Там стояли три больших дивана и полдюжины глубоких кресел, среди которых затерялись столики и рояль. В одном из углов взгляд Фина уловил еще несколько неизменных атрибутов пансиона: стопку журналов, проигрыватель и пагоду из коробок с настольными играми: не хватало только телевизора, зато интерьер дополняли аксминстерский ковер и светло-бежевая шелковая обивка. Если у миссис Уэбб и

18 «Первые выступления с «чтением мыслей» относятся к 1870-м годам. Однако очень скоро этому феномену, казавшемуся даром то ли Бога, то ли дьявола, нашлось вполне рациональное объяснение. Уже в 1874 году в Америке появился термин «чтение мышц» (muscle-reading). Его ввел в оборот психолог Джордж Бёрд для объяснения феномена телепата Джекоба Рэндалла Брауна. Внимательно наблюдая за Брауном, Бёрд пришел к выводу, что артист обладает необычайной чувствительностью, позволяющей ему фиксировать мельчайшие нервные импульсы, исходящие из головного мозга медиума и превращающиеся в произвольные сокращения мышц. Впоследствии аналогичные наблюдения легли в основу «объективной психологии» Уильяма Джеймса. Принцип muscle-reading, или, иначе, чтения идеомоторных актов, применяется в наши дни в полиграфе (детекторе лжи)...»

Б. Ф. Соколов «Вольф Мессинг».

нет вкуса, размышлял он, то, по крайней мере, есть деньги, и их явно больше, чем можно было предположить с таким неизящным лекционным залом.

Первым человеком, попавшимся ему на глаза, была миссис Уэбб, чья мощная фигура в розовом шелке застыла у камина. Она разговаривала с двумя кукольного вида седовласыми дамами, которые кивали друг другу, как болванчики, после каждой фразы. Возле проигрывателя на диване, свернувшись калачиком, дремала или медитировала девушка в голубом. За роялем сидел крупный мужчина в черном костюме, с жесткой и черной, как смоль, бородой. Он уставился на клавиши, словно пытался понять их назначение. Рядом плешивый человек в пуловере с высоким воротом занимал его беседой, и когда последний оторвал локоть от крышки и повернулся, чтобы приветствовать вошедшего, Фин узнал в нем преподобного Стоунхауса.

– Мистер?.. – приоткрылись бобровые клыки.

– Фин. Теккерей Фин.

– Мы ведь с вами встречались? Кажется, на лекции?

– Да, около трех недель назад. Лекция получилась весьма поучительной, преподобный.

– Пожалуйста, для всех присутствующих здесь я просто Стоуни. Как вы понимаете, наши сеансы проходят в неформальной, почти семейной обстановке. Никаких сухих лекций.

Несколько минут они стояли молча, пока неловкая улыбка «Стоуни», вспыхнув, не поблекла.

– Ну, Теккерей, вас все еще интересует телепатия? Ряд экспериментов, в которых я принял участие, были весьма увлекательными... а, вот и миссис Уэбб.

Ее рукопожатие получилось крепким; темные немигающие глаза смотрели на него, смотрели пристально. Фин не мог избежать этого взгляда, столь же острого, как и шедший от нее запах сожженных перманентом волос.

– Очень рада, что вы пришли, мистер Фин. Я чувствую, сегодня вечером нас ждут уникальные проявления. Может, хотите что-нибудь выпить? Есть морковный сок, тоник из сельдерея – все, что пожелаете.

Он остановился на овощном муссе с запахом мыла и привкусом капусты. Старушки, которые беседовали с миссис Уэбб, были представлены ему как мисс Ада и мисс Эмили Блейз. После знакомства миссис Уэбб покинула их, чтобы встретить еще одного приглашенного. Когда она шла, подол вечернего платья колыхался ей вслед, и под ним проглядывали домашние туфли со стоптанными задниками.

– Представляете, – сказала мисс Эмили. – Представляете, мы вошли в контакт с нашим папá и братом, ушедшим год назад, и даже бедняжкой Бернардом Шоу.

– Нашим котом, – тем же голосом пояснила ее сестра-близнец.

– Поразительно! И он действительно говорил с вами?

– О да. Бернард Шоу был очень умным котом. Коточеловек, как мы его называли. Пока он был жив, я всегда чувствовала, что он хочет поговорить с нами. Но в кошачьем теле он не мог этого сделать, хотя понимал каждое слово.

– Совсем как человек, – добавила Ада.

– Лучше, чем некоторые люди.

– О да, намного, намного лучше.

Фин откашлялся.

– Когда он уме... ушел?

– Ровно за месяц до Алистера, да, Эмили?

– Да, ровно за месяц.

– Мы прямо в шоке все были.

– Такая утрата. Но на самом деле мы его совсем не потеряли. Мы связались с ним через нашу спиритическую доску дома.

– А потом миссис Уэбб связалась с ним для нас.

– Мы часто приходим сюда, но это так накладно.

– Эмили!

– Ну, ведь это так и есть. Не только пожертвования, еще дорога из Челтнема. Понимаете, не то чтобы это того не стоило, но...

Фин извинился и отошел в сторону, ища место, куда бы поставить стакан с капустной жижей. Миссис Уэбб трясла за руки молодую пару в куртках из оленьей кожи:

– Я так рада, что вы пришли снова, – сказала она им. – Я чувствую, нас ждут уникальные проявления.

Человек со слуховым аппаратом протянул Фину руку.

– Я Данк. Брюс Данк. Подполковник Королевских воздушных сил. В отставке, разумеется.

Мистер Данк был маленьким заносчивым человечком, чей блейзер и безвкусный галстук, несомненно, выдавали принадлежность к какому-то престижному учебному заведению. Не дотягивая до плеча Фина, он выглядел как школьник: черные волосы зачесаны назад, постоянные ужимки на лице при разговоре.

– Вы что, янки? Из каких краев?

– Нью-Йорк. Но сейчас худо-бедно обосновался в Лондоне.

– Не осуждаю вас. Нью-Йорк не самое лучшее место для приличных людей. Это все, знаете ли, из-за черномазых. Впусти их, и вся мораль рухнет. Сейчас и у нас этого дерьма хватает. Наркотики, секс, вседозволенность, аборт, порнография, платежный баланс катится к черту... Знаете, что Нострадамус сказал о Британии? Рассказать – у вас голова закружится. Я мигом, схожу только за томатным соком.

Как только Данк исчез, Фин тут же переключился на оказавшегося поблизости мужчину средних лет в западноафриканской рубашке-дашики пурпурно-розового цвета – «толстяка» из кафе.

– Лодердейл, – представился он. – Доктор Эндрю Лодердейл. Но зовите меня просто Док.

– Почему Док?

– Был в Америке некоторое время назад, и прозвище пристало ко мне. Во всяком случае, теперь оно более актуально. Как и Данк, я вышел в отставку.

– Доктором были по медицинской части?

– Нет, морская биология. После смерти сына год назад я бросил работу и присоединился к обществу. Я жил по всему миру, но только здесь обрел настоящий дом. Дом и семью. Того же беднягу Данка.

Фин поймал себя на том, что не сводит глаз с каменно-го украшения в виде скарабея, которое Док носил на шее.

– Кажется, я недавно читал о вас в газете.

– Значит, вы слышали о Дэйве? Все в порядке, я не против поговорить об этом. Я чувствую, что Дэйв совсем не умер и сейчас рядом со мной. – Он усмехнулся. – Только не позволяйте мне утомлять вас пространными рассуждениями. Я заметил, как вы только что избежали монолога Данка о черных.

– Так вот в чем все дело?

– Да, Данк все продумал. Согласно Нострадамусу и, насколько я знаю, Великой Пирамиде, грядет черное восстание, то бишь Армагеддон. Он, естественно, уверен, что силы белого превосходства в итоге восторжествуют, и я подозреваю, конечно, что он, Брюс Данк, наполовину мнит себя императором в этом новом мире. – Ирония Лодердейла была легкой и незлобной.

– Похоже, вы не согласны с его теорией.

– А кто бы согласился? Не поймите меня превратно, я люблю и уважаю Данка как человека. Мы все возлагали на него большие надежды. Если бы он очистил свой организм хотя бы частично от яда, то стал бы куда более симпатичным субъектом.

Я имею в виду не только ментальный яд. Сейчас он смешивает томатный сок с каким-то порошком из своего кармана. Мы изо всех сил пытались заставить его отказаться от джина и перейти на режим натуральных, органических продуктов, да только бесполезно. Между тем ему сорок пять, а выглядит он на десять лет старше. Вот мне пятьдесят пять, но, скажем, больше сорока пяти мне не дают.

Безрукавка Дока открывала его довольно мускулистые руки, во всем же остальном это был типичный помятый мужчина своих лет.

– Поразительно! – воскликнул Фин, устав за сегодняшний вечер употреблять это слово. – И всего этого вы достигли благодаря здоровой пище?

– *Органической* пище! Слушайте, десять лет назад врачи признали меня безнадежным. Сердце. – Он ударил себя в грудь, и скарабей подпрыгнул на шнурке. – У меня уже был один приступ, после чего они посоветовали мне бросить пить и курить. Я пошел еще дальше, и отказался от холестерина. Никаких яиц, мяса, молока и масла. Много цельнозерновых злаков, свежих фруктов и овощей. И вот я, ходячий труп, здесь! – Сравнение вызвало у него приступ грудного смеха, заставив скарабея снова подпрыгивать.

– Этот необычный амулет, который вы носите. Он из обсидиана, как я понимаю?

– Ну да. Египетский скарабей. Он принадлежал Дэйву. – Лодердейл поднес его к свету и повернул. – Видите на обороте? Эти иероглифы являются своего рода проклятием. *Смерть носящему* или что-то в этом духе.

Возникла неловкая пауза, затем Док снова рассмеялся.

– Вы не задали очевидного вопроса. Существует ли какая-нибудь связь между проклятием и смертью Дэйва?

– А она существует?

– Вполне вероятно. Знаете, какое-то время я носил его, думая, что это убьет и меня тоже. По крайней мере, надеялся. Но теперь ясно, что это не работает – я ношу его просто как память о сыне. Вот такие дела.

Их прервала молодая пара в куртках из оленьей кожи с бахромой. Они представились Аланом и Джейн Форстер.

– Рада познакомиться с вами, – сказала Джейн. – Только не говорите мне, мистер Фин, свой знак. Погодите. Только не говорите мне... Вы Весы. Определенно.

– Она никогда не ошибается, – вставил Алан.

– Боюсь, я Близнецы, – Фин произнес это извиняющимся тоном.

– О! Но все равно это воздушный знак. Теперь вы, Док. Вы... Вы, очевидно, Овен.

– Нет, Рак.

Джейн уставилась на него.

– Вы уверены?

– Да, – буркнул он, смеясь. – Но вы опять близко. Овен и Рак – кардинальные знаки.

– Убедились? Она никогда не ошибается, – сказал напоследок Алан, когда Джейн потащила его прочь.

– Пойдем, дорогой, я хочу попробовать с этим пианистом.

– Непогрешимость, – сказал Фин, – это еще не все.

Док кивнул.

– Верно. Сам я не интересуюсь астрологией, да и к науке охладел. Моя голова полна идей, если это звучит не слишком напыщенно. Если Джейн счастлива, угадывая солнечные знаки, тем лучше для нее. Все это как-то совмещается, все эти вещи – быть человеком, быть счастливым. И поскольку я бросил науку, я больше не беспокоюсь о том, как это все сочетается. Пусть люди верят в то, что делает их счастливыми.

– И спиритизм делает вас счастливым?

– Я должен верить в это, – сказал Док. Выглядел он серьезным, – должен верить.

Миссис Уэбб объявила, что сеанс начнется через несколько минут.

– Боюсь, я не со всеми познакомился, – сказал Фин. – Кто этот Мефистофель за роялем?

– Профессор Мерихью Хакель, психолог. Несмотря на всю свою мрачную сатанинскую внешность, он не спиритуалист. На самом деле, он отчаянный скептик. Он присоединился к обществу только из-за возможности исследовать нас.

– И миссис Уэбб не против, чтобы скептические вибрации распространялись по всей комнате для сеансов?

– Очевидно, она все еще надеется обратить его. Лично я считаю это бесперспективным. И должен признать, что он оказывает здесь разрушительное влияние. Во-первых, мы, то есть я и он, почти не разговариваем.

– Почему, если это не секрет?

– Ничего секретного. – Бывший ученый выглядел задумчивым. – Просто он считает, что я вроде Иуды в научном мире, вот и все объяснения.

– Понятно. А кто эта девушка в углу?

– Нэнси Мичи. Пойдемте, я вас познакомлю. – Он окликнул ее, когда они приблизились, но спящая девушка не пошевелилась; глаза ее оставались закрытыми.

Она не была красива, как и большинство женщин пре-рафаэлитов, но обладала дивным очарованием призрака: чахоточная фигурка с прекрасными волосами. Ее лицо было наполовину затенено кудрями каштанового великолепия, щека покоилась на руке, а рука вытянулась вдоль изящного изгиба подлокотника дивана. Длинное голубое платье с тусклыми вкраплениями прозрачной зеленой ткани струилось по подушкам, словно повинуюсь кисти пре-рафаэлитов. Ее голая грязная ступня с рубиновым кольцом на пальце была последним штрихом элегантности.

– Нэнси? – Док коснулся ее плеча, и она склонилась вперед, лицом вниз. – Нэнси!

Прямо как в кино, подумал Фин и посмотрел на ее спину в поисках рукоятки украшенного драгоценными камнями стилета. Нэнси вздохнула и сделала несколько скребущих движений.

– Переживает ужасные часы, – объяснил Док, – как вы, должно быть, заметили по ее запавшим глазам с настоящими темными кругами. Нэнси, проснись.

Тем не менее, подумал Фин, обеспокоенным Док не выглядит.

Нэнси застонала, выпрямилась и начала чесать колено.

– Мы готовы начать, – сказала миссис Уэбб.

Девушка молча поднялась и прошаркала к двери. Остальная группа, возглавляемая этим лунатиком, покорно пересекла холл и вошла в комнату для сеансов.

Это был хорошо сохранившийся, отделанный панелями обеденный зал с круглым столом и тусклой люстрой. Когда все расселись, миссис Уэбб дала указания.

– Мы все возьмемся за руки, – инструктировала она, – сомкнув магический круг, по которому будет струится эфирная энергия. – Она отодвинула тяжелую коричневую занавеску, за которой открылся небольшой альков; находился он примерно в четырех футах от того места, где сидела миссис Уэбб. В нише стоял легкий карточный столик. Один за другим она брала лежащие на нем предметы и объясняла их предназначение.

– Есть множество способов, – продолжила она, – с помощью которых развоплощенные сущности тех, кто перешел в единство с эфириумом, могут говорить с нами. – Свет наложил глубокие тени вокруг ее глаз; когда она повернулась, чтобы взять колокольчик, тени двинулись следом по высоким скулам. – Иногда они могут быть довольно игривыми, а игривые сущности нуждаются в игрушках. Вот здесь у меня колокольчик... рупор, сделанный из бу маги... мандолина... и грифельная доска.

Игрушки займут их и отвлекут от опасных шалостей с миром живых. Вы, должно быть, знаете, как трудно сносить изобилие так называемых полтергейстов. Они любят дотрагиваться, щипаться, тянуть за волосы и даже наносить травмы. Сегодня вечером для нас нет никакой опасности, пока мы сохраняем круг неразрывным.

Просто для того, чтобы никто из вас не испугался в дальнейшем «странных» звуков, привожу звучание колокольчика и мандолины. – После прослушивания она пере-

дала собравшимся бумажный рупор для исследования (профессор Хакель внимательно осмотрел его и уточнил, что он сделан из картона) и показала грифельную доску. Держа за ручку, как ручное зеркальце, она покрутила ей, продемонстрировав, что обе стороны пусты.

Когда «игрушки» были возвращены в альков, она задернула занавеску и села.

– Я попрошу доктора Лодердейла и профессора Хакеля крепко взять меня за запястья и плотнее прижаться своими ногами к моим. Эфирная энергия иногда может быть исключительно сильной. Иногда под ее воздействием у меня выкручивало мышцы. Эрнестина, запри дверь и выключи, пожалуйста, свет.

Фин держал шершавую руку Джейн Форстер и взял потное запястье Эрнестины Джонсон, когда та вернулась за стол. Темная комната начала расширяться, словно раздувалась от прерывистого дыхания медиума. Других звуков не было.

Миссис Уэбб начала стонать, и Фин услышал, как зашуршал шелк ее платья. Внезапно она закричала, переходя на высокое контральто, и этот крик вызвал у него удушье. Затем наступили минуты гробовой тишины. Руки самого Фина вспотели, отчего он почувствовал себя пойманным в ловушку собственными руками. Черт, может, кто-то стоит сейчас у него за спиной в безмолвной темноте, почти вплотную, протягивая руки к горлу?..

– Да? – отозвалась миссис Уэбб. – Да? Да? Морис? Морис?

– *Это Морис*, – заговорила она утробным голосом. – *Привет, моя дорогая. У меня для тебя очень много сообщений. Тут все хотят передать тебе привет. ПРИВЕТ!*

Еще раз тряхнуло, и колокольчик зазвенел в нише.

– *Здесь есть кто-нибудь по имени Алан? Алан Форрест?*

Рука Джейн дернулась. Ее муж хрипло прошептал:

– Я Алан, Форстер.

Морис получил сообщение от матери Алана.

– Она говорит, что ты должен перестать есть мясо и носить шкуры животных, Алан. И что-то насчет магазина.

Алан пояснил, что унаследовал антикварный магазин от своей матери.

– Что-то насчет Риджент-стрит. В этом есть какой-нибудь смысл?

– Э-э, нет.

– Она говорит, Риджент-стрит – стол. Или стул.

Рука Джейн стукнула костяшками пальцев Фиона по столу.

– Кресло эпохи Регентства! – воскликнула она. – То, что в витрине!

– Боже! Совершенно точно! У нас в витрине магазина выставлено кресло эпохи Регентства! – Судя по звуку, Алан подпрыгнул на стуле. – А что еще она говорит?

– Витрина, витрина, витрина. Сквозь тусклое стекло. – Морис, казалось, тянул время. – В окнах небесных темно, Алан. Не продавай это кресло темному человеку.

– Слушайте, слушайте, – раздался пронзительный голос Брюса Данка.

– Мужчина с темными волосами, – поправился Морис. – Он – принц-регент Тьмы. Ты слышишь? – Ударили струны мандолины.

– Да, мама. – Трудно было сказать, испугались Форстеры или испытали разочарование.

Морис передал послания для Эрнестины (от ее отца), Стоуни (от сестры) и профессора Хакеля (от Сократа). Дунк немного поболтал со старым товарищем-летчиком, чья память была столь же расплывчатой, а словарный запас совершенно не военным.

Фин заскучал. Мандолина с колокольчиком – придумано, конечно, здорово (он подозревал нити и скрытую панель), но когда проявился дух индейского вождя с невообразимым именем Грозовой Гром, который имел сообщение для некоего Теккерей, у него возникло желание узнать, который час.

– *Вождь Грозовой Гром приветствует тебя, Теккерей, от имени Великого Духа.*

– Сердце мое возрадовалось, – ответил Фин. – Судя по имени, вождь принадлежит к племени куакиутль. Я прав?

– *Истинно, Теккерей.*

– Или, возможно, ютопи, – добавил Фин. – Да, это определено имя ютопи. – Выдумав на ходу племя ютопи, он почувствовал себя вправе нести любую чушь от их имени.

– *Э-э... все племена, как одно, живут в Счастливых Охотничьих Угодьях.*

– Понятно. Только я сомневаюсь, что у куакиутль есть Счастливые Охотничьи Угодья, поскольку они, как вы, естественно, понимаете, являются племенем рыболовов. Однако, подозреваю, он известен им под другим именем.

– *Ты говоришь истину. Все...*

– Все имена, как одно, полагаю. Боже, это дело с этерическим полетом действительно сложное, не так ли? Иногда я удивляюсь, как духи могут помнить, кто они на самом деле.

– *Но я знаю, кто ты такой, Теккерей,* – медленно проговорил Грозовой Гром-Морис.

– О?

– *Ты детектив. Ты нашел убийцу человека, который рисовал картины.*

– Верно, Аарон Уоллис был художником. – Кто-то, подумал Фин, читал газеты.

– *Аарон здесь. Он благодарит тебя за то, что ты сделал. Но вместе с тем он хочет предупредить тебя, что некоторые тайны лучше оставить в покое. Если ты зайдешь слишком далеко, то будешь опозорен в Суде Запредельного. Тебе понятно?*

Какую тайну, промелькнуло у него в голове, скрывает Запредельное?

– Вполне.

– *Аарон надеется, что ты подойдешь к этому вопросу с позиции верного умонастроения. С сердцем. Смотришь, ве-*

ришь, понимаешь. У тебя есть огромный потенциал психических сил, хотя ты этого не знаешь. Как ты поймал его убийцу, так ты поймаешь и другого.

За столом, казалось, все затаили дыхание.

– Поймаю? И убийцу кого же я должен поймать?

– Меня, – ответил голос. – *Меня, Мориса Уэбба, убили!*

– Будь я проклят! – прошептал Док.

Брюс Данк буркнул:

– Черномазые, не сойти мне с этого места.

Фин спросил Мориса, кто его убил.

– *Я не могу сказать. Я знаю, но не могу сказать. Однако со временем ты все поймешь.*

– В таком случае как вас убили? – спросил Фин.

– *При помощи психического яда. Вот почему я хочу, чтобы ты использовал свои скрытые силы, чтобы отомстить за меня.*

– А нельзя ли какую-нибудь подсказку?

Ответа не последовало. Вместо этого столик в нише начал раскачиваться и громко стучать. Миссис Уэбб снова закричала, затем раздался страшный грохот.

Своим натуральным голосом она спросила:

– Что? Что это? Эрнестина, не могла бы ты зажечь свет?

Прежде чем Эрнестина отпустила его руку, Фин услышал, как что-то упало на стол перед ним. Когда зажегся свет, он увидел, что это был рупор. Миссис Уэбб, обливаясь потом, все еще сидела, крепко держась за своих партнеров по кругу.

Хакель вскочил и отдернул занавески алькова. Маленький столик свалился набок. Профессор порылся в вещах на полу.

– Я ничего не понимаю, – сказал он, поднимая доску. Его борода и волосы, казалось, еще больше встопорщились; глаза дико вращались: – Кто, черт возьми, это написал?

На грифельной доске аккуратно мелом было выведено:

Ф И Н

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРЮК С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ

За травяным чаем в гостиной они провели тщательное «вскрытие».

– Мама говорила о тьме, – сказал Алан Форстер. – Я думаю, она имела в виду темное пятно на том кресле, эпохи Регентства.

– Кровь! – воскликнула Джейн. – Это может быть кровь! Как вы думаете, могли кого-нибудь *убить* в этом кресле? – Было очевидно, что она сильно завидовала внезапно обрушившейся на Фина известности.

Данк откашлялся.

– Кстати об убийствах, старина, вы действительно раскрыли одно из них? Вы должны мне все рассказать, я очень люблю читать об убийствах, когда нахожу на это время. Вообще меня многое интересует. Вы когда-нибудь читали хороший вестерн? Я помню в одном... – И еще некоторое время его кидало от ковбоев до прыжков с трамплина, от прыжков с трамплина до политических последствий монархических режимов. Закончилось все, как и прежде, Но-страдамусом.

Док и Эрнестина загнали сыщика в угол, расспрашивая об убийстве, которое он раскрыл, и о том, которое еще раскроет.

– Обожаю загадочные убийства, – сказал Док. – Интересно, что там стряслось со стариком Уэббом?

– Старик... Вы его знали? – спросил Фин.

– Нет, я употребил слово «старик» в значении чего-то давнего, поскольку представляю его фигурой доисторической. Почти ископаемой.

– Я тоже ничего не знаю о нем, – добавила Эрнестина, – и не думаю, что кто-то в обществе знает, кроме миссис Уэбб. Извините, я вижу, пришел Стив. Пойду принесу еще чашку.

Когда она ушла, Док нахмурился.

– Мне интересно, не происходит ли здесь чего-нибудь странного, – сказал он.

– Мне тоже, – к ним присоединился Хакель. – Особенно этот инцидент с доской. Что-то здесь мутно, голову можно сломать.

Фин поставил нетронутый чай на каминную полку.

– Вы так думаете? Я считаю, что инцидент с доской достаточно прозрачный.

– Только не выдавайте мне секрет. – Хакель был раздражен. – Я хочу сам во всем разобраться. Но, кажется, мы действительно столкнулись с чем-то...

– Сверхъестественным? – предположил Док.

Раздражение Хакеля сменилось гневом. Его густые брови изобразили «без десяти два», и он почти прорычал:

– Черт! Это просто дьявольский трюк, как и все ее спец-эффекты! И я собираюсь докопаться до сути этого преднамеренного мошенничества, даже если это будет последнее, что я сделаю! – Его медвежья лапа тряслась, проливая чай на блюдце. – Это не секретная панель, я проверял. Я чертовски крепко держал ее за правую руку и ногу. А как вы вели себя по другую сторону?

– Не сомневайтесь, я приклеился к ней намертво, – ответил Док. – Но даже если бы моя хватка ослабла, я не понимаю, как бы она могла написать что-то ровными, печатными буквами в полной темноте. Но и без этого как объяснить все остальное? Рупор, свалившийся на стол откуда-то сверху? Колокольчик?

Хакель пристально посмотрел на него.

– Я думаю, нас *загипнотизировали*. Внушили поверить в то, чего не было.

У Дока по непонятной причине не наблюдалось обычного добродушия.

– Ну конечно! Валите все на гипноз. Это же более вероятно, чем принять тот очевидный факт, что кто-то выходил из-за стола. Забавно, что вы всегда игнорируете очевидное, не правда ли, профессор? Такое впечатление, что тем самым вы хотите отвлечь внимание от истинного события.

– К чему вы клоните, Лодердейл? Карты на стол!

– Так, мальчики, мир. – Стоуни встал между ними. – У нас гость, и это никуда не годится. – Его изящные кисти легли на напряженные плечи буйанов; казалось, следующим шагом он предложит им пожать друг другу руки.

Хакель отошел и сел за рояль. Выбив несколько примитивных аккордов типа «собачьего вальса», он начал играть, искусно подражая Телониусу Монку¹⁹. Док вышел из комнаты.

– Я должен извиниться, мистер Фин, – мягко произнес Стоуни. – Просто не знаю, что сегодня на всех нашло. Стив поссорился с Нэнси, а теперь еще и эти петухи. Боюсь, все наши разглагольствования о духовной гармонии оборачиваются пустым звуком, а?

– Может быть, нервы не выдержали из-за того, что детектив в доме? Кто-то чувствует за собой вину или что-то в этом роде.

– Вы действительно так считаете? Святые небеса!

– Нет, я так не считаю. В конце концов я всего лишь любитель. И здесь не для того, чтобы вынюхивать чьи-то секреты. За исключением некоторых секретов древних народов.

19 Телониус Сфир Монк (1917–1982) – джазовый пианист и композитор, авангардист и примитивист. Манера его игры изобиловала «скачками» и «рваными» ритмами.

– Это доктор Лодердейл, правда. Таким грубым он становится всякий раз, когда бедняга Дэйв не выходит на контакт. К тому же профессор одержим попыткой уличить миссис Уэбб в мошеннической игре. Но, кажется, миссис Уэбб хочет поговорить с вами.

Она сидела на диване в углу, склонившись вперед, и что-то втолковывала Нэнси и Стиву, которые расположились подле нее на полу. Фин застал только последнюю фразу:

– ...неважно, ты не смеешь разговаривать с ней *таким* тоном. А, мистер Фин! Вы знакомы со Стивом?

Певец был хмур, но сейчас поднял глаза и рассеянно улыбнулся.

– Мистер Фин – частный детектив, – объяснила миссис Уэбб.

– Шпик! – сказал Стив и добавил без всякой иронии: – Потрясающе!

Фин сел на диван, а Стоуни придвинул стул.

– Мистер Фин, я уверена, что вы экстрасенс, – продолжила миссис Уэбб. – Возможно, вы этого не знаете, но у вас огромный потенциал. Я хотела бы попросить вас... *мы* хотели бы попросить вас стать полноправным членом Общества Эфирной Мандалы.

Значит, они не только покопались в моем прошлом, подумал он. Они проверили мой банковский счет. Он прервал размышления.

– Я... я действительно не знаю, что сказать. Я не уверен, что... достоин этого...

– Мы разбираемся в этом лучше, чем вы, поверьте.

– Но вы совершенно не знаете меня. – Он перевел взгляд на парочку, сидевшую на полу. Нэнси разглядывала узоры на ковре, Стив грыз костяшки пальцев и не сводил глаз с Нэнси. Никто из них не слушал, что он говорит. – Я даже не со всеми членами знаком.

– Мы думаем, что знаем достаточно. Естественно, предложение является предварительным. Если мы не приходим

к единому мнению, ставим точку. Да, и не беспокойтесь о расходах. Позже Эрнестина вместе с вами займется финансами Общества. При этом вы свободны от обязательств.

– Тогда я с радостью соглашаюсь.

– Замечательно. Посвящение можно устроить прямо сейчас. Эрнестина, ты не можешь пригласить сюда Дока? Мы посвящаем мистера Фина.

Посвящаем мистера Фина. Он представил танцы обнаженных с факелами, испытание судом, выжигание клейма тайного общества...

В действительности все оказалось гораздо прозаичнее. Миссис Уэбб произнесла короткую речь, в которой изложила цели Общества Эфирной Мандалы («Единство с Единым»). Затем каждый поочередно подходил к Фину, клал руки ему на плечи и говорил: «Брат». Через пять минут все было кончено, и они поздравили его. Даже Стив ради такого события перестал глодать тыльную часть ладони и протянул новому члену свою руку. Было решено, что Фин переедет в дом на следующий день.

Миссис Уэбб проводила его до входной двери.

– Ждем вас завтра к обеду, – сказала она, – и захватите самое необходимое. Полноценный переезд можно организовать позже. – Она продолжала изображать «чокнутую», болтая об эфирных гармониях, пока они не подошли к двери. Там ее поведение резко изменилось.

– Теперь я могу сказать вам, мистер Фин, что вы – лжец.

– Пардон?

– Я знаю, что ваше сердце неискренне, и, надеюсь, что остальные думают то же самое. Тем не менее я убедила их, чтобы вы были с нами.

– Но зачем? Это как-то связано со смертью вашего мужа?

Она поморщилась.

– Полагаю, здесь Морис просто разыграл вас. Нет, все гораздо серьезнее. Кто-то ворует деньги Общества.

– *Ворует деньги?*

– Шшш, не так громко. – Она взглянула на лестницу. – Это продолжается уже некоторое время. За неделю пропало целых пятьдесят фунтов.

– И вы хотите, чтобы я провел расследование. Но вы, несомненно, достаточно хорошо изучив каждого, должны знать, кто на такое способен.

– Я не уверена...

– Вы хотели сказать, миссис Уэбб, что уверены. Но вам неловко говорить с незнакомцем.

Она вздохнула.

– Я пока ничего не хочу сказать. Я обнаружила, что цифры в книгах Эрнестины не сходятся. Там есть записи, которые, кажется, были подтерты. – Ее пухлые пальцы, несмотря на изнеженность, стиснули его запястье, как кандалы. – Не поймите меня превратно. Дело не в деньгах. Это *предательство*.

– Когда Эрнестина начала работать у вас?

– Около одиннадцати лет назад. Вскоре после того, как Морис... ушел. – Тиски ослабли, и она добавила: – Это предательство, поймите. Предательство.

– Чем убит? Тут какие-то помехи на линии.

– Психическим ядом, Бикер. Психическим ядом.

Фин услышал странный треск в трубке и принял его за астматический смех Бикера.

– Чего вы хотите от меня, приятель? Поискать в энциклопедии под буквой «П»?

– Для начала я хочу, чтобы ты разыскал свидетельство о смерти Мориса Уэбба.

– Зачем?

– Затем, что я не имею ни малейшего представления, где искать подобные вещи. Далее я хочу, чтобы ты собрал все мало-мальски известные сплетни об Обществе Эфирной

Мандалы, особенно о финансовом положении его членов. Кстати, я теперь один из них. Я переезжаю туда сегодня.

– Поздравляю. Выяснить что-нибудь интересное на спиритическом сеансе успели?

– Кое-что. Мне нужно немного попрактиковаться, а потом я устрою тебе показательные выступления. Приходи в среду на ужин.

– О'кей. Больше говорить не могу. Мне нужно повидаться с некоторыми людьми по поводу бриллиантовых колечек, которые я упустил. Увидимся. Не теряйте, как говорится, духа.

Эрнестина подала обед в удручающе стерильной столовой на первом этаже. Окна с матовыми стеклами пропускали слишком мало света, поэтому ели они под люминесцентными лампами, как в каком-нибудь кафетерии Вулворта. Фрески с яблоками Грэнни Смит не привносили ничего нового, но отражали зеленый свет, подхваченный и усиленный длинным желто-зеленым пластиковым столом. Фин старался не думать о цветах гнилостного распада. Он предпочел бы принять пищу в теплых коричневых тонах комнаты для спиритических сеансов наверху, но круглый обеденный стол там явно предназначался для приема духовной пищи.

Еда была столь же удручающей, к тому же из не совсем очищенных продуктов. После ломтиков непромытой моркови шла чечевичная каша и вегетарианские сосиски, почти такие же мерзкие, как и натуральные. Вероятно, для стимуляции брожения весь набор поступил на дом с «силлабусом» из прокисшего козьего молока, взбитого с сахаром-сырцом.

Фин позавидовал прозорливости Нэнси по поводу сегодняшнего постного меню. Приему пищи она, очевидно, предпочла уединение в каком-нибудь оргонном ящике в

саду позади дома. Он позавидовал смелости Брюса Данка, который, потыкав несколько раз в тарелку, притворился насытившимся, вздохнул и извинился.

– После такой трапезы требуется прогулка, – сказал он, поднимаясь. – Нужно сжечь старые жиры. – Уходя, он взглянул на часы, несомненно, прикидывая, сколько времени у него есть, чтобы сбежать в паб.

Сыщик был единственным «неправильно питавшимся» в компании тех, кто, казалось, наслаждался соевым соусом и чечевичным пюре. Ему оставалось только глотать и терпеть, как проглотил и терпел новое прозвище, которое придумала для него Эрнестина.

– Я подумала, что вы захотите капельку кофе, *Тек*, – сказала она. – Сами-то мы его не пьем, но я знаю, что американцы без него не могут. Поэтому сегодня утром я купила немного специально для вас без кофеина, растворимый.

– Я действительно не знаю, что сказать, – пробормотал он с полным ртом творога. Она тяжело поднялась, чтобы поставить чайник.

– Потрясающе вкусный обед! – крикнул ей вслед Док. – Я прямо-таки *чувствую*, как наполняюсь питательными веществами. – Он похлопал брюшко под свободной гавайской рубашкой. – А как вам, Теккерей? Разве это не хорошо?

– Еще как! – Жуя, Фин восхищался богатством английского языка в плане выбора тактичной формулировки. – Хорошо не то слово.

Бодрствующий сон опустился над ними. Стоуни читал тоненькую книжку. Хакель, к неодобрению окружающих, чистил яблоко. Миссис Уэбб извинилась и отправилась наверх писать мемуары.

Стив съел яблоко правильным способом, с кожурой (сердцевина, плодоножка, мякоть – все целиком) и поднялся, чтобы выйти. Тут же поднялся Док. Как два лунатика, они двинулись к арке, которая вела в холл, и чуть не столкнулись, проходя через нее.

– Только не говорите мне, что вам тоже в туалет.

– О, тогда я за вами, Док.

– Я мигом.

Док повернул налево и исчез в холле, а Стив остался ждать, привалившись к арке.

Эрнестина как раз выносила «кофе», когда раздался звонок в дверь.

– Я открою, – вздохнул Стоуни и заложил страницу пальцем. Держа книгу, как молитвенник, двумя руками, он выскользнул в холл и повернул направо.

Эрнестина подала Фину варено и молочник с обезжиренным молоком. Подобрав несколько тарелок, она вернулась в буфетную, после чего Хакель и Фин остались в комнате одни.

Психолог отложил свое наполовину очищенное яблоко и подошел поближе к стулу.

– Мистер Фин, – сказал он вполголоса, очевидно, чтобы Стив и Эрнестина не услышали. – Я хотел поговорить с вами со вчерашнего вечера. Если вы действительно детектив, то здесь для вас есть настоящая работа.

– Работа какого характера?

– Все это... – он взмахнул десертным ножом, – чудовищное мошенничество. Вы ведь понимаете, о чем я, не так ли?

– Разве? Мошенничество, может быть, но чудовищное? Вдруг это небольшой дружеский розыгрыш с самыми добрыми намерениями?

– Возьмем, к примеру, миссис Уэбб. Она сейчас наверху, работает над своей новой книгой мемуаров «Сияние во тьме»... Это уже *третий* том. Такое же нагромождение лжи, как и два предыдущих. Она дьявольски умна, фабрикуя доказательства задним числом, чтобы прослыть чудотворцем.

И даже во время сеансов она повсюду втыкает свои книги. Не далее как несколько недель назад доктор Лодердейл *разговаривал* со своим сыном. Дэйв сказал отцу, чтобы тот перестал носить этого «опасного» скарабея, и Ло-

дердейл спросил его, откуда он знает, что амулет такой опасный.

«Для начала скажи мне, откуда ты это взял?» – спросил он. – «Я не помню, – ответил так называемый дух. – В этом месте много темного и запутанного. Но ты можешь прочитать об этом в книге миссис Уэбб». – Ну, и так далее. Как вам это нравится?!

– Значит, вы читали эту книгу?

– О да. Ее последняя, «И все-таки Голос». Отрывок, на который ссылается наш сомнительный дух, это просто байки, лубочная история о бродяге-цыгане, наглая выдумка. Меня не было рядом, когда мальчик приобрел амулет, но я присутствовал при его смерти. И все это чушь, что она была вызвана сверхъестественным образом. Абсолютно. Либо он сам придумал эту легенду, либо это сделали за него.

Фин отхлебнул метафорического кофе.

– А вы как думаете, откуда у него скарабей?

– Не знаю. Но я знаю, что вы должны разоблачить эту мадам мошенницу за то, кто она есть – *упырь*, пьющий кровь скорбящих. К примеру, она реально вцепилась своими когтями в доктора Лодердейла. Его больше не интересуют научные поиски истины. Взамен он довольствуется тем, что сидит сиднем, читает разную оккультную чепуху или просто размышляет.

– Размышляет? Или медитирует? Это с какой стороны посмотреть. Некоторые могли бы обвинить Ганди в том, что он слишком безучастен, а Будду, что он слишком задумчив, но это не значит, что так считали сами Ганди или Будда. Даже в научном поиске истины время от времени необходимо прекращать работу, чтобы просто немного отдохнуть.

Стиснутые зубы Хакеля показались сквозь бороду.

– Я понял вашу позицию, все нормально. Если вы собираетесь придираться к каждому слову...

– Я всего лишь хотел сказать, что Док мне совсем не кажется подавленным. Он совершенно жизнерадостен. – Фин улыбнулся. – Доволен!

– Вот вы где. Он *доволен*. И в этом месте! Он все еще думает, что у него есть спасительная нить, связывающая его с тем, кого он воображает духом своего сына. И страстно ненавидит любую правду, которая угрожает перерезать эту спасительную нить. Например, я рассказал ему, что думаю по поводу «бродяги-цыгана» и версии смерти Дэйва от проклятия. Я сказал, что его сын умер от передозировки героином. И нам не обязательно приплетать сюда проклятие, чтобы объяснить это.

И что – он с минуту смотрел на меня так, словно я был неизвестным представителем морской фауны, а потом сказал: «Профессор, я был бы вам очень признателен, если бы вы держали свой долбанный рот на замке по поводу моего сына».

С тех пор он избегает моего общества, а я, не стану отрицать, его. Когда мы беседуем... ну, каким образом, вы могли наблюдать вчера вечером. Не знаю. Если спиритизм так воздействует на серьезного ученого...

Хакель продолжал в том же духе еще некоторое время, обвиняя миссис Уэбб в мошенничестве, крупном и по мелочи. Он прервался только тогда, когда в комнату вошел Стоуни.

– Вы все еще ждете?! – бросил он, проходя мимо Стива в арку.

– Разве это похоже на что-то другое? Черт, я не железный. Он торчит там целых десять минут.

– У меня только что состоялся в дверях разговор с двумя вашими малолетними поклонницами. Две малышки, не старше двенадцати лет. Они требовали, чтобы я пропустил их к вам. Естественно, я отказал. Слушайте, почему бы вам не воспользоваться туалетом наверху?

Стив поморщился и тряхнул своими медными волосами.

– Я слишком долго терпел. Я едва могу пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться по лестнице.

Священник снова сел за свои заметки и книгу.

– Им нужна была прядь ваших волос или пуговица от рубашки, – крикнул он. – В общем, какой-то маленький фетиш. Невероятно!

Певец что-то промямлил о золотом сувенире и заковылял к туалету в конце холла. Там он начал дубасить в дверь.

– Господи, Док, можно побыстрее!

– Что это за книга? – спросил Фин.

Стоуни поднял ее:

– «Необыкновенный лозоходец» Адриана Мунка. Удивительная история о простолюдине, чья чувствительность аурических вибраций была настолько велика, что он мог определять пол будущего ребенка. Он держал прут над женщиной, и если тот опускался один раз, это был мальчик, два раза – девочка.

– А три раза – гермафродит, полагаю, – съязвил Хакель.

Стоуни показал им фронтиспис книги: мрачный фермер держал раздвоенный прут. Во всех мультфильмах про лозоходцев, которые видел Фин, прут неизменно клонило к земле, но на этом фото прут вел себя достаточно нейтрально. Подпись сообщала: «Джордж Пролп нашел подземную реку в пустыне Сахара».

– Пустыня Сахара? А похоже на Хэмпстед-Хит²⁰.

– Ах, так и есть. – Стоуни пролистал книгу и зачитал длинный отрывок, поясняющий, что люди могут определять подземные источники воды, просто поводя лозой над картой местности.

– Я тоже занимался лозоходством, – признался Стоуни. – Ничего особенно выдающегося, но в Гайд-парке я получил

20 Лесопарковая зона на севере Лондона, между деревьями Хэмпстед и Хайгейт в административном районе Камден.

несколько неожиданных результатов. Вы знаете, что там находилась чумная яма? Я пытался войти в контакт с душами некоторых жертв Великой Чумы. Он был неидеальным, но мне все же удалось принять кое-какие сообщения через лозу.

– Как именно это работает? – спросил Фин. Краем уха он слышал, как Стив все еще осаждает дверь в ванную.

– Очень похоже на стук по столу. Я уславливаюсь с духами посредством простого кода: один стук – «да», два стука – «нет». Но для передачи сообщения в полном объеме я пытаюсь работать по типу азбуки Морзе. Лоза начинает подергиваться в моих руках, а потом...

– Хватит пороть чушь, – сказал Хакель. – Вы прекрасно знаете, что сами двигаете прутом. Бессознательные движения.

– Может, и так. Но почему бы бессознательной части моего мозга не принимать эти сигналы по принципу радиоприемника.

Оставив их спорить, Фин подошел к арке и стал смотреть, как Стив в ярости колотит и пинает дверь ванной.

– *Я мигом*, – злорадствовал он. – Это «мигом» длится уже полчаса! Ну же, Док, я знаю, что вы там! Рядом со мной частный детектив, который любит вышибать двери!

Внезапно Стив перестал ломиться в дверь и с серьезным видом произнес:

– Я только что сообразил. Его сердце! Как вы думаете?..

Фин постучал в дверь.

– Доктор Лодердейл, с вами все в порядке? – Полная тишина, никаких звуков, кроме шума воды. Он повернул ручку и заметил под ней замочную скважину. – Где ключ от этой штуковины?

– Может, с той стороны. Я не знаю, где.

Хакель, Стоуни и Эрнестина вышли из столовой.

– Там Док, – объяснил Стив, готовясь пнуть дверь. – Кажется, с ним что-то случилось. Похоже, сердечный приступ.

Три сильных удара каблуком ботинка поцарапали, но не поколебали дверь.

– Ломать дверь нет необходимости, – сказал Хакель. – В буфетной вроде были какие-то ключи. Я сейчас принесу.

Вернувшись со связкой, он начал подбирать ключи. Четвертый ключ подошел. Фин толкнул дверь, ожидая наткнуться на что-то тяжелое, препятствующее открытию.

Один из кранов раковины был открыт. Сверху на стеклянной полочке лежал египетский скарабей.

Доктор Лодердейл исчез.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕРНАЯ АУРА

– Вы уверены, что он входил сюда, – спросил Фин, пытаясь открыть окно, – и больше не выходил?

– Что вы имеете в виду? Я *видел*, как он вошел сюда, и ни на секунду не отрывал глаз от двери. – Певец взял скарабея и осмотрел его. – Как вошел, так и не выходил. Через дверь точно.

– И в окно тоже. Оно заперто и имеет защиту от взлома. – Фин заглянул в ванну и приподнял крышку унитаза. – Думаю, будь я полицейским детективом, я бы обсыпал унитаз порошком для снятия отпечатков пальцев. Кто связал этот чехол для сиденья?

– Я, – сказала Эрнестина, – и что тут такого?..

– Ничего-ничего, просто детективы хватаются за любые соломинки, когда застревают.

– Значит, вы застряли? – спросил Стоуни.

– Нет. Ваша версия, профессор?

Профессора можно было и не спрашивать, поскольку следуя своей теории, он опустился на колени и начал простукивать пол, затем поднялся и повторил то же самое с кафельной плиткой на стенах.

– Секретная панель, – объяснил он, – она должна быть где-то здесь.

Стив прыснул, Стоуни, не желая толкаться в тесном помещении вместе с остальными, стоял в дверях, сложив руки на груди. У него за спиной Фин увидел ноги миссис Уэбб в

домашних туфлях, медленно спускающиеся по черной лестнице.

Священник казался удивленным.

– Послушайте, профессор. С чего бы здесь быть секретной панелью? Чтобы вылезти из ванной в буфетную да в холл? Для меня очевидно, что мы имеем дело не только с физическим...

– Это чудо! – выдохнула Эрнестина. – Астральная проекция! Док, похоже, переместил свое тело через сплошную стену.

– Вполне возможно, – быстро кивнул Стоуни. – Всем известно, что так называемая твердая материя имеет значительные пустоты...

Его снова прервали – миссис Уэбб протиснулась мимо него в дверь.

– Что все это значит? – спросила она. – Я услышала страшный грохот и подумала, что кто-то хочет обрушить дом.

Эрнестина объяснила. Пока она говорила, глаза медиума сияли.

– Я так и знала, – торжественно произнесла она. – Я *что-то* почувствовала. Чье-то *присутствие*. Мне показалось, что какая-то душа пронеслась мимо моего стола, поднимаясь на более высокий уровень.

Фин обернулся и посмотрел на нее.

– Значит, вы что-то почувствовали, я правильно понял?

– Астральная проекция! – экзальтированно повторила Эрнестина, правда, внесла существенную корректировку: – Он, должно быть, переместил свое тело через потолок!

– Такой путь, конечно, нельзя исключать, – нахмурился Фин, – если только он не вышел в дверь.

Он вернулся под арку столовой к тому месту, где до этого стоял Стив. Справа без помех просматривалось все пространство холла до входной двери. Повернув голову влево, он увидел четыре возможных направления: три двери

и выход на черную лестницу; парадная лестница находилась за углом, вне поля зрения.

– Вы не могли случайно ошибиться дверью? – Он прошелся по холлу, распахивая двери. – Кладовка со швабрами, кухня, комната отдыха. Судя по пыли, ими давно не пользовались.

– Мы собирались проводить здесь спиритические сеансы, – объяснила миссис Уэбб. – Вот почему мы сохранили кухню и комнату отдыха в передней части, которую могли бы использовать как общую спальню. Я хочу их как-то переделать, но у меня не хватает времени...

– Я вижу, у вас что-то замуровано здесь, за лестницей.

– Лестница в подвал, – сказала Эрнестина, – предыдущий владелец начал разгораживать дом на квартиры.

– И задняя дверь, смотрю, заперта.

– В последнее время приходится запирать ее на засов. – Стоуни шагнул вперед и отодвинул верхние засовы, пока Фин возился с нижними. – Несколько недель назад одна из юных фанаток Стива пыталась проникнуть сюда. Она легко вскрыла замок!

Фин открыл дверь и столкнулся лоб в лоб с Нэнси, протянувшей руку к звонку.

– Как вы узнали, что я здесь? – Закинув сумку на плечо, она вошла.

Фин посмотрел мимо нее в сад.

– Я просто почувствовал. Вы выходили из дома сегодня утром через эту дверь?

– Конечно. – Она сбросила оранжевое замшевое пальто и перекинула его через руку. – Стоуни выпустил меня. Мы всегда держим ее запертой, видите ли, потому что...

– Мне только что сказали. Ваш оргонный ящик, он где-то в саду?

– Да, вон там. – Она указала на небольшой сарай в углу сада. – Я уже несколько часов подзаряжаю свои оргоны. А что, собственно, происходит? Почему все толпятся в холле?

– Док исчез, – ответил Фин. – Вы случайно не видели его, проходящего сквозь заднюю стену? Прошу вернуться всех в столовую.

Когда все расселись, он достал блокнот и быстро нарисовал план:

– Итак, мы знаем, что Док пошел в ванную. Стив видел, как он вошел туда, но никто не видел, как он вышел. Если мы соглашаемся с этим фактом, я бы хотел, чтобы все взглянули на этот план и подумали. И еще, с вашего позволения, я хотел бы посмотреть наверху.

– Но зачем? – Эрнестина выглядела удивленной.

– Я хочу посмотреть, не мог ли Док подняться по черной лестнице так, чтобы Стив его не заметил. В любом случае не помешало бы обследовать весь дом.

– Я пойду с вами, – заявил Хакель, позвякивая ключами. – С чего начнем?

– Второй этаж? Я не рассчитываю найти его, вы же понимаете. К этому времени он мог легко спуститься вниз по парадной лестнице и выскользнуть через входную дверь.

– Ну, тогда я возвращаюсь к работе, – сказала миссис Уэбб. – У меня есть дела поважнее, чем слоняться по дому с нелепым поручением.

Она поднималась по лестнице, опережая Fiна и Хакеля на целый пролет.

– Я этого совсем не понимаю, – рассуждал Хакель. – Вот ни складу ни ладу с этим... этим трюком с исчезновением. – Он отер пот со лба. – Тут едва ли не магия.

– Другими словами: ни логики, ни смысла. Смысл здесь, полагаю, трагический. Профессор, мы должны сообщить в полицию.

Хакель погладил бороду.

– Вы действительно думаете, что все так серьезно? Сообщить нетрудно, но миссис Уэбб придет в ярость, должен вас предупредить.

– Наверное, вы правы. Да и что мы скажем полиции, кроме маловразумительного бреда?

Проверив гостиную, комнату для сеансов и две кладовки, двери которых выходили в холл, они поднялись на третий этаж. Здесь, по словам Хакеля, было три спальни, библиотека и туалет.

Библиотека больше напоминала зал. Фин пробежался по нескольким названиям и подошел к ближайшему окну.

– Оно выходит на фасад, – сказал он. – Наконец-то я понял, как устроен этот дом. Внизу под нами находится гостиная, а сверху лекционный зал. А на последнем этаже есть что-нибудь столь же вместительное?

– Кабинет миссис Уэбб. Может, взглянем на спальни?

Первая по счету принадлежала миссис Уэбб: вычурная, в розовых драпировках, она не являла собой образец опрятности. Широкие одежды и нижнее белье свисали с зеркала туалетного столика; стол был заставлен коробками, баночками и бутылочками с названиями, от которых веяло сельской местностью («Молочко для кожи из люцерны»),

«Крем от морщин из березового сока»); шкаф распирало от дорогих платьев; под кровать забились меховая пелерина из лисы.

У Нэнси стены были черными, с большими астрологическими знаками, нанесенными флуоресцентной краской. Ее кровать с водяным матрацем, судя по следам на ковре, давно нуждалась в починке.

Комната Эрнестины была опрятной и прибранной, с полизанным полом, некрашеными стенами и чем-то вроде армейской кровати. Ее платья выглядели как ручная работа, а свитера, предположил Фин, были связаны по рисунку из книги, стоявшей здесь же на полке. Единственным украшением комнаты служило деревянное распятие с гипсовой фигуркой Христа, раны которого кровоточили красной краской.

– Католичка? Или просто любовь ко всему мистическому? – спросил Фин.

– Она мистик, это точно. Утверждает, что у нее были видения. Я не удивлюсь, если они с миссис Уэбб в скором времени займутся видениями Дока.

Лекционный зал на четвертом этаже Фин достаточно хорошо изучил, но сейчас Хакель провел его через дверь в диагональной перегородке в маленькую треугольную комнату с одним окном и без мебели.

– Для индивидуальных медитаций, – пояснил он. – Они называют это место *тихой комнатой*.

Фин открыл французское окно и вышел на балкон.

– Близость улицы не делает комнату такой уж тихой. Хотя, наверное, для шума здесь немного высокогато.

Первая спальня на этом этаже принадлежала самому Хакелю и напоминала дешевый гостиничный номер. Костюмы в шкафу были такими же мрачными, как обложки пухлых книг на столе, где стояла плоская портативная пишущая машинка с небольшой стопкой отпечатанных за-

меток, озаглавленных «Массовые галлюцинации в культе спиритов».

– Мне не очень нравится название, – сказал Фин.

– Полагаю, вас расстраивает мысль о массовых галлюцинациях? – быстро предположил Хакель.

– О, нет. Но «культ спиритов» – это опасная линия, профессор.

– Опасная! Боже мой, вам не кажется, что вера в духов гораздо опаснее? Нужно ли мне напоминать вам, что верующие в Святого Духа сжигали людей на костре?

– Сейчас ставки совсем другие. Как и большинство людей, вы не видите, что безвредные чудачки действительно безвредны. Вы хотите организовать свою собственную инквизицию против них, но вы должны игнорировать их, а не распалать.

– Я уже слышал подобное раньше. Пусть они продолжают свое поклонение духам...

– Но в том-то и дело: спиритуалистам *плевать* на духов. Они не верят ни во что, кроме тела.

– *Тела?*

– Они поклоняются телу и любят его до того сильно, что не могут отпустить даже после смерти. И каждый раз им требуется воскрешать его для нового сеанса, новой игры.

Заметили закономерность в их ахинее? Они заменяют физическое тело *астральным*. Вместо еды оно питается *силой мысли*, вместо воздуха дышит *эфиром*, состоит не из протоплазмы, а из *эктоплазмы*, и так далее. Пишет на грифельных досках, разбрасывает предметы, играет на музыкальных инструментах. Другими словами, это обычное живое тело. Разве вы не видите? Они просто хотят жить вместе с ними.

– Отличная дискуссионная позиция. Но почему моя статья «опасная»?

– Потому что это показывает, что вы их совсем не понимаете. А это значит, что вам грозит опасность стать одним

из них. Они видят это, даже если вы не видите; вот почему они позволяют вам ошиваться здесь. Поверьте мне, они испробуют любые средства, чтобы обратить вас. У меня такое ощущение, что маленький эксцесс Дока может быть частью их плана завладения.

– Я не понимаю всего этого, мистер Фин.

– Профессор, вы слишком доверяете своим пяти чувствам. Все, что вы не в силах объяснить, считается у вас «галлюцинацией». Это ваша слабость, и я уверен, что они – или некоторые из них – знают об этом. Вам не хватает единственного чувства, которое они не посмеют обмануть. Шестое чувство может спасти вас.

Они открыли дверь в соседнюю комнату, которая выглядела пустующей.

– Ну конечно, шестое чувство! – пробормотал Хакель. – И что же это, позвольте спросить?

Фин вздохнул.

– Чувство юмора. Чья это комната?

– Ваша, полагаю. Кто-то должен был показать ее вам раньше.

Следующей шла спальня Данка. На стене висели медные лошадки, у кровати скопилась изрядная стопка дешевого чтива в мягких обложках: вестерны некоего Латиго Хэнда, экзегеза²¹ Нострадамуса и опус под названием «Негри-тянский зверь» без указания автора и пометки издателя. Под кроватью, откуда Данк, возможно, ждал атаки чернокожих убийц, держала оборону батарея пустых бутылок из-под бренди.

На пятом этаже располагались спальни Стоуни, Дока и Стива. Аккуратная келья Стоуни не содержала ничего более захватывающего, чем подставка из орехового дерева, на которой он держал свои воротнички. У Дока почти не было личных вещей, кроме одежды, небольшого запаса

21 Толкование богословских текстов.

зародышей пшеницы и витаминов, а также фотографии угрюмого мальчика в рамке.

– Это Дэйв. Насколько я знаю, его мать погибла в авиакатастрофе, и Док худо-бедно воспитывал его один.

– Что за человек был Дэйв?

– Скрытный и отчасти параноид²². Всегда бесшумно подкрадывался и смотрел на каждого с таким же мрачным выражением лица, как здесь. – Хакель изучал фотографию. – Никто его особо не любил.

Когда они снова вышли в холл, Фин спросил:

– Интересно, зачем держать такого в Обществе?

– Кое-что предпринималось, чтобы избавиться от него, но в конечном счете это ни к чему не привело. А потом он умер.

– Может, все-таки кто-то избавился от Дэйва?

– Об этом не может быть и речи, – отрезал Хакель, однако его рука дрожала, когда он открывал дверь в комнату Стива.

Пространство комнаты было заполнено миниатюрными моделями аэропланов. Не менее дюжины из них, основных цветов, крепились на растяжках к стенам.

Фин, опустив голову, нырнул между ними.

– Меня посещала мысль, что Стив может увлекаться моделированием.

Хакель скорчил гримасу.

– Уверен, у вас сложилась некая замысловатая фрейдистская теория по поводу Стива, верно? Фанатик, запирающийся на несколько часов со своими рукотворными птицами...

– Не совсем. Я видел, как он грыз свои руки вчера вечером. Грыз костяшки пальцев, отдирая засохший клей. Я делал то же самое, когда был ребенком. Однако я не ожидал

22 Параноид – это расстройство личности, которое характеризуется острым недоверием к окружающим. Люди с параноидальным синдромом подозрительны, ревнивы, во всем видят подвох.

увидеть такие архаичные модели. Стив действительно влюблен в старую технику, не так ли? И кропотлив.

Он склонился над чертежом, лежавшим на столе, отодвинув в сторону ворох из обрезков бальсового дерева и серебристой бумаги, чтобы получше рассмотреть его.

– Фоккер-триплан Первой мировой войны. Как сейчас помню: стрингеры и формообразователи, двугранные углы и аэролак...

Его воспоминания вслух прервались. Он выглядел задумчивым, но вовсе не ностальгирующим.

– Ведите дальше, профессор.

– Остался только кабинет миссис Уэбб, напротив через холл.

Яростный стук пишущей машинки доносился из-за двери. Но когда они открыли ее, машинистки не было видно.

Кабинет оказался просторным и уютным помещением, с низким диваном, удобными креслами у камина и тремя высокими французскими окнами. В дальнем конце до самого потолка тянулись полки с оккультной атрибутикой. Вокруг среднего окна кто-то воздвиг баррикаду из карточных шкафов, увенчанных африканскими фиалками. Звук машинки исходил оттуда, и Фин разглядел сквозь бархатную листву серо-бурый перманент миссис Уэбб.

Двое мужчин обогнули баррикаду и увидели ее, работающую за большим неприбранным столом.

– Вы что-то хотели, джентльмены? Подождите, сейчас я закончу абзац и уделю вам несколько минут перед сном.

Они подождали, пока она выпустит еще несколько очеркей из своей машинки.

– Мы нигде не нашли Дока, – сказал профессор.

– Меня это не удивляет. Он ушел, – произнесла она с понимающей улыбкой. – Вознесся в вихре, как Илия²³. Мы его больше не увидим, если только он не решит спустить-

23 Библейский пророк Илия за большую силу и дерзновение у Бога был живым взят на небо.

ся с астральной плоскости, а я не вижу причин, почему он должен это делать. О том, что это произойдет, я могла сказать вам еще несколько месяцев назад. Я заметила тогда, что цветовые эманации...

– Бросьте вы свои цветовые эманации! – не сдержался Хакель. – Разве это не типично заявлять о событии, которое уже свершилось, так, словно вы знали, что оно должно было случиться. Скажите честно, вы все это только что выдумали, так?

Она продолжала улыбаться.

– Нет, профессор, это не так. Авторитет миссис Безант²⁴ и других, великого множества других, позволяет мне заявить, что цвет и качество ауры являются определяющими для личности и будущего состояния человека. В вашем теперешнем состоянии гнева, например, ваша аура будет ярко-красной, возможно, с зеленым оттенком зависти в ореоле. Аура доктора Лодердейла, к сожалению, была черной. Черный цвет означает полную смерть физического тела.

– Ох, я бессилён! – уходя, Хакель хлопнул дверью.

– Садитесь, мистер Фин, я хотела показать вам счета. Так, давайте посмотрим, куда я положила книгу на этот раз.

Действительно, куда? Письменный стол утопал в хаосе бумаг и раскрытых книг, к которому примешивались предметы с полок. Хрустальный шар на покрытой пылью бархатной подставке удерживал стопку машинописного текста с тем же налетом пыли, «волшебная лоза» служила неуклюжей закладкой, а телефонный аппарат обосновался на веере из замусоленных карт Таро. Миссис Уэбб погрузилась в этот канцелярский ужас и наконец всплыла на поверхность с тяжелым гробсбухом.

– Вот о чем я с вами говорила. Видите эти записи?

Фин посмотрел и пожал плечами.

24 Анни Безант (урождённая Вуд; 1847–1933) – теософ, мистик, борец за права женщин, писатель и оратор, сторонница независимости Ирландии и Индии.

– Вижу, только я не бухгалтер. – Он взял книгу и перевернул несколько страниц. – Насколько я понимаю, все записи делала Эрнестина?

– О, да. И она всегда разумно вела счета, пока я не проверила. Как вы можете видеть, ее цифры не сходятся. И некоторые, кажется, были подтерты. Я не знаю, что с этим делать.

– Ясно. Баланс превышен на сто фунтов. Тем не менее такой способ присвоения представляется не самым умным. Я уверен, что Эрнестина, если она действительно хорошо разбирается в счетах, придумала бы более надежный способ обокрасть вас.

Он встал, захлопнув книгу.

– Если вы не против, я возьму ее и изучу более тщательно. Хотя бы для того, чтобы выявить несходящиеся балансы. Но на самом деле вам требуется аудит, проведенный профессионалом. Ревизия всех квитанций и счетов. В принципе, учитывая размер вашей организации, удивительно, что вы не справляетесь со всей этой бухгалтерией.

Она сняла свой поношенный кардиган со спинки стула и накинула его на плечи.

– Не в этом дело, мистер Фин. Право, мне невдомек, почему я должна позволять «профессионалам» вмешиваться в наши дела? Где в этом доверие и любовь? Мы ведь не такая уж и «организация», правда?

Фин спустился в гостиную с книгой в руке, надеясь, что кто-нибудь заметит ее, залетится краской стыда и разом выложит перед ним все подробности своего преступления. Никто не взглянул ни на книгу, ни на самого Финна.

Нэнси сидела в кресле с прямой спинкой, позволяя Стиву расчесывать ее темные волосы. Эрнестина расположилась от них на максимально далеком расстоянии и постоянно наблюдала за ними. Остальные обсуждали инцидент с Доком.

– Садитесь, старина, в ногах правды нет, – предложил Данк, поблескивая осоловелыми глазками. – Мне только

что в общих чертах рассказали об этом казусе с исчезновением. Ром, нет?

Стив посмотрел на него.

– Пожалуй, ром – это зло.

Хотя он произнес это тихо, слабослышащий человек сразу ошетинился.

– Я могу выпить бренди в обед, – сказал Данк. – Но, клянусь Богом, никто не скажет, что я похож на педика.

– На кого же вы тогда похожи? – так же тихо спросил Стив, продолжая расчесывать волосы.

– Что? Что ты сказал? Сделай милость, повтори свое замечание, парень, и я...

Эрнестина вмешалась:

– Как не стыдно! Вы, драчуны! Когда всем нам, возможно, посчастливилось стать свидетелями *чуда*, вы не нашли ничего лучшего, как затеять *свару*.

– Возможно, нас ждет еще одно чудо, – сказал Стоуни. – Стив планирует устроить нам небольшую презентацию сегодня вечером, не так ли, Стив?

– Что такое? – Хакель выпрямился. – Я не слышал ни о какой *презентации*.

– О, ничего особенного, на самом деле, – Стив выглядел смущенным. – Рано еще о чем-то говорить, вдруг сорвется. Но я бы хотел, чтобы Док на это посмотрел.

Хакель рассмеялся.

– Забудьте. Согласно оракулу наверху, Док не вернется до Судного дня.

Как раз в этот момент щетка, должно быть, застряла в волосах, потому что Нэнси оскалила зубы и застонала.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СКОРПИОН НИСХОДЯЩИЙ

После ужина Фин раскрыл грессбух на столе в своей промозглой комнате и начал размышлять. В этой идее было столько же расследования, сколько в здешнем кушанье еды. Такие пункты как «3 компл. занавесок, 43 ф. 18 п.» или «1 ц. риса в ч. в., 7 ф. 95 ц.»²⁵ имели тенденцию достаточно часто повторяться, создавая эффект мантры или усыпляющих команд гипнотизера.

Настоящий Теккерей Фин, конечно, находился не в этом унылом доме и даже не в двадцатом веке. Он сидел у разожженного камина в комнате на Бейкер-стрит, объясняя другу свое решение недавней серии загадочных убийств.

– Взгляните на этого человека, на этого «Джека Потрошителя», – сказал он. – Что мы на самом деле знаем о нем? Полиция сообщает нам, что он убил шестерых женщин в последние месяцы 1888 года, последний раз 8 ноября. Жестокость его преступлений свидетельствует о безумии, в то время как незаурядное мастерство, с которым он казначил своих жертв, говорит о том, что он хирург. Полиция также установила, что он живет в Лондоне, хотя и не в Ист-Энде, где произошли совершенные им убийства.

– Боже мой! – возразил его собеседник. – В Лондоне, должно быть, тысячи хирургов.

25 «1 центнер риса в чистом весе, 7 фунтов 95 пенсов». Английский центнер равен приблизительно 50 кг.

– Это верно. Но у нас имеется еще одна зацепка – в многочисленных письмах, отправленных в газеты и полицию, издательских письмах, в которых он бравирует своими преступлениями. Ими он бросает вызов и предлагает привлечь его к ответственности.

Несомненно, у нашего Джека литературный склад ума, и ему приятно делать тайну из своей чудовищной деятельности. В Лондоне, конечно, практикует не одна тысяча хирургов, но хирургов-литераторов в нем не больше, чем несколько десятков. Тем самым мы сузили круг.

– Да, но кто же из этих нескольких десятков наш убийца? Сыщик улыбнулся.

– У нас есть еще одна зацепка: седьмое убийство.

– Но ведь их было только шесть!

– Это и есть ключ к разгадке. Почему наш Потрошитель остановился? Какие перемены наступили в его жизни в ноябре 1888 года?

– Возможно, – предположил друг, – он умер или переехал в другой город.

– Но согласно медицинскому реестру ни один хирург не умер в том месяце, ни один хирург не вышел на пенсию и ни один хирург не оставил свою лондонскую практику. Нет, наш Потрошитель претерпел более глубокую метаморфозу, чем просто смена адреса, и эта метаморфоза изменила его.

– Вы имеете в виду, что теперь он... здоров?

– Я имею в виду, что теперь он женат. Очевидно, что его преступления носили характер страсти. Брак позволил ему обуздать свои болезненные порывы. Я взял на себя смелость проверить записи актов гражданского состояния и обнаружил единственного хирурга, который женился в ноябре 1888 года. Неслучайно он оказался литератором, пишущим рассказы о хитроумных убийствах. В двух из них он фактически ссылается на дату своего собственного брака. Говорящие факты, не правда ли?

Из-за шторы выступил инспектор полиции с наручниками наготове. Компаньон Фина вздрогнул и поднялся, трепеща всем телом. С лицом бледным, как полотно, он спросил:

– И как зовут этого хирурга?

– Ну, – протянул сыщик, – это же элементарно, Уотсон.

Вот вам и реальность. В наши дни полиция не стала бы вежливо дожидаться за шторой, пока сыщик-любитель сделает свои ослепительные выводы. Они ворвались бы внутрь с воем сирен и вспышками мигалок. Так как, без сомнения, понимали: что мог предложить любитель-одиночка с пенковой трубкой и рассуждениями против двадцати маленьких машин, вмещающих полновесных восьмидесяти офицеров, когда все переговоры происходят тут же в радиоэфире.

Дедукцию? У них имелись компьютеры, способные обрабатывать огромное количество перфокарт с поразительной скоростью. Наблюдательность? У них имелись фотороботы, способные изобразить любое человеческое лицо с реалистичностью диснеевского мультфильма. Миры криминала и криминалистики шли рука об руку, зараженные эффективностью бизнеса.

Даже медиум спиритуалистов нуждается в бухгалтерских книгах. Возвращайся к работе, Фин.

Только он начал фокусироваться на «рисе в ч. в.» снова, как в дверь просунулась скользкая тюленья голова Брюса Данка.

– Стив готов начать, старина. В лекционном зале.

Когда они пересекали холл, Данк небрежно поинтересовался:

– Проверяли книги, да? Кто-то запустил руку в кассу?

– Возможно, – сказал Фин. От него не скрылось, что командир летного подразделения поправил приемник слухового аппарата, прежде чем услышать ответ.

Стулья в лекционном зале группировались вокруг двери в «тихую комнату» и были развернуты в ее сторону. Несколько незнакомых седовласых старцев уже сидели на них, поблескивая стеклами очков в тусклом свете. Фин занял свое место в первом ряду (зарезервированном для этерианской элиты), кивнул Форстерам во втором ряду и сосчитал присутствующих. Один из элиты отсутствовал.

– Где Нэнси?

– Не знаю, – ответил Хакель. – Несколько минут назад она крутилась тут, а потом просто испарилась.

Стоуни прошептал:

– Кажется, она сказала, что ей нужно на свежий воздух. Представьте, она возвращается, а уже все кончилось. У меня есть ощущение, что для нас приготовили нечто особенное. Обидно было бы пропустить такое.

– Целая толпа. Презентация открытая?

– Приглашенная аудитория, – усмехнулся профессор. – Я бы сказал, целевая: для развешивания лапши. Вон тот, косоглазый – с виду репортер.

Эрнестина сидела отдельно от зрителей, охраняя вход в зал. В своем новом или скорее старом, но распушенном и заново связанном платье она выглядела еще более мрачной, чем обычно, да и угревой сыпи на лице заметно прибавилось. Что еще могло вывести ее из почти векового уныния, размышлял Фин, кроме созерцания окровавленного распятия? Не деньги, конечно. Секретарши в романах обычно обворовывают или шантажируют своих работодателей, но здесь была реальная или почти реальная жизнь.

Простая девушка, которая все эти годы вкалывала на миссис Уэбб, а теперь взвалившая на свой горб всех остальных, без проблеска красок в ее жизни – почему бы ей не украсть?

Когда он увидел, как она смотрит на Стива, у Фина нашелся ответ. Она попросту боготворила его, так же необъ-

яснимо и болезненно, как эти несовершеннолетние дурехи. И признаться ему она мечтала не больше, чем попросить у миссис Уэбб денег на платье.

Миссис Уэбб встала и жестом привлекла внимание собравшихся.

– Десяти еще нет, – сказала она. – Но раз уж мы все здесь, думаю, Стив может начинать.

– Нэнси нет, – сказал он, не поднимая глаз. – Я не хочу начинать без нее.

Эрнестина с легким неодобрением вздохнула и поднялась.

– Прошу у всех прощения, я, пожалуй, пойду и немножко помедитирую.

– В кабинете зажжен камин, – сказала миссис Уэбб.

– О, прекрасно. Для меня этого вполне достаточно. – Тон Эрнестины не имел ничего общего с ее обычной скромной манерой и, прежде чем ее хозяйка смогла ответить, покинула зал.

– Что с *ней* такое? – спросил Стив. Он сидел, засунув руки в карманы модного белого костюма, закинув ногу на ногу и внимательно изучая свой зеленый замшевый ботинок. Он впервые посмотрел вокруг себя и выглядел раздраженным.

– Нам всем нужно относиться чуточку терпимее к Эрнестине, – заметила миссис Уэбб. – Ты же знаешь, Стив, как она любит проводить вечера в тихой комнате. А сегодня вечером ты занял ее. Естественно, она чувствует себя немного ущемленной.

– Не понимаю, с чего ей вдруг понадобилось идти куда-то медитировать сегодня вечером. – Он встряхнул белыми лацканами поверх своей искрящейся зеленой футболки, пока миссис Уэбб объявляла о презентации.

– Стив собирается продемонстрировать нам пример энергии эфирных сил, генерируемых в состоянии транса. Я сама точно не знаю, что произойдет, но он уверяет меня, что это

апеллирует к власти Вселенского Разума над материей. Сначала он пройдет в эту маленькую комнату – мы называем ее тихой комнатой, где человек медитирует и достигает состояния глубокого транса в абсолютном уединении. Он попросил меня запереть его и предупредить вас, чтобы вы по возможности вели себя тихо и не отвлекали его.

Прежде чем началось действие, профессору Хакелю предоставили возможность убедиться, что в этой странной треугольной комнате нет никаких хитроумных приспособлений или невидимых помощников. После чего Стив вошел внутрь, достал из кармана фонарик, лег на устланный ковром пол и закрыл глаза. Миссис Уэбб заперла дверь, а Хакель проверил, действительно ли она заперта.

– Просто я не хочу больше никаких таинственных исчезновений, – сказал он. – Засвидетельствуйте, на нем был скарабей.

Фин, вытянув шею, отметил, что репортер что-то записывает.

– Репортеры! – прошептал Стоуни с ядовитой миной. – Миссис Уэбб хотела обойтись без репортеров. Они всегда вносят непонятный сумбур. Но Стив настоял. Можно подумать...

Эрнестина появилась в дверях зала и позвала: «Стоуни! Телефон!»

Дюжина человек шикнула на нее. Стоуни попытался отмахнуться.

– Пусть перезвонят позже, – произнес он театральным шепотом.

– Это срочно, – сказала она непозволительно громко. – Мисс Эмили Блейз. Вы договаривались, ЭСВ-тест²⁶.

– Та-та-та! – Он причмокнул клыками. – Совсем забыл. Извините.

26 Тест на экстрасенсорное восприятие.

Когда они с Эрнестиной удалились, в дверь тихой комнаты постучали изнутри. Миссис Уэбб отперла ее.

– Я не могу войти в транс, – пожаловался Стив, – Устроили тут чертов балаган.

– Стоуни позвали к телефону. Может, попробуем еще раз? Ритуал запирания и проверки повторился.

Текли минуты, тишину нарушало только поскрипывание пера репортерской авторучки.

Хакель встал, на цыпочках подошел к двери, вынул ключ и заглянул в замочную скважину. Он вернулся, качая головой.

– Он выключил там свет. Ничего не видно.

– Чего ждать-то? – прошептал репортер. – Прохождения сквозь стену или чего-то в этом роде?

– А кто говорит о прохождении сквозь стену? – огрызнулся Хакель, но в тишине это прозвучало как крик, за что он получил целую порцию шиканий.

Прошла еще минута. Потом кто-то поднял шум.

Входя в зал, Фин отметил, что шторы были раздвинуты, но вскоре забыл об этом факте. Теперь он внезапно всплыл в памяти, когда Алан Форстер указал на окно и сказал: «*Смотрите!*»

Света в зале было немного, но достаточно, чтобы разглядеть маленький балкон с блестящими железными перилами. Примерно в десяти футах от балкона, в воздухе, строго по центру перил, стоял Стив. Он осветил свое лицо фонариком; приковав взоры аудитории, он ухмыльнулся и иронично-церемонно отвесил поклон.

– Невозможно! – срывающим голосом произнес Хакель. – Я должен знать, как... – Своими толстыми пальцами он был готов растерзать оконную задвижку, но миссис Уэбб схватила его за руку.

– Он в транс, глупец! Что бы вы ни собирались сделать, не открывайте это окно и не шумите. Его нельзя будить слишком рано.

Поп-певец плавно покачивался вверх-вниз, словно подвешенный на куске эластика. Он осветил фонариком на левую руку, показывая, что под ней нет никакой опоры – хотя какая там могла быть опора, никто себе не представлял.

– Он на чем-то стоит, – пробормотал Хакель. – Он висит на веревке. Он каким-то образом пробрался на балкон.

Эти теории были настолько беспомощными, что миссис Уэбб ответила на них фырканьем.

– Я больше этого не вынесу! – Хакель внезапно рванулся вперед, ударив кулаком прямо по стеклу в попытке выбить задвижку.

Неожиданно свет и Стив пропали. Не успел Хакель открыть окно, как раздался тяжелый звук, тугой протяжный звон, словно какой-то великан стукнул своей гигантской вилкой по столу. Наконец окно распахнулось, и они выскочили наружу.

– Кажется, он упал, – крикнул Хакель, перегнувшись через перила.

Далеко внизу виднелось какое-то крошечное белое пятно.

– Полагаю, это он, – сказал Фин, заглянув вниз. Затем он перевел взгляд на тускло освещенные окна кабинета наверху. – Я вызову «скорую».

Люди продолжали высыпать на маленький балкон через двустворчатое окно; Фин с трудом протиснулся сквозь толпу обратно внутрь и помчался наверх, в кабинет.

Единственный свет, казалось, исходил от гудящего в камине огня. На диване, наполовину скрытом тенью, сидела Эрнестина, скрестив ноги по-турецки. Голова Стоуни и телефонная трубка едва просматривались сквозь африканские фиалки.

– Чрезвычайная ситуация, Стоуни. Наберите «скорую», 999. Быстро. Стив сорвался.

– О нет! – Толстые ноги Эрнестины разъединились и отчаянно понесли ее к двери.

Стоуни выглядел мрачным, но спокойным.

– Отбой, мисс Блейз, простите. Я должен немедленно позвонить в «скорую помощь». – Набирая номер, он спросил: – Сорвался в каком смысле?

– В самом ужасном. С четвертого этажа – звук был такой, словно он ударился о железную ограду вниз.

Священник четко повторил все это службе скорой помощи. Фин тем временем включил свет и быстро осмотрел комнату. Если, как предполагалось, Стива удерживали на веревке, то Эрнестина и Стоуни, скорее всего, являлись его ассистентами. Оба находились возле окна, под которым разыгралась трагедия, если это была трагедия.

Письменный стол выглядел таким же, как раньше; Стоуни добавил к нему только пачку карточек для ЭСВ и печатный бланк, на котором, очевидно, делал пометки. Вероятно, мисс Блейз считывала с карточек информацию и транслировала свои отгадки по телефону, а Стоуни записывал их. Остальные предметы на столе вроде бы сохранили свое положение, но из-за беспорядка сказать наверняка было сложно.

Зная, что быстро сжечь веревку не так-то легко, он проверил камин. Внутри он не обнаружил ничего, кроме горящих поленьев. Для детектива самое главное, кажется, не забыть заглянуть под решетку. Он заглянул и увидел прямо под ней обрывок волокна (ага!), который тут же отправился в его бумажник. Чуть дальше лежала какая-то монета, но решетка уже раскалилась, а Стоуни закончил звонить.

По дороге вниз Фин осознал всю абсурдность ситуации. Никто не мог подвесить человека на веревке так, чтобы он оставался неподвижным более чем в четырех ярдах от дома – только с помощью большого крана.

На улице собралась толпа, обступив человеческую фигуру на невысокой ограде. Натриевый свет делал белый костюм фигуры янтарным, а пятна на нем ржаво-оранжевыми.

Голова и руки человека свесились за ограду; декоративные шипы пронзили грудь насквозь. Падая, тело уда-

рилось с такой силой, что часть железных прутьев под ним согнулась. Длинные волосы, теперь скорее золотые, чем медные, свисали до середины ограды, напоминая мокрый кончик кисти. Кончик был действительно *мокрым*, отметил Фин; капли пигмента скатывались по нему и падали на тротуар.

Рука Стива дернулась.

– Он жив! – взвизгнула Эрнестина. Она сделала движение, словно хотела броситься к Стиву и снять его с шипов. – Он жив, жив... – Стоуни и Хакель сумели удержать ее.

Фин присел на корточки. Теперь он мог разглядеть кровь, идущую изо рта и носа Стива. Подошел еще один человек, но Фин предостерег:

– Не смейте двигать его... Предоставьте это дело медикам, они будут здесь через минуту.

– Я и не думал трогать его, – сказал косоглазый репортер. Он открыл блокнот и склонился над фигурой в белом. – Стиви, – мягко произнес он. – Ты слышишь меня, Стиви?

Фин был возмущен. Он уже собирался отогнать газетчика, как вдруг губы Стива зашевелились.

– Мама? – сказал он. – *Mutti*²⁷? Больно... кто-то сделал больно... – Говорил он едва различимо, фразы обрывались на полуслове.

– Тебя кто-то убил, мальчик? – спросил репортер.

– Убийство? Разве меня... – Стив слегка повернул голову, чтобы посмотреть на репортера, и, прилагая неимоверные усилия, отчетливо произнес: «Думаю, ему нужна четырехпенсовая марка».

Его голова откинулась назад. Больше он ничего не сказал, а когда приехала «скорая», его бессвязное бормотание никто уже не расслышал.

Толпа расступилась перед санитарями. Нэнси присоединилась к остальным. Она схватила Фина за руку и что-то

27 Мамочка (нем.)

пролепетала. Ее лицо, освещенное синими вспышками, не выражало никаких эмоций.

– Что вы сказали?

– Кто это там... на ограде?

– Боюсь, это Стив.

Она нетерпеливо отвернулась и спросила кого-то еще. Время от времени она мелькала в толпе, задавая один и тот же вопрос: «Кто это там на ограде?»

Работники «скорой помощи» с трудом сняли Стива с шипов. Один из них запутался ногой в какой-то веревке и отшвырнул ее в сторону. Когда Фин рассмотрел, что это было, он подобрал это и положил в карман.

Внезапно суета улеглась. Санитары уложили Стива на носилки, немного покрутились возле него и погрузили в машину. Один из них пошел отключать синий проблесковый маячок, пока другой информировал констебля. «Скорая» медленно отъехала.

– Пойдемте в дом, – предложил Фин остальным. – Думаю, полиция захочет задать нам несколько вопросов.

Нэнси, казалось, вышла из оцепенения.

– Легавые? Они что, припрутся сюда?!

Она вбежала в дом и стала подниматься по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Остальные вошли по-нуро, слишком подавленные, чтобы произносить длинные речи. «Кошмар, ужас» – это все, что они могли сказать друг другу.

Фин и репортер замыкали шествие.

– Вы слышали, слышали его последние слова? – наседал репортер. – Он сказал: «Больно... Кто-то сделал больно». Что это, если не убийство? Скажите, мой друг, где здесь телефон?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТОЛКНУЛИ ИЛИ СОРВАЛСЯ?

– Посторонним, – убеждал Хакель сокамерников по узилищу, – полицейское расследование может показаться несколько хаотичным. Суета и неразбериха...

Всех теперь держали в гостиной; выводили по одному в холл и допрашивали в комнате для сеансов. Дом кишел полицейскими: они мерили комнаты, сновали вверх-вниз по лестницам, сталкивались в дверях и периодически шушукались в углах, уткнувшись в свои записные книжки. Все это продолжалось уже несколько часов.

– Но под хаосом, – продолжал Хакель, – явно прослеживаются очертания некоего стратегического плана. Поверьте мне, полиция точно знает, что делает, и не тратит усилий понапрасну. Тут представляется лучшим...

– Слушайте! – Стоуни смотрел в окно. – Эти два детектива, которые остались на улице, – у них, похоже, ожесточенная дискуссия.

Хакель улыбнулся.

– Диалектика. Логическая теория против хорошо известного «интуитивного предчувствия». Спорить о *фактах* бессмысленно, поэтому идет борьба интерпретаций.

– У них там, кажется, борьба в буквальном смысле.

Расследование не шло, как предполагал Хакель, к какому-то неизбежному результату; оно стояло на месте и буксовало. Детективы Тол и Блессинг уже были сыты по горло этим делом и друг другом.

Когда старший инспектор Гейлорд выскочил из машины, он застал их катающимися по земле. Там было всё: осеняющих тычков локтями и интеллектуальных ударов

коленями до исключительно гениальных идей в виде удушшающих захватов и попыток выдавить глаза.

– О Господи. Принесите мне записные книжки этих идиотов и отправьте их по домам, – быстро распорядился он, разворачиваясь ястребоподобным профилем в другую сторону. – Чем, черт возьми, вы тут занимаетесь? И кто-нибудь объяснит мне, зачем этот человек измеряет дерево?

Он прошел в дом и направился к комнате для сеансов.

– Обычное расследование убийства. Тот факт, что в него вовлечены поп-звезда и его друзья-шизики, еще не говорит, что мы должны... Так, где показания? Здесь лежали показания, которые Гордон оставил для меня? Кто их взял?

Он вошел в гостиную, чтобы взглянуть на свидетелей, собранных в одном месте.

– Типичный хиппи-переросток, – пробормотал он, сурово разглядывая профессора Хакеля. – Это многое объясняет.

Вернувшись в комнату для сеансов, он занялся записными книжками драчунов. Детектив-сержант Тол подозревал хитроумный трюк, который дал осечку, трюк с веревками или зеркалами. Он и другие обыскали помещения, забрались на крышу, но не нашли ни одного зеркала, которое не было бы намертво установлено в мебели или прикручено к стене, не нашли даже фута веревки. Были обнаружены клубок вязальной шерсти (кабинет) и – многозначительно заканчивал он свои заметки – стопки «литературы», перевязанные бечевкой (подвал):

«К сведению: в подвале есть дубликатор и стопки брошюр. Информация (возможно) для ОО. Предположительно, Комм. Фронт». ОО – это, конечно, особый отдел. Тол надеялся, что они накрыли подпольную типографию, где регулярно выпускали такие революционно-подрывные брошюры как «Что такое эктоплазма?» и «Аурический огонь».

Блессинг сразу же предположил, что имела место подлинная левитация. В своей неряшливой стенограмме по системе «спидрайтинг» он утверждал, что наблюдались вещи, не вполне объяснимые с точки зрения классической науки...

Затем шли показания. Все присутствующие в лекционном зале, кто четко различал Стива Сонди в окно, были единодушны: певец парил в воздухе в десяти футах от балкона, освещая свое лицо карманным фонариком. Кто-то наблюдал призрачную ауру вокруг его головы и плеч, кто-то – крылатых тварей со злобными лицами, а пожилой мистер Крбзски клялся, что видел красный магнитный луч, который тянулся от Стива к летающему серебряному диску...

Снаружи никто ничего не видел. Мисс Нэнси Мичи после обеда отправилась на прогулку. Мисс Эрнестина Джонсон и преподобный Артур Стоунхаус были наверху, в кабинете, где Тол обнаружил клубок вязальной шерсти.

Вещественные доказательства, то есть улики, свидетельствовали о том, что Стив Сонди открыл французское окно в маленькой треугольной комнате, вышел на балкон и ухватился за перила. Вполне возможно, что он перелез через них и встал на узкий (четырёхдюймовый) выступ.

Но что потом? Могло ли зеркало отразить его в окне лекционного зала? Мог ли он раскачиваться на веревке, замирая на две-три минуты в конце своего раскачивания? Скользил ли он по проволоке, шел ли по натянутому канату? Где же тогда зеркало, веревка или проволока?

Хорошо, это была веревка, и ее сожгли в камине кабинета.

– Приведите мне мисс Эрнестину Джонсон, – попросил Гейлорд констебля в дверях.

Как только полная молодая женщина уселась перед ним, он сказал:

– Мисс Джонсон, я хотел бы побыстрее разобраться с этим делом. И вы могли бы оказать нам помощь; от вас требуется только признать, что эти ваши показания – сплошная ложь.

– Я... Я...

– Не надо. Не надо усложнять. Просто позвольте *мне* рассказать *вам*, как все было. Вы разработали план этой маленькой игры вместе с мистером Сонди. Вы спустили веревку из окна кабинета наверху, – того окна, расположен-

ного прямо над балконом, где он стоял, – и он качнулся на этой веревке к соседнему балкону. Там, сразу за перилами, он встал и осветил фонариком лицо. При недостаточном свете складывалось впечатление, что он находится несколько дальше и висит в воздухе. Когда он собрался качнуться назад, что-то пошло не так. Либо он ослабил хватку и упал, либо *вы позволили ему упасть*. А теперь сэкономьте нам час работы, рассказав всю правду.

По ее реакции он понял, что действовал неправильно. Пока он говорил, ее робость исчезла, и теперь она спокойно смотрела на него.

– Старший инспектор, какую правду я должна вам рассказать? Я ничего не знаю – вот и вся правда.

У Гейлорда возникло ужасное подозрение, что так оно и есть.

– Ладно, давайте скажем просто, что это сделали не *вы*. – Он на мгновение задумался. – Вы очень религиозный человек, не так ли, мисс Джонсон? Если не сказать – богобоязненный?

– Я пытаюсь жить праведной жизнью.

– Предположим, вы заметили, как преподобный Стоунхаус делает что-то не совсем достойное. Мошенническое. Скажем, спускает веревку из окна, чтобы Сонди качнулся назад. Вы бы смогли проинформировать меня, увидев подобное?

– Да, конечно.

– Но смогли бы вы убедить себя поверить в увиденное? Шок мог быть настолько велик, что вы отказались бы верить собственным глазам. Вы, предположительно, медитировали, поэтому могли внушить себе, что это вам пригрезилось, иначе...

– Мои глаза были закрыты, по крайней мере, некоторое время, – сказала она. – Я не думаю, что смогла бы увидеть, как преподобный Стоунхаус спускает веревку, даже если бы он это сделал. От меня его заслоняли картотечные шкафы. Я только слышала, как он разговаривал по теле-

фону, и видела его голову, возвышающуюся над комнатными растениями миссис Уэбб. Он стоял за письменным столом, повернувшись ко мне спиной.

– Но вы же были в трансе. Как вы можете быть уверены в том, что видели?

– Я знаю то, что знаю. У меня действительно было несколько разных стадий одного и того же видения, но... я уверена, что вам это будет неинтересно.

– Очень, очень *интересно*. Расскажите мне об этом «видении». – Он взял ручку.

– Там были цветы, выросшие прямо из ковра, повсюду. И потом из этих цветов возник собор. Потом...

Он отложил ручку.

– Большое спасибо, мисс Джонсон. Думаю, на сегодня это всё.

Стоунхаус был одет в пуловер с закатанным воротом, который делал его похожим на священника в пуловере с закатанным воротом. Манерность и чрезмерная тяга к цветистым фразам раздражали Гейлорда; он начал подозревать, не был ли Стоунхаус гомосексуалистом.

– Позвольте мне сразу перейти к делу, преподобный. Либо вы, либо мисс Джонсон спустили веревку этому мальчику. Что ж, допускаю, до определенного момента все это выглядело как невинная шутка, но что-то пошло не так. И теперь, когда он мертв, очень важно докопаться до истины. – Он поднял вверх исписанную страницу. – Вы абсолютно уверены в своих показаниях?

– Абсолютно уверен? Хм. Сейчас я уверен только в том, что для начала было бы неплохо предоставить мне возможность, как говорится, пробежаться по тексту, прежде чем я что-либо отвечу. Мало ли, знаете ли, упустишь что-нибудь от волнения.

Он взял показания и перечитал их, время от времени поблескивая длинными передними зубами что-то бормоча.

– Да, вроде все правильно.

– Во время инцидента вы разговаривали по телефону. Вы не отвлекались?

– Кажется, нет. Я проводил довольно ответственный эксперимент по передаче мысли на расстояние. Так называемое ЭСВ. Дама, звонившая из Челтнема, пыталась угадать, какие символы я вижу на специальных карточках. Видите ли...

– И вы стояли спиной к мисс Джонсон?

– В основном да. Но пару раз я все же оглянулся, чтобы убедиться, не нарушаю ли я своим разговором ее медитацию.

– И что она делала?

– Сидела в позе полулотоса. Полулотос...

– Она сидела с открытыми глазами или закрытыми?

– Кажется, закрытыми. Точно не помню.

Гейлорд снова просмотрел показания.

– Сколько времени прошло с того момента, как вы увидели ее сидящей там, и до того, как вы узнали о происшествии?

– Может... минут десять. Право, я не уверен.

– Значит, за это время она могла спустить веревку из окна, у которого сидела?

Стоунхаус, казалось, обдумывал вопрос.

– Теоретически, полагаю, да. Но теоретически и я мог это сделать. Я, возможно, и не следил за ней, но то, что она не следила за мной – это почти наверняка.

– Если только вы не действовали сообща, а, преподобный?

Следующим свидетелем был высокий, слегка анемичный мужчина лет тридцати, одетый в костюм цвета соли с перцем невероятно старомодного покроя и державший в руках незажженную пенковую трубку. Когда он сел и положил трубку на стол, Гейлорд увидел, что на ней вырезана голова Дика Трейси²⁸ (в низко надвинутой на глаза шляпе с короткими полями).

– Итак, инспектор Гейлорд, мы снова встретились.

28 Дик Трейси – полицейский-детектив, главный герой серии комиксов Честера Гулда, действие которых происходит в Чикаго 1930-х годов.

– Прекратите, Фин. Это дело куда серьезнее ваших чертовых шарад.

– Вы что, застряли? Как насчет консультации?

– Ваши консультации здесь ни к чему. У меня выработалась четкая версия. Покойного подвесили на веревке...

– Нет. Только не на веревке. Определенно это была не веревка. – Фин взял трубку и задумчиво пососал ее. – По двум причинам.

– А, ну конечно! Дедукции Шерлока Холмса вам уже все сказали, не так ли? Может, посвятите меня в тайну?

– Дедукция здесь ни при чем. Первое – веревка тут не может фигурировать по той простой причине, что ваши люди при обыске ее не нашли. Второе – я только что слышал, как двое ваших сотрудников шушукались в углу: на руках Стива нет следов от веревки, на теле также нет никаких признаков того, что его обматывали веревкой.

– Хорошо, веревка отпадает. Если только...

Фин кивнул.

– Если только это не была специальная мягкая веревка, от которой быстро избавились. Вот, только сейчас вспомнил. Я нашел это в камине кабинета. – Он достал кусочек волокнистого материала и бросил его на стол. – Похоже на фрагмент сожженной веревки.

– Вы должны были показать нам это раньше, Фин. Я приглашу кого-нибудь взглянуть.

– Я сунул это в карман машинально и совершенно забыл. Также в камине я заметил еще кое-что, но не смог дотянуться. Монета. Выглядела она как дореформенный²⁹ пенни.

– *Весьма* существенно, – сказал старший инспектор. Он поговорил с человеком у двери, и тот привел еще одного человека с маленьким чемоданчиком.

– Вот, Эванс. Вы можете сказать, что это такое?

²⁹ В 1971 году Великобритания перешла на десятичную систему. Старый британский пенни был выведен из обращения в том же, 1971 году.

Мужчина принялся за работу с листом белой бумаги, щипчиками и большим самоподсвечивающимся увеличительным стеклом на треноге.

– Вязальная шерсть, – констатировал он через минуту. – Один конец немного обуглился. Анализ красителя мог бы установить...

– Этого достаточно, спасибо. Шерсть была найдена в камине кабинета, так что можешь определить это к списку других вещей, обнаруженным там. Кстати, анализ золы не производился?

– Пока нет, но вы сами можете убедиться – это древесная зола, сэ. Больше ничего интересного, кроме нескольких старых пенни. – Техник начал упаковывать свое оборудование.

– Минутку, Эванс. Насколько велики шансы сделать из вязальной шерсти веревку, чтобы она могла выдержать раскачивающегося человека, а потом сжечь ее?

Эванс почесал в затылке.

– Для такой задачи, конечно, нужно что-то более прочное. И в камине должен остаться фунт-другой сожженной шерсти. А этого как раз нет, сэ.

Под молчаливыми взорами он покинул комнату.

– А что вы думаете по поводу исчезновения доктора Лодердейла? – спросил Фин. – Не кажется ли вам, что оба эти «чуда» могут быть связаны?

– Я не хочу ничего слышать о Лодердейле. Ваши друзья из маленького чудесного шапито дружно поднимали эту тему в разговоре с инспектором Гордоном, и ему пришлось сказать им то, что я говорю вам сейчас – это не дело полиции. Тем не менее я хотел бы расспросить его на этот счет. Но какая тут может быть связь?

Фин откинулся назад и уставился на люстру.

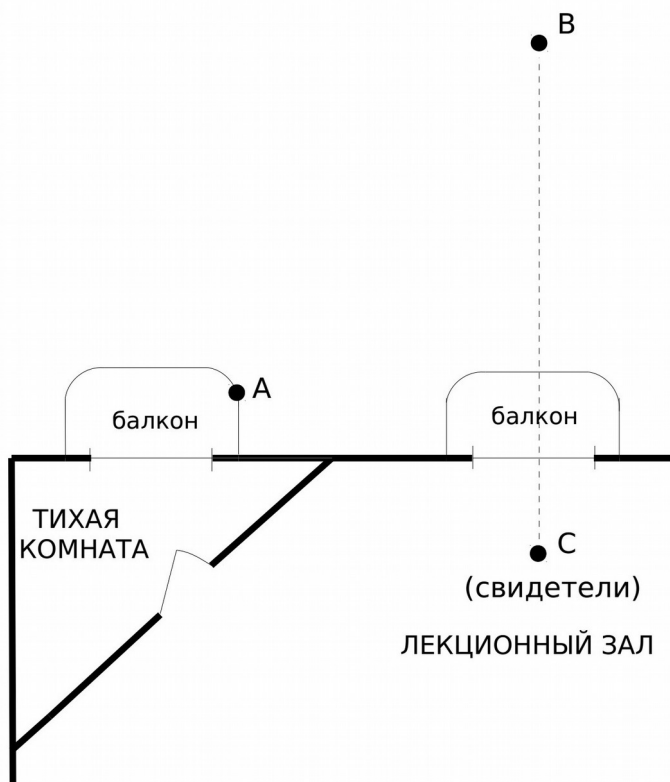
– Я не знаю. Стив был вовлечен в оба инцидента. – Немного подумав, он продолжил: – Знаете, это мой случай. В этом месте мне следовало бы сказать что-то вроде «Любопыт-

но с этими старыми пенни» или загадочно намекнуть на домашние туфли миссис Уэбб. И вот я не могу придумать ни одной блестящей, но сбивающей с толку фразы. – После небольшой паузы он добавил: – И все же – любопытно с этим египетским скарабеем.

– Стоп! – Гейлорд поднял руку, предупреждая словесный поток. – Я не желаю ничего слышать о скарабее. Огромное спасибо, но это только еще больше запутает мои мысли. Сделайте одолжение, возьмите этого скарабея *на себя*, хорошо?

– А вы займетесь твердыми фактами. И каковы же эти твердые факты?

– Вот они. – Полицейский окунулся в записи и вытащил схему.

– Мы знаем, что Сонди был в маленькой треугольной комнате. Мы знаем, что он касался оконной задвижки, а также перил балкона в месте, обозначенном точкой *A* и предполагаем, что там же он перелез через эти перила. Мы знаем, что дюжина свидетелей видела его в точке *B* или думала, что видела. Но мы не знаем, как он переместился из точки *A* в точку *B*.

Он тяжело вздохнул.

– Черт побери, Фин, он, должно быть, раскачивался на веревке или использовал зеркало. Ребята ищут. И мне становится страшно, во что нам придется поверить, если они ничего не найдут.

– Не думаю, что они что-то найдут, – сказал Фин.

– Но, черт возьми, он же не просто взял и *перепрыгнул* с одного балкона на другой. Они находятся в семи футах друг от друга – никто бы так не рискнул.

– Почему вы говорите «с одного балкона на другой», инспектор? Мы ясно видели его, знаете ли, в точке *B*. Это примерно в десяти футах от балкона.

– Истерия и заблуждение. Другого объяснения нет. Массы ожидали чуда, вот и увидели его.

– Это ваше личное мнение?

– У меня нет личного мнения, мистер Фин. Насколько я знаю, вы и остальные из этого цирка глотателей ореховых котлет употребляли ЛСД или чего-то там еще. И Сонди тоже. По-моему, это дело пахнет наркотиками. Я слышал много разных историй о мальчиках, которые думали, что умеют летать...

Фин встал и сунул пенковую трубку в карман пиджака.

– Нет ни одного подлинного свидетельства этому, – сказал он. – Но ведь ходят сотни глупых слухов. Раньше говорили, что дети хотят летать после курения травки. До этого говорили, что дети сходили с ума и пытались летать, читавшись комиксов о Супермене.

– Вы защищаете?..

– Отнюдь. На самом деле я считаю, что ЛСД для некоторых людей опасен. Но давайте отделим реальную опасность от вульгарных слухов. Вы должны понимать, что вульгарные слухи не решат этой проблемы в любом случае. Стив Сонди не «сидел на кислоте», его сбросили. Убили. И когда вы найдете Дока Лодердейла, мы, возможно, узнаем, почему.

Он решил сойти на этой линии, но последнее слово осталось за Гейлордом:

– Полагаю, вы отвели себе *всего двадцать четыре часа на поимку убийцы?*

Сойти не удалось. Все, что мог сделать Фин, – это дожидаться, когда за ним захлопнется дверь, и только потом рассмеяться. Дежурный полицейский констебль позже рассказывал своему другу:

– Мерзость, я это называю. Его товарищ и единомышленник-чудак не далее как два часа назад умер, а ему *весело*.

– Вероятно, истерия, – предположил его друг, который проходил сэндвич-курс³⁰ по психологии толпы.

Толпа полицейских начала редеть. Фин и прочие этерианцы все еще сидели в гостиной, главным образом потому, что никто не потрудился сказать им, что они могут идти спать. Остальных свидетелей давно отпустили по домам – все, кроме косоглазого репортера, который дремал в глубоком кресле, просыпаясь всякий раз на звук открываемой двери.

Нэнси уже спала. Стоуни поочередно беседовал со своими друзьями и богом – но молился он так, чтобы его острый

30 Сэндвич-курс – курс обучения, чередующий теорию с практикой.

подбородок не упирался в грудь. Миссис Уэбб подняла ноги кверху, Данк в открытую и беззастенчиво прикладывался к карманной фляжке, а Фин чувствовал нарастающее утомление в глазах после долгих часов бодрствования.

И только у Эрнестины с профессором ближе к ночи развязались языки. Они живо обсуждали индийский трюк с веревкой, в то время как другие лишь изредка вставляли слово. Хакель, естественно, ратовал за массовый гипноз и вспомогательные средства в виде веревок, а Эрнестина отдавала предпочтение духам-помощникам.

– Не могу согласиться, – пробормотал Стоуни, очнувшись от беседы с Всевышним. – Но могу пройти половину пути с каждым из вас. Все мы знаем, что гипнотизер может дотронуться до кого-либо карандашом, сказав ему, что это раскаленная докрасна кочерга и показать волдырь в том месте, к которому прикоснулся.

Хакель и Эрнестина кивнули, пока что принимая аргумент.

– Но откуда нам знать, что это *не* раскаленная докрасна кочерга? В другой плоскости, я имею в виду. Четырехмерный объект в том же месте, что и карандаш, понимаете? – Очевидно, он почувствовал, что это все объясняет, поскольку тут же впал в благоговение.

Фин встал, чтобы потянуться, и вытащил пенковую трубку.

– Почему это должно быть массовым гипнозом, духами или четвертым измерением? – спросил он, зевая. – Сценические фокусники ежедневно творят чудеса, суды полны свидетелей, показания которых, данные под присягой, противоречат одно другому, а в каждой публичной библиотеке значительное место занимает отдел *фантастики*. Почему же мы не можем распознать трюк вне сцены, искреннее заблуждение вне зала суда или незапротоколированную ложь?

Миссис Уэбб внезапно встрепенулась.

– Мне кажется, это аморально – сидеть здесь, теоретизуя и препарировав после того, что произошло. Если мы хотим поговорить, давайте поговорим о Стиве и докторе Лодердейле.

– Вы правы, разумеется. – Фин резко вернулся в кресло. – Вы находите какую-то связь между исчезновением Дока и сме... уходом Стива?

– По-моему, связь абсолютная! – вмешалась Эрнестина. – Проклятие скарабея! Стив взял его себе после исчезновения Дока. Он... надел его, когда...

– Но где амулет сейчас? – спросила миссис Уэбб.

– Действительно, где? – Фин полез в карман за амулетом, но не нащупал его.

– Смотрите! – Эрнестина указала на какой-то предмет на полу, как раз там, где только что стоял Фин. – *Скарабей!*

– Как он здесь оказался? – недоумевала миссис Уэбб.

Фин хотел было признаться, что стоял прямо на том месте, когда вытащил свою трубку, что носил скарабея с собой уже некоторое время, но вместо этого решил послушать объяснения других.

– Он вернулся к нам, – заявил Стоуни.

– Стив, наверное, оставил его там для нас, – зачарованно сказала Эрнестина. – Для одного из нас.

Все, кроме Хакеля, убедили себя, что это было экстра-сенсорное проявление высшего порядка. Спящие пробудились, и материализовавшийся скарабей указал на них. Через несколько минут это стало частью легенды.

– Лучше его поднять, – наконец произнесла миссис Уэбб.

– Пожалуй, ты права, старушка. – Данк потянулся за ним, но неохотно. Он был рад, что Стоуни опередил его.

– С этого момента он будет находиться у меня, – объявил священник и положил амулет в карман. – Пускай он обладает мощной энергией, я могу призвать еще более Могущественную Силу, если вы понимаете, что я имею в виду. – Зубы сверкнули в их сторону.

Такая смелость успокоила их, и они принялись обсуждать проклятие. Фин несколько минут не вступал в разговор, затем задал вопрос:

– Единственное, что мне непонятно, откуда вообще у Дэйва этот скарабей?

– Если хотите знать мое мнение, – хрипло произнес Данк, – это африканский джуджу³¹. Парень, который дал ему это, имел нечто большее, чем просто примесь негритянской крови. В этом есть смысл, знаете ли. Египтяне были всего лишь кучкой черномазых в маскарадных костюмах, считаете, нет?

– Я считаю, что вам надо хорошенько проспаться, – холодно отрезала миссис Уэбб. Повернувшись к Фину, она объяснила: – Видите ли, Дэйв любил путешествовать. Раз в неделю или около того он уезжал в Халл или какой-нибудь другой отдаленный уголок страны, зачастую пуская в ход оттопыренный большой палец.

Как я понимаю, в одной из таких длительных поездок он познакомился с цыганским джентльменом. Цыган дал ему скарабея, – я уверена, что он обманом заставил Дэйва взять его, и лишь потом рассказал ему о проклятии.

Сам Дэйв не верил в проклятие, ни на секунду. Если бы он только знал! Теперь, увы, узнали мы, как оно реально, как трагически реально. Наука может говорить что угодно, но этот скарабей стал причиной смерти двух наших членов и дематериализации еще одного. Я очень жалею, что преподаватель Стоунхаус подобрал его. Я получаю такие ужасные эманации от этого... предмета.

– Чепуха! За меня не бойтесь, – ухмыльнулся Стоуни. – Во власти Господа нашего заступиться за того, кто с ним, не так ли?

31 Система традиционных верований у народов западной Африки, особенно Нигерии, включающая использование амулетов и заклинаний, а также общее название для предметов религиозного культа, приносящих удачу.

Разговор перешел в теологическую плоскость: допустил ли Бог зло во Вселенной и в состоянии ли он очистить ее?

В холле поднялась нервная суета. С лестницы то и дело доносились тяжелые шаги, без сомнения принадлежащие представителям закона. Люди быстро заполнили этажи, наводнили лестницы; хлопнула дверь. Прогрохотала очередная порция шагов, хлопнуло еще несколько дверей и, наконец, началось великое столпотворение. Когда дверь гостиной открылась, они услышали голос полицейского:

– ... твою мать. Они что, туда сразу не могли заглянуть?

Человек в форме спросил Фина, проводил его в сад за домом и передал старшему инспектору Гейлорду.

– Один из наших умников в поисках веревок и зеркал решил посмотреть в сарае, – сказал он. – Пойдемте взглянем.

Они нырнули под низкую притолоку и увидели нескольких мужчин с портативными лампами, работавших вокруг металлического ящика в углу. Ящик стоял вертикально, похожий на кабинку сортира с открытой металлической дверцей и квадратным окошком, вырезанным в стенке. В свете ламп, пробивавшемся сквозь него, они могли разглядеть, что ящик был сделан из нескольких слоев стекловолокна и листового металла.

Также они разглядели пользователя оргонных ванн. На низкой деревянной скамеечке внутри, неестественно откинувшись, сидел мужчина. Его рот был открыт, а глаза закрыты.

– Доктор Эндрю Лодердейл?

– Да, – ответил Фин.

– Просто замечательно! Вся наша работа теперь летит ко всем чертям, и мы можем спокойно начинать сначала.

Фин внимательно присмотрелся к шее сидящего.

– Все же вы добились некоторого прогресса, – заметил он. – Веревка, по крайней мере, нашлась.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТЕОРИЯ ПРОФЕССОРА

Гейлорд и Фин снова оказались напротив друг друга за круглым столом для спиритических сеансов.

– Я начну с того, что попрошу вас отчитаться о ваших передвижениях между часом и тремя пополудни.

– И я начну с того, что пятеро из нас видели доктора Лодердейла живым до половины третьего, а возможно, и позже. Это должно сократить временной отрезок. – Фин продолжал описывать сцену, как он ее помнил, с момента ухода Дока до момента обнаружения ванной комнаты пустой. – Часы Хакеля показывали тогда десять минут четвертого.

– Значит, вы, Хакель, мисс Джонсон, Стоунхаус и Сонди были вместе. А остальные?

– Миссис Уэбб поднялась в свой кабинет за минуту до ухода Дока. Данк отправился на прогулку – в паб, полагаю – ровно в тринадцать минут третьего. Уходя, он взглянул на часы, и я машинально отметил время на часах Хакеля.

Инспектор записал это.

– Вы что, не носите часов?

– Нет, я приучаю себя отбрасывать время. Я обнаружил, что если я могу забыть дни, то минуты и часы забываются сами.

– Задам глупый вопрос. Что делала мисс Нэнси Мичи?

– Боюсь, инспектор, у нее слабое алиби. Видите ли, она утверждает, что в это время сидела в оргонном ящике. В том самом.

– Понятно. – Это факт занял в записной книжке Гейлорда полстраницы. – Она случайно не упоминала, что видела рядом с собой тело?

– Нет, но Нэнси склонна к скрытности.

– Ладно, разберемся. Итак, кто имел зуб на Лодердейла?

– Хакель. Они, можно сказать, «собачились на людях». Хакель убежден, что Док затаил на него злобу, потому что он, Хакель, отвергает спиритизм. Я в этом сомневаюсь. И я не думаю, что Хакель всерьез недолюбливал Дока, как бы тот не восставал против него.

– Значит, вы не считаете, что Хакель мог желать его смерти?

– Я бы так не утверждал, инспектор. Я только сказал, что он не испытывает к нему неприязни.

– Кому отходят деньги Дока и много ли их там?

– Я слышал, что он много денег унаследовал от своей жены. Предположу, что все они отойдут в казну общества, которой управляет миссис Уэбб.

– Женщины – подружки, помощницы по хозяйству, домработницы?

– Не было, насколько мне известно.

Гейлорд отложил ручку.

– Был морским биологом, и вот тебе на. После смерти сына бросает все и присоединяется к обществу. Похоже ли это на правду? Случаются ли с учеными такие резкие перемены?

– С ними случаются уроки воздержания от несвоевременных выводов, – ответил Фин. – Он не показался мне переменившимся или переметнувшимся. Больше того... Больше того, что знаешь, не скажешь.

– Хорошо. – Инспектор пометил несколько пунктов в своих записях. – Одно я знаю точно. Лодердейл был убит в нескольких футах от этого ящика. Другими словами – внутри сарая. Поэтому наш круг подозреваемых должен включать всех, кто мог находиться там между половиной

третьего и тремя часами дня. Мы можем на время забыть о его таинственном исчезновении и сосредоточиться на убийстве.

– Тогда это Нэнси Мичи, Брюс Данк, миссис Уэбб, Стив Сонди.

– Сонди отпадает, я думаю. Он находился в пределах видимости либо слышимости все это время в холле. И на вашем месте я бы добавил еще двух человек.

– О! Кого же?

– Стоуни пошел открывать входную дверь. Отсутствовал он минут десять. Уйма времени, чтобы добраться до сада на заднем дворе через улицу.

– Тогда есть еще Эрнестина. Мы предполагаем, что она была в буфетной – мыла посуду.

– И единственный выход – через столовую, где вы сидели.

– Нет, там есть окно, выходящее в сад за домом. А мы с Хакелем все время стояли к ней спиной и разговаривали. Я совершенно не могу гарантировать, что она там что-то мыла.

Гейлорд откинулся на спинку стула, прижимая к орлиному носу кулак, из которого торчала ручка.

– Подождите. Я понял, к чему вы ведете. Окно буфетной располагается очень близко к окну ванной комнаты, в пределах досягаемости от него. Вы намекаете, что мисс Джонсон?..

– Мы, спиритуалисты, говорим – лучше всего сохранять непредвзятость. Но ведь мы с Хакелем могли сговориться, чтобы обеспечить алиби друг другу, не так ли? Или Стив с миссис Уэбб. Или исчезновение могло быть вызвано сложным расположением зеркал. Доку удалось убедить Стива, что он заходит в ванную, хотя на самом деле...

– *Выходил из нее!* Ей-богу, Фин, вы неотразимы! А теперь не соблаговолите ли вы воспользоваться тем же приемом, чтобы все выглядело так, будто вы приходили сюда на допрос – у меня сегодня чертовски много работы.

– Смейтесь, если хотите, – сказал Фин, уходя. – Смеялись над всеми великими идеями и изобретениями. Смеялись над закисью азота.

Однако, как отметил констебль, Фин не смеялся, когда выходил из комнаты для спиритических сеансов. Он выглядел обеспокоенным.

После допросов этерианцы собрались в гостиной и выслушали речь старшего инспектора Гейлорда.

– Сейчас три часа ночи, – сказал он. – У вас у всех было время подумать. Если вы хотите что-то добавить к своим показаниям, то сейчас самое время это сделать. Некоторые из вас уже пересмотрели их. Мисс Мичи, в частности. Когда мы объяснили ей, что она едва ли могла находиться в оргонном ящике во время убийства, не будучи ни очевидцем, ни убийцей, она вспомнила все гораздо яснее. Ведь так?

Нэнси оставалась невозмутимой, словно привыкла к подобному виду прессинга.

– Она вспомнила один важный факт: в последний момент она *не пошла* заряжать свои органы, а вместо этого «отправилась на прогулку, но не могу точно сказать куда».

Гейлорд, очевидно, осознавая свое положение, принялся расхаживать по ковру.

– Меня интересует, видел ли ее мистер Данк? Он тоже собирался на прогулку. Нет, я забыл, он отменил ее. Теперь он вспоминает, что ходил в паб «Голова короля Карла» на Дрю-стрит. Прибыл около часа дня и оставался там до закрытия. Точно, мистер Данк?

– Точно-точно. – Лицо Брюса Данка блестело так же, как и его волосы, а глаза могли сейчас открываться только по одному. – Признаю свое пагубное пристрастие. Почему нет? У всех нас есть слабости. У меня тоже. Я *пью* и признаю это. Пью много. Очень много. *Но* – и вот здесь важный момент. Важный момент то, что я *пью, но...*

– То, что вы пили сегодня вечером, я знаю, мистер Данк. Я хочу знать, как вы умудрились пить в пабе в тот момент, когда всё еще находились в этом доме.

– Нет, подождите. Подождите. Дайте мне закончить. Дайте мне закончить. Я пью, но... Я признаю это... – Облегчив душу, Данк провалился в сон.

– Итак, миссис Уэбб.

– Инспектор, мы уже обсудили мой «рассказ», как вы изволили выразиться. Я работала наверху, слышала внизу грохот, и спустилась посмотреть. И я не могу доказать ни слова из этого. Все же я очень устала и хотела бы отправиться спать.

Гейлорд сдался. Полусонные этерианцы смотрели, как бобби собирают бумаги и уходят, а косоглазый репортер следует за ними.

Однако репортер не вышел из дома. Снова воспользовавшись телефоном в холле первого этажа, он открыл дверь и впустил нескольких коллег. Миссис Уэбб, подперев подбородок рукой, наблюдала, как очкарики в спортивных куртках проскакивают внутрь, а люди в синем неуклюже выбирают наружу.

– После львов шакалы, – пробормотала она. – Ну что ж, давайте покончим с этим.

Шакалы действовали быстро и беспощадно.

– Полиция считает, что смерть Стива наступила в результате несчастного случая. А что вы скажете, миссис Уэбб?

– Кто из вас Нэнси Митчи? Наша газета готова предложить вам эксклюзивный...

– Их было двое, не так ли? Кто этот второй несчастный?

– Вы один из непосредственных свидетелей? И вы говорите, что он *действительно летал*?

– Вы уже вызвали его духа?

– Что-то вроде коммуны, да?

– Не обижайтесь, профессор, но что вы делаете в компании?..

– Общество Эфирной Мандалы – все слова с заглавных букв?

– Ученый-ренегат, думаете вы?..

– ...под заголовком МОЯ ЖИЗНЬ СО СТИВОМ или, может быть, ДЕВУШКА СТИВА: МОЯ ТРАГЕДИЯ.

– Ученый-хиппи и...

– В каком смысле «летал»?

Кто-то сфотографировал спящего Данка, чей снимок позже появится под заголовком «Наркотический сон после смерти друга?» Кто-то предположил, что оргонный ящик определенным образом связан с работами Вильгельма Райха³². Кто-то записал сведения о мистере Таддеусе Финне, американском школьном учителе. Кто-то поинтересовался у Стоуни, не относит ли он себя к «священникам-рабочим»³³?

– Как здесь организованы спальные места? Практикуется ли свободная любовь?

– Как насчет наркотиков?

– Как насчет двойного самоубийства?

– Как вам такой заголовок: «НЭНСИ: „СТИВ ЖИВ!“»?

– Как насчет «голых» ритуалов?

– Как насчет пятисот фунтов? Я могу позвонить своему редактору...

Наконец миссис Уэбб сделала краткое заявление. По ее убеждению, до сегодняшнего дня произошло много такого, что не имеет объяснения с научной точки зрения и должно быть названо «сверхъестественным». Трагические

32 Вильгельм Райх (1897–1957) – австрийский и американский психолог, неофрейдист, один из основоположников американской школы психоанализа, единственный из учеников Фрейда, развивавший возможности радикальной социальной критики: отмену репрессивной морали и требование полового просвещения. Идеи Райха оказали влияние на «новых левых» на Западе.

33 Священники-католики, посланные епископатом на заводы и фабрики в качестве рабочих с целью укрепить влияние католицизма в массах, вернуть отошедших от религии рабочих в лоно церкви.

смерти, возможно, вырвали из их рядов двух членов, но Общество Эфирной Мандалы (именно так – с заглавных букв!) продолжит свою работу. Эта работа заключается в объяснении необъяснимого, поиске высшего руководства и путешествии одиноких исследователей в то, что она назвала «внутренним пространством». Этерианцы гордятся тем, что на этом великом пути приобрели двух мучеников, и хотя печаль от потерь велика, Общество уверено, что Стив Сонди и доктор Эндрю Лодердейл ушли не навсегда. Просто временно утратили связь.

После этих слов миссис Уэбб отправилась спать, оставив в комнате, набитой репортерами, такую тишину, что те могли слышать шарканье ее домашних туфель по покрытой ковром лестнице. Большинство этерианцев последовали ее примеру, журналисты разошлись, и в комнате, кроме спящего наркомана, Фина, Хакеля и косоглазого, не осталось никого.

– На самом деле все очень просто, – говорил Хакель больше самому себе. – Люди не могут проходить сквозь стены или игнорировать гравитацию. Так что всему этому должно быть какое-то практическое объяснение. – Объяснения он не предложил.

Репортер спросил Фина, не собирается ли тот «расколоть» это дело.

– Не притворяйтесь анонимом, – продолжал он. – Я освещал ваше последнее дело об убийстве. Как по вашему мнению, Лодердейл мог быть убит Стивом? Линия «убийство-самоубийство»?

– Почему бы нет?

– Я слышал, что у Лодердейла с Нэнси были свидания. То есть свидания проходили там, у оргонного ящика. Или в нем.

Фин посмотрел на косоглазого, проверяя, не забрасывает ли тот удочку:

– Где вы слышали все это?

– Профессиональные сплетни. Вы же знаете. Довольно много ребят побывало здесь в разное время, делая специальные репортажи о спиритизме. Вы можете услышать всякое.

– Мы тоже, – вдруг произнес Хакель. Он начал по очереди хрустеть костяшками пальцев.

– Мы тоже слышим. И видим всякое... такое, – продолжал он, – невозможное. Полная чушь, на самом деле. – Кажется, он вышел из оцепенения. – Полная чушь! Знаете, как это было сделано? С помощью *тонких черных проводов*. Не существует ни одного так называемого чуда миссис Уэбб, которое нельзя было бы объяснить тонкими черными проводами. Тут и готовность ее аудитории быть облапошенной. Понимаете, они все были подготовлены. Она могла внушить им любые вещи. И хотела, чтобы я был таким же – ее ручная кукла-профессор, подтверждающая все, что у... Извините, мне пора некоторым образом в постель. Спокойной ночи, джентльмены.

Но в дверях он остановился.

– Иронично, не правда ли? Я имею в виду ее имя.

– Какое, Уэбб³⁴? – спросил репортер, когда Хакель ушел.

– *Тонкие черные провода*, – объяснил Фин. – Бедный Хакель!

– Думаете, он сумасшедший?

– Он всегда был сумасшедший в том смысле, который вы имеете в виду. Я просто боюсь, что на сей раз он может оказаться прав. Боже мой, что с ним будет, если он найдет эти пресловутые тонкие черные провода: все его худшие опасения подтвердились!

Репортер перестал строчить и что-то вычеркнул.

– Позвольте я попробую понять вас напрямик: он сумасшедший, но на правильных рельсах?

34 Английский корень *webb* (уэбб, вэбб) может рассматриваться в значении: лента, тесьма, резинка, лямка парашюта, опутывать проводами и т. д.

– «На правильных рельсах» или «слетел с катушек» – для него не принципиально. В том смысле, что он фанатик. Мне нужно предостеречь его от слепого фанатизма. Я совершил ошибку, сказав ему, что он станет ярим приверженцем спиритизма. Теперь ему кажется, что против него имеется заговор с целью похитить его разум или что-то в этом роде.

– Я предпочел бы узнать от вас о заговоре с целью убийства.

– Но такового нет. Эти убийства не имеют никакого смысла вообще, как выдумка, фантом. Это убийства химеры.

Косящий глаз был направлен на него.

– Вы хотите сказать, что эти убийства скорее всего дело рук сумасшедшего? Положим, фанатика?

– Можно и так сказать. – Репортер записал это и ушел, прежде чем Фин успел взять свои слова обратно.

Сыщик не расстроился, что потерял аудиторию, потому что он также потерял себя – в теории, которая начала объясняться. Свои следующие слова он адресовал храпящему мистеру Данку.

– А если серьезно, родные мои, эти убийства не просто бессмысленные, это абсурд абсурднейший. Чепуха на постном масле. Они все равно что лимерик Макса Миллера:

*Молодого человека из Данди,
Ужаленного в шею осой,
Спросили: «Не больно?»
Был ответ: «Вовсе нет.
Пусть жалит еще, если хочет».*

В том-то и дело: ни складу ни ладу, как сказал бы Хакель. И со своей нелепой теорией он ближе к истине, чем мне представлялось, просто потому, что она нелепа. Безумна...

Да, можно сказать, что эти убийства – откровенное безумие...

Или вот, *практическое* объяснение – здесь, в доме, мы имеем случай мастерски сработанного очковтирательства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СМЕРТЬ И МИСТЕР ДАНК

Бикер менял адреса по несколько раз в месяц, и это его устраивало. Новое пристанище располагалось в районе реконструкции в Килберне, на самом верху полуразрушенного склада. Снаружи все еще висела огромная цветная вывеска с рекламой Почечной Соли Доктора Манна (*Часто подделываемая – Абсолютно неповторимая*). Ее можно было оценить по достоинству издалека после того, как ряд домов, заслонявших ее, перестроили до основания.

Стены кабинета Бикера красили много раз, но только не в последнее время. Теперь краска отслаивалась, оставляя замысловатую топографию. Этот гном, юркий мошенник на доверии, редко смотрел на свои стены. Обычно он смотрел в окно (как раз над заглавной «М» в имени доктора), обдумывая новые надежные схемы. Вот и сейчас он смотрел в окно, пока Фин рассказывал о двух смертях в этерическом обществе.

– И это почти все, не считая юных плакальщиц, взявших в осаду дом, в возрасте которых приличествовало бы оплакивать потерянных кукол и умерших черепах. Потом, конечно, газеты все переврали, сообщая о массовых вознесениях и ритуальных убийствах...

– Ну что ж! – Бикер отвернулся от окна и принялся тереть свой последний шик – чингисхановские усы. – Вот вам, пожалуйста, и «преступник-мастер». Надеюсь, у вас хватит ума держаться от него подальше.

– Я не начну беспокоиться, пока не завладею этим скарабеем с чарами проклятия, – ответил сыщик. – Кстати,

если ты и дальше будешь устраивать выкрутасы с этими усами, они отвалятся.

Руки Бикера моментально отлипли от усов.

– Как вы думаете, кто за всем этим стоит?

– Понятия не имею. Но именно по этой причине дело достойно изучения. Всю дорогу сюда, в автобусе, я пытался строить теории. Будет легче, однако, если мы упростим проблему. Вместо исчезнувшего из ванной и объявившегося в оргонном ящике Дока у меня появляется, к примеру, поверенный по имени Блитеринг, которого обнаружили мертвым в библиотеке собственного загородного дома. Видишь, проблема обретает знакомый вид.

Беднягу Блитеринга либо огрели кочергой по голове, либо он упал и ударился головой об угол (неважно чего). Мы знаем, что дворецкий принес ему виски и содовую в 00:20. Через некоторое время Блитеринга навестил таинственный визитер, который вошел через французское окно, наследив на грядке с георгинами. Могла ли смутная догадка явиться в лице его секретаря Симпсона, который, как известно, был влюблен в дочь Блитеринга, но не имел и гроша за душой? Или это распутный сын Гарольд, недавно вычеркнутый из завещания и на днях выставленный из Оксфорда (поезд в 00:18 – расписание поездов играет немаловажную роль)? Или это ненавистный сводный брат Блитеринга Мортимер, только что вернувшийся из Канады (00:21), где многие годы жил под вымышленным именем? Или же?..

– Господи! Я забыл вам сказать! – Возбуждение Бикера перешло в приступ икоты. В течение нескольких минут он был вынужден задерживать дыхание, в то время как новый спазм заставлял его усы драматически подергиваться, а Фин продолжал излагать другие теории. По второй версии лорд Суррогат был найден убитым на поле для гольфа; по третьей – достопочтенного Дж. Фентона Уорта

вытолкнули из окна купе первого класса в 00:18, когда поезд мчался по туннелю...

– Ради бога, заткнитесь и слушайте! – Бикер наконец продышался. – Я порыл по поводу свидетельства о смерти Мориса Уэбба, как вы просили, и ничего не накопал. Поэтому начал расспрашивать всех вокруг. Короче, он...

Никакого выстрела не прозвучало и никакое тело не упало замертво на пол, когда Фин прыгнул к окну и увидел странную фигуру в пальто от Барберри, удаляющуюся прочь. Вместо этого Бикер закончил фразу.

– Повтори еще раз.

– Морис Уэбб вовсе не умер. Он исчез!

Фин выглядел разочарованным.

– О, будем считать, что ты пошутил. Вот я здесь, всерьез обдумываю версии убийства, а все, что ты можешь предложить, это старый до боли сюжетный прием.

– Но я *говорю серьезно*. Он...

– Всё. Больше ни слова. Говори все, что угодно, говори, что Морис Уэбб сублимировался в ноль часов восемнадцать минут, только не говори, что он *жив*.

– Но он исчез *без всяких вопросов*. Заметьте, без всяких – это значит не как Док Лодердейл. Он просто вышел за сигаретами лет одиннадцать назад, и больше не вернулся.

– Сигаретами? Он вышел за *сигаретами*? – тон Фина сменился на глубокомысленный. – Тогда дело представляется куда серьезнее, чем я думал. Какой марки они были?

– А?

– Случайно не египетский бленд?

Это вызвало у Бикера смех, обернувшийся очередным приступом икоты. В ожидании затишья Фин сварил кофе.

– Верится, конечно, с трудом, – сказал он, расставляя чашки. – Если Уэбб жив, то это банальный «труп в библиотеке». По всем литературным прецедентам нас ждет воскрешение одного из этерианцев в роли шантажиста или мстителя, не простившего какой-нибудь старой шпильки.

Нет, было бы чересчур на такое надеяться. Но ты абсолютно уверен, что он исчез?

– Естественно, нет. Все, что я знаю, это то, что слышал от пары своих друзей торговцев. Но это надежный слух, им ни к чему пудрить мне мозги. Я к тому, что они могли сказать мне, что его уволокли черти, или он исчез из запертой комнаты, или...

– Запертой ванной комнаты. А еще, что он левитировал и упал. Но они не сказали бы тебе ничего правдоподобного. Они не стали бы выдумывать историю про мужа, бросившего свою жену. Ладно, теперь я верю.

– Значит, вы думаете, что это было бегство?

– Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом, а то я много чего надумаю, – ответил Фин. – Как бизнес?

Бикер пустился в пространные описания своих новых схем, которые намеревался реализовать в ближайшее время. Первая была связана с заимствованием редкой скрипки Фенелли у одного приятеля, вторая нуждалась всего лишь в вываренном бульонном гвозде и удостоверении палеонтолога, в то время как третья касалась услуг шести китайских официантов и одной недовольной молодой особы...

Фин, по правде говоря, не слушал. Перед его мысленным взором то и дело возникали образы Мориса Уэбба: Уэбб в блейзере и со слуховым аппаратом; Уэбб в клерикальном воротничке; Уэбб с бородой, проповедующий неверие; Уэбб – бродяга-цыган... Он даже представил Уэбба «морским биологом», ничего не сведущим в своей профессии...

Но почему не проследить дальше? Допустим, Уэбб вернулся с сигаретами, а миссис Уэбб, допустим, закатала его (с купленной пачкой «Плейерс» в кармане) под свежий бетонный пол в подвале... или, скажем, Уэбб убил свою жену и изображает ее все эти одиннадцать лет...

– А у вас, Фин? Каковы шансы на успех? Вы уже разгадали маленькие секреты миссис Уэбб?

– Мне и самому хотелось бы это знать, Бик.

Сегодня Эрнестина была словно на иголках. Весь день и за ужином она либо огрызалась на любого, кто заговаривал с ней, либо отказывалась отвечать. На лбу у нее высыпала свежая порция прыщей, а обычно тусклые волосы выглядели безжизненными.

Ужин обернулся катастрофой даже по этерианским стандартам: подгоревший суп, недожаренный рис и соевые бургеры, которые подавались на стол холодными и липкими. Трапеза для нее завершилась упавшим на пол фруктовым салатом, после чего она наконец разрыдалась.

– Садитесь, моя дорогая, – ласково сказал Стоуни. – Было бы несправедливо с нашей стороны ожидать от вас слишком многого в такой день. Позвольте, я приберусь здесь, пока вы отдыхаете.

Истолковав это как сигнал, Фин предложил помыть посуду после ужина. Эрнестина отказалась, сначала мученическим тоном, затем из искреннего смущения, что ее сочли «размазней». В конце концов сошлись на том, что он будет вытирать посуду после того, как она ее помоеет.

Полируя тарелку, Фин сделал вид, что его привлекло окно над раковиной.

– Кажется, днем отсюда можно видеть окно ванной комнаты?

– Полагаю, что да.

– Любопытно. Не заметили ли вы здесь чего-нибудь странного вчера во время обеда. Например, было ли открыто окно в ванной?

– Нет. Я имею в виду, не заметила, – сказала она, не отрывая взгляда от посуды.

– Мне представляется, что вы могли бы видеть, как кто-то забирается в то окно или выбирается из него, верно? Уж слишком оно близко. Фактически, кто бы там ни находился, вы, протянув руку, могли коснуться его – при усло-

вии, если *это* окно легко открывается. Давайте проверим. – Он резко поднял раму и вытянул руку. – Все правильно, я могу даже достать до самого окна ванной. Если бы у меня был заранее приготовлен кусок нитки, я, вероятно, мог бы открыть и закрыть окно ванной отсюда, немного попрактиковавшись. Я имею в виду, что эти защищенные от взлома запоры не являются *абсолютно* защищенными, особенно если взломщик установит все изнутри. На самом деле, это просто. Вы продеваете вязальную спицу в ушко завертки и закрепляете обычную или, скажем, вязальную нитку так, что когда вы тянете, завертка поворачивается.

Если он и ожидал немедленной реакции, то был разочарован, – Эрнестина продолжала машинально скрести и мыть посуду. Фин закрыл окно и вернулся к работе. Реакция последовала через несколько минут.

– Нитка, – произнесла она. – Окна.

– Пардон?

– Полицейский говорил что-то насчет того, что я спустила веревку из кабинета для Стива, чтобы он мог взобраться на нее или что-то в этом роде. Он думает, что я могла... и вы тоже, не так ли? – Слезы стекали по ее тупому подбородку и капали в мыльную пену. – Со всеми вашими, этими всеми веревками и нитками, и чертовыми окнами!

– Простите. Я не хотел вас расстраивать, Эрнестина, – солгал он.

– Он... он также спрашивал меня о моих видениях. Они красивы, невероятно красивы. Он попросил рассказать о видении в кабинете. Но как только я начала рассказывать, он утратил интерес. Нитки и окна – вот его мир, да и ваш тоже. Вы все запутались в нитках... – Она прыснула, фыркнув сквозь слезы и выдувая из ноздри тонкий пузырь. – Вы все так связаны, так привязаны к этому миру, что неспособны увидеть настоящую красоту вокруг себя.

Фин снова извинился.

– Я ведь здесь новичок, – сказал он. – Вы совершенно правы насчет моей слепоты к другой реальности. Но я хочу учиться. Почему бы вам не рассказать мне о своих видениях? А я постараюсь выслушать и понять.

– Хорошо. Она на мгновение задумалась. Думаю, первое было в девять или десять лет. В дождливый день я сидела у окна со своей кошкой Лилой. Просто гладила ее и смотрела в окно.

И тут я обратила внимание на то, как струи дождя сбегают по стеклу. Они образовывали фигуры. Узоры. Как арки в готических соборах, только сплетаясь вместе и переливаясь друг в друга. Я не очень хорошо объясняю.

– На самом деле – потрясающе. Пожалуйста, продолжайте.

– Ну, потом выглянуло солнце, и оно засияло сквозь арки и шпили так ярко, что должно было бы резать глаза, но этого не случилось. Я смотрела прямо на него. Это было похоже на готический город из стекла и алмазных спиралей. И я могла видеть все это насквозь, до самого центра. Я видела пылающую душу Вселенной!

Фин убрал тарелку, которую полировал несколько минут, и взял следующую.

– А другие видения?

– После первого сразу несколько. Они у меня часто бывают теперь. Иногда я их вызываю, иногда они начинаются сами собой, когда я просто что-нибудь вяжу или читаю.

– А то, которое было вчера вечером в кабинете?

– Его вызвала я. Я стала смотреть на ковер. Узор сильно потускнел в отблесках огня. Я все время концентрировалась на том, чтобы смотреть сквозь него, понимаете? Потом он начал лопаться от цветов. Миллионы крошечных цветочков, словно яркие искры, взрываясь, превращались в прекрасных блондинок. И я увидела, как из них вырастает мой собор – огромный белый шпиль с маленькими виноградными лозами и всяким таким вокруг него, поднимающийся из этого моря цветов. А потом – о, это звучит глупо, – я увидела яркую красную вспышку и двух муж-

чин. Я думаю, что они, возможно, были развоплощенными, пытаясь достучаться до меня.

– Двух мужчин? Они что-нибудь сказали?

– Нет, но – и это звучит совсем по-идиотски – они танцевали танго. Вдвоем.

– Танго. Я понял. Как они выглядели?

– Они были темными. Темные костюмы и волосы. Они выглядели как посланцы тьмы. Знаете, я думаю, они пришли, чтобы забрать Стива.

Фин кивнул.

– Очевидно, так оно и было.

Когда Фин вышел из столовой, Стоуни разговаривал по телефону в холле первого этажа. Он быстро прикрыл трубку и спросил:

– Как она сейчас, бедняжка?

– Гораздо лучше. Все это, кажется, ужасно расстроило ее.

Стоуни кивнул.

– Не стоит удивляться. Знаете, она была просто без ума от Стива.

– Я так и предполагал. Он знал об этом?

– Вот вам и ответ. Стив просто игнорировал ее. Уверен, что у нее никогда бы не хватило смелости признаться ему.. Алло? Да, оператор, я слушаю.

– Простите, не буду нарушать вашу приватность, – сказал Фин. – Я поднимусь вверх.

– Все нормально. Я как раз нуждаюсь в обществе. Вот уже двадцать минут как я жду соединения. Пытаюсь позвонить отцу Стива в Гамбург, чтобы, понимаете ли, сделать все необходимые приготовления. – Он вздохнул, глядя на часы. – Это довольно-таки срочно, поскольку я взял на себя смелость предварительно договориться с местным похоронным бюро. Если я не свяжусь с ним в ближайшее время, боюсь, господин Зонтаг может самостоятельно предпринять совсем иные шаги.

– Зонтаг? О, настоящая фамилия Стива, как я понимаю. Очень хорошо, что вы взяли на себя труд позаботиться о нем.

– Вовсе нет, на самом деле это мой долг.. Алло? Герр Зонтаг? Говорит преподобный Артур Стоунхаус. Позвольте мне прежде всего расширить...

Фин проскользнул в гостиную. Там отиралось с полдюжины незнакомцев, не считая Форстеров, сестер Блейз и репортера с разнонаправленными глазами. Фин пристроился в тихом уголке, рядом с мисс Эмили Блейз.

– Какое шокирующее известие! – тут же воскликнула она. – Мы с Адой просто пришли в ужас, когда увидели утреннюю газету.

Ада оказалась рядом со своей копией и подалась вперед, чтобы присоединиться к разговору.

– Да, конечно, мы поняли, что случилось что-то ужасное, когда мистеру Стоунхаусу пришлось прервать ЭСВ-тест. А потом в утренней газете мы прочитали про весь этот ужас, который звучал так непонятно...

– В общем, сегодня после работы мы сели на первый поезд до Лондона, – закончила ее сестра, – чтобы убедиться, не сможем ли мы быть чем-нибудь полезны.

– И, естественно, удовлетворить собственное любопытство.

– Ада! Что за чушь ты несешь!

– Но ведь это правда. – Ада снова откинулась назад, явно наслаждаясь тем, что шокировала сестру.

– Что вы думаете о нас, мистер Фин?

После небольшой паузы Фин ответил:

– Ну, я всегда считал вас благородными дамами на пенсии, однако вы только что упомянули о работе. Не считайте мой вопрос за бестактность, но что бы это могло быть?

– О, мы не зарабатываем на жизнь, – заверила его Эмили, – хотя в каком-то смысле мне бы этого хотелось. Алистер, наш дорогой брат, очень несправедливо поступил с нами в своем завещании. Он всегда так боялся, что мы

«разбазарим» его деньги на наши проекты, поэтому оставил каждой лишь по небольшой ренте, а остальное передал в траст.

– Траст?

– Мы можем получить их только, как он выразился, в «особо экстренных случаях», например, на большой дом или если кто-то из нас решит выйти замуж, как будто индианки в нашем возрасте ищут себе мужей! Во всем остальном мы не получаем ни пенни, пока живем на этой земле. Ну разве это не глупость, мистер Фин? Боже мой, я совсем отклонилась от темы, верно? О чем я собиралась сказать?

– О своей работе, – напомнил он.

– А. Очень нужную, но совершенно неоплачиваемую работу мы делаем для КОР, – она расшифровала ему аббревиатуру, четко выговорив каждое слово по буквам, – *Конгресс орфографической реформы*. – И еще мы ярые антививисекционисты.

– Вы, должно быть, много сил, помимо всего этого, отдаете и Обществу Эфирной Мандалы. Не говоря уже о ваших ЭСВ-тестах.

– О Господи, разумеется. Они и в самом деле очень утомительны, но мистер Стоунхаус говорит, что у меня большие телепатические способности. У нас, у Ады и меня. Я верю, что такие способности как правило встречаются у близнецов, и это, конечно, правда, что мы с Адой зачастую угадываем потаенные мысли других. Я бы, естественно, не стала использовать свой дар в корыстных целях, но я надеюсь, что благодаря исследованиям мистера Стоунхауса мы хотя бы убедим мир, что феномен ЭСВ существует.

– Как работают ваши тесты? Есть ли в них что-нибудь от доктора Райна из Университета Дьюка³⁵?

35 Джозеф Бэнкс Райн (1895–1980), американский ботаник, который позже проявил интерес к парапсихологии и психологии. Райн основал лабораторию парапсихологии при Университете Дьюка и журнал парапсихологии.

– Да, безусловно. У нас тоже есть специальная колода карт с пятью символами: крест, круг, квадрат, звезда и волны (волнистые линии)³⁶. На одном конце провода мистер Стоунхаус тасует колоду и проходит по ней, открывая по очереди карту за картой. На другом, в Челтнеме, я пытаюсь мысленно представить себе символ той карты, на которую он смотрит. Затем я озвучиваю ему свою догадку, и он ее записывает.

Хакель придвинулся ближе, чтобы уловить последнюю часть разговора.

– Естественно, – объяснил он, – Стоунхаус просто говорит ей угадывать то, что ему выгодно.

– Он в любом случае не говорит, *что* угадывать. Он вообще ничего не говорит, кроме «да», когда слышит мою догадку.

– Ну, одно ясно, что дело темное, – возразил Хакель. – Потому что ЭСВ не просто не существует, оно невозможно!

– Вы слышали?! Служитель Евангелия – темнит! – Подбородок мисс Эмили задрожал, и это был не обычный паркинсонический тремор. – Этот человек практически святой! И сейчас он звонит отцу Стивена в Германию, чтобы выразить соболезнования. Не думаю, что вам пришло бы в голову сделать что-то подобное, профессор.

– И занимается организацией похорон, – добавил Фин, пытаясь увести разговор от спора.

– Слышите? – кивнула Эмили, и вслед за ней Ада. – Святой!

Хакель, наголову разбитый такой канонизацией противника, отступил и покинул их. Мисс Эмили обратила к Фину торжествующую улыбку.

36 Карты Зенера – колода карт с пятью повторяющимися символами (круг, крест, три волнистые линии, квадрат, пятиконечная звезда), предложенная в 1930-х годах психологом Карлом Зенером для изучения паранормальных форм восприятия способностей человека, например, ясновидения (второго зрения).

– Мистер Фин, вы не знаете, кто занимается подготовкой?

– Нет, не слышал.

– О, я надеюсь, это бюро Роуздейл. Они так замечательно обошлись с нашим дорогим братом, правда, Ада? Так естественно он выглядел.

– Как он хотел.

– Так натурально. Он улыбался, мистер Фин...

Позже, когда близнецы ушли, Хакель снова навязал свое общество сыщику.

– Послушайте, Фин, вы не можете воспринимать всерьез эту ерунду с ЭСВ.

– Нет, если это ерунда.

– Я в том смысле, что это путь в никуда, понимаете? Эти чудачки пускаются на разного рода мелкие ухищрения. Они могли бы все это подготовить заранее. И даже то, как Стоуни произносит «да», может являться своеобразным кодом.

Фин улыбнулся.

– Я заметил, что вы называете их чудачками, при этом обвиняя в подлом обмане. Хотя я всегда считал, что чудачки прежде всего дурят самих себя.

– Конечно, но ведь эти несомненно дурят и других.

– Да. Любой, кто нашел универсальную истину, не против продвинуть ее с помощью конкретной лжи. Если он верит, что духи есть повсюду, он не видит ничего плохого в том, чтобы симулировать появление такого-то духа в такой-то комнате для сеансов. По-моему, именно так действует миссис Уэбб. Вы можете прочитать великую правду, сияющую в ее глазах, даже когда она проворачивает одну из своих маленьких афер.

– К слову, – сказал Хакель, – мы тут организовали небольшой сеанс, пока вы отсутствовали сегодня днем. Нэнси, Стоуни, я, миссис Уэбб и Эрнестина. У Эрнестины произошел наиочаровательнейший разговор с «Морисом»; он фактически обвинил ее в преступлении.

– Убийстве?

– Нет, скорее в краже. Давайте я попробую вспомнить его точные слова. Ага, «От этих стен исходит черная аура. Любовь и доверие покинули этот дом, свет погас в нем, наступила темнота». Тра-та-та, потом было что-то о смерти, скрывающейся в темноте, и проклятии древних, лежащем на тех, кто крадет из гробниц, что бы это ни значило. Я сразу подумал о скарабее, но «Морис», казалось, продолжал твердить о краже. – «Вор крадет не деньги, но свет», – произнес он пару раз. Затем спросил Эрнестину, не хочет ли она кое в чем признаться. На *этом* сеанс закончился. Она вскочила и выбежала из комнаты.

Сыщик кивнул.

– Это отчасти объясняет, почему она так нервничала сегодня вечером.

– Ну вот вам и универсальная истина миссис Уэбб, – осклабился Хакель. – Я думаю, ваша теория ошибочна: она бы не узнала истины, даже если бы та лягнула ее.

– Полагаете, нет? – По причинам, которые он не стал объяснять, эта мысль заставила лицо Фина исказиться, как будто он изо всех сил старался не выдать какую-то сильную эмоцию. Прежде чем он успел заговорить снова, из холла ступил Стоуни и присоединился к ним.

– Если вы закончили с телефоном, – бросил косоглазый и выбежал, оставив дверь открытой.

– Итак, все решено, – известил Стоуни. – Мы передаем останки Стива в похоронное бюро, где их подготовят к отправке в Германию. Похороны пройдут там. Очень жаль, право. Я уверен, что Стив предпочел бы быть похороненным в Англии, ведь здесь он прожил большую часть своей жизни. Но, безусловно, желание его отца надо уважать.

– Значит, Стив немец только по рождению и фамилии, – сказал Фин. – И он даже сменил последнюю. Состояли ли его родители в разводе?

– Совершенно верно, – ответил Хакель. – Типичное дитя распавшегося брака, без корней, погруженное в мистицизм...

– Он по-настоящему влился в общество, спаялся с нами, – признался Стоуни. – Он начал ходить на собрания около двух лет назад, стал регулярно посещать сеансы и так далее, пока мы не предложили ему присоединиться.

– Как мотылек на пламя. – Хакель развернулся и покинул компанию.

– Я должен искренне извиниться за резкие манеры профессора Хакеля, мистер Фин. Знаете, человек он в самом деле неплохой, и, думаю, мог бы обнаружить в себе великую веру, если бы только попустил себе верить.

Фин посмотрел на психолога, который сейчас сидел в кресле в дальнем углу, похрустывая костяшками пальцев.

– Полагаю, теперь его можно считать обнаружившим великую веру, – сказал он. – Мы с ним только что говорили о фанатизме, и я заметил, что он готов навесить ярлык фанатика на кого угодно, только не на себя. Тем не менее я редко встречал человека более одержимого, чем он... чем он представляется, во всяком случае.

Стоуни усмехнулся.

– Хотите сказать: «Нет бога, кроме науки, и Хакель пророк его?» Что-то в этом роде?

– Так или иначе. Странно встретить психолога, который не знает, что у него на уме. Хакель продолжает привлекать внимание к своему заблуждению, видя его в других.

– Привлекать внимание, говорите? Хм. Однако, осмелюсь предположить, все мы горазды делать заявления о соринке в глазах другого, не так ли? Даже у дезинкарнированных³⁷, кажется, есть свои слепые пятна. Сегодня Морис довольно пространно разглагольствовал о восьмой заповеди, ни разу не упомянув об убийстве Дока. В конце я спросил его, надеется ли он, что убийца скоро раскается и

37 Лишенных физического тела (плоти).

предстанет перед судом. Он сказал: «Убийце не хватит духу». В самом деле, довольно ироничный комментарий по поводу своего собственного статуса, как мне показалось.

Сыщик ухмыльнулся.

– Да, сегодня вечером Эмили Блейз сказала, что они с сестрой пришли в ужас, когда узнали эту новость. И я не могу не замечать привычку Брюса Данка заканчивать сентенции неизменным: «Нет?» и перекрикивать других своим: «Слушайте, слушайте!» Я подозреваю, что и сам делаю нечто подобное.

– «Я подозреваю», – повторил Стоуни. – Блестяще сказано.

Внезапно все разговоры прекратились, когда раздался звонок в дверь. Затем из холла донесся голос репортера:

– Добрый вечер, старший инспектор. Кого-то под замок?

Спустя минуту появился Гейлорд в сопровождении женщины в полицейской форме. Они не раздумывая направились к Нэнси и остановились возле нее. Репортер следовал за ними по пятам до тех пор, пока Гейлорд не обернулся и не заметил его.

– Это не арест, – бросил он ему. – Так что для начала можешь отвалить. – Затем, повернувшись к Нэнси: – Мы хотели бы задать вам еще несколько вопросов, мисс Мичи. Позвольте нам снова воспользоваться комнатой напротив.

Нэнси словно током ударило, когда женщина-полицейский взяла ее за руку.

– Она выглядит больной, – тихо проговорил Стоуни.

– Больной она будет выглядеть потом, – заявил косоглазый репортер, явно наслаждаясь драмой. – У нее, единственной из вас, нет алиби – дважды. – Косящий глаз подмигнул.

Фину захотелось одернуть косоглазого, но ничего моментального, кроме комплимента его отвратительному галстуку, в голову не пришло.

– Характерный у вас галстук. Палевые и бирюзовые полоски. Это какая-то известная государственная школа? Я

спрашиваю просто потому, что мы, иностранцы, интересуемся английскими государственными школами.

– Нет, на самом деле это галстук Убийства Малдуна.

– Простите?

– Может быть, вы слышали об убийстве Малдуна? Нет? Так вот, Малдун был богатым финансистом, ему оторвало голову письмом-бомбой. Скотланд-Ярду понадобились недели, чтобы отследить его – отгадайте, докуда? Отмотали назад до секретарши. Она была тайной террористкой. Вот и вся история, если в двух словах.

Все мы, кто освещал эту историю, в любом случае должны были провести эти недели вместе. Поэтому, когда все закончилось, мы образовали клуб. Клуб Убийства Малдуна.

– Что, и членские взносы есть? – Фин, как и любой прагматичный американец, сразу перевел разговор на деньги.

– О, нет-нет. Ничего такого. Карман репортера извечно пуст, вы же знаете.

Прагматик изобразил удивление.

– Вот как? Ну, я думаю, что по крайней мере у одного из ваших членов *на хлеб с маслом* в кармане наберется.

Офицеры вернулись с Нэнси, пока репортер завоевывал популярность.

– Теперь мне хотелось бы поговорить с мистером Брюсом Данком, – объявил Гейлорд.

Только тогда все заметили, что Данк пропал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОТАЙНОЙ ХОД

На следующий день миссис Уэбб провела еще один сеанс, чтобы связаться с дезинкарнированными членами. Док, чье тело, как он того пожелал, ныне знакомило студентов-медиков с тайнами анатомии, сообщил, что чувствует себя прекрасно. С Дэйвом он пока не встречался, поскольку он (Док) все еще ждал в каком-то темном предбаннике, ведущем в Другую Реальность. Стив, тело которого спешно забальзамировали в похоронном бюро Роуздейл (чтобы успеть на ранний самолет), сказал, что хотя и соскучился по всем, музыка здесь «свинговая» и «клевая».

Нэнси чуть не испортила атмосферу своим хихиканьем. Когда голос Стива, транслируемый Морисом, булькнул и отключился, она громко промурлыкала: «До встречи, мачо-аллигачо»³⁸.

Но встретилась она с Фином – в гостинной. Нэнси, казалось, пребывала в приподнятом настроении и болтала без умолку, словно желая наверстать дни угрюмого молчания.

– Думаю, не так уж я, что называется, намертво срослась с этим местом, – разоткровенничалась она. – Вот Стив ре-

38 Намек на популярную свинговую песенку Бобби Чарльза «See You Later, Alligator» (1955) – букв. «Увидимся позже, аллигатор». Первые две строчки припева впоследствии стали практиковаться в качестве шуточного прощания при расставании друзей, знакомых и т. д. (например, «Поки-чмоки, артишоки»). Последние два слова в таком своеобразном «покедова» *обязательно должны рифмоваться* – в этом весь незатейливый смысл.

ально прикипел, а я нет. Я верю в бога, бессмертие, реинкарнацию и все такое, но не уверена, что у старушки Уэбб такие же *флюиды*, как у меня. Знаете, как только мы приехали сюда, она принялась шпионить за нами. Правда-правда. Под любым предлогом то и дело совала нос в наши комнаты, чтобы первым делом взглянуть на кровати – не дай бог что-нибудь не так с *простынями*. Однажды мы попытались наколоть ее и сделали это на полу. А прямо под нами в своей комнате спал Брюси Данк, так вот бедняжка Брюси на следующее утро весь завтрак болтал о полтергейсте. Нам обоим пришлось выйти из столовой, чтобы вдоволь посмеяться. Кстати, а где Брюси?

Она спросила так, будто только сейчас заметила его отсутствие.

– По-прежнему никаких следов, – ответил Фин. – Полиция все еще ищет. Возможно, именно поэтому возле дома поставлен констебль. На случай, если он вернется домой.

– Что, только для этого? А я-то думала, чтобы не дать этим крошкам-сондифанам разнести дом по кирпичику. Бедные дети. Если бы они только знали...

– Знали что? – Фин старался не показать, что подвинулся в кресле ближе.

Она мило покраснела, затем рассмеялась.

– Ну, у Стива, похоже, вставал, как у озабоченного, когда он *вставал* за микрофон, – произнесла она одним духом. – Но не здесь. Возможно, это были нехорошие флюиды или что-то другое, – миссис У. со своим любимчиком преподобным, – только Стив начал избегать меня. Он «выдохся». Вот так. Впрочем, теперь это не имеет значения.

Какое-то время она грезила наяву, проводя обкусанным ногтем по парчовому узору своих брюк.

– Но не в этом несчастливом доме, – проговорила она наконец. – Несчастливом.

– Как вы думаете, что в нем не так?

– Не знаю. Слишком много старичья. Когда-то у них была своя жизнь, и теперь они не могут думать ни о чем другом, кроме как прожить ее снова, после того, как загнутся. Но я не хочу думать о смерти, черт возьми, я за жизнь. Вот почему мне нравится думать о Стиве, когда он был жив и счастлив, а не разговаривать с духом, отжигающим свинг.

– С претензией, что он *ушел насовсем*? Я это заметил.

Фин начал расценивать Нэнси как славную девушку: далеко не интеллектуалка, но и не глупая, только не всегда изящно выражается.

– Я слышал, что Стив несколько раз устраивал шуточные розыгрыши. Может, он не совсем серьезно относился к общению с духами? – предположил он.

Ее ответ удивил его.

– О, он был серьезен, все в порядке. Я знаю, пару раз он пошутил над Профом, но это были *дзенские забавы*. Легкая пощечина, которая отрезвляет и опускает на землю. Он хотел, чтобы Проф перестал думать и начал понимать. Один из любимых афоризмов Стива был таким: «Тигры гнева мудрее кляч наставления»³⁹. Если ты в этом разбираешься, ты знаешь Стива. В сущности, он был совершенно серьезен. Под кутикулой фривольности.

Кутикула фривольности? Афоризмы? Или словарный запас Нэнси внезапно расширился, или она почерпнула у кого-то. Фин начал подозревать источник, когда она добавила:

– Док рассказал мне о забавных дзенских притчах. Например, когда Мария-Антуанетта сказала: «Пусть едят пирожные», она, возможно, имела в виду это буквально, понимаете? Но, может быть, она имела в виду: «Дорога излишеств ведет к дворцу мудрости»⁴⁰. Они хотели набить свои животы, а она хотела, чтобы они испытали сладость в своих душах. Так что в душе она на самом деле была хорошей женщиной, понимаете?

39 Уильям Блейк «Пословицы Ада» (перевод С. Маршака).

40 Уильям Блейк «Пословицы Ада».

Фин был склонен думать, что Нэнси упустила из виду суть рассказа Дока и, вероятно, поняла это просто как разъяренные тигры мудры.

– О чем вы там вдвоем шушукаетесь, как заговорщики? – Миссис Уэбб плюхнулась в соседнее кресло. – Фу-у! Я в ауте. В эти дни, чтобы привести Мориса к столу, требуется вся моя духовная энергия. Но оно того стоит, я надеюсь.

Им пришлось бы согласиться с ней, но выручила Эрнестина, объявив о чае.

Вечером зарядил дождь. После ужина Фин слонялся по дому и наконец засел в библиотеке, листая «Пенетралию» Эндрю Джексона Дэвиса. Провидец из Поукопси и основатель духовызывания со всем его стуканьем по столу, мало что мог сообщить ему сегодня вечером – меньше, чем стук дождя по окнам и звенящая тишина внутри.

Через час вошел Стоуни, отряхивая пылинки со своего церковного костюма.

– Так вот вы где. А мы гадаем, куда вы запропалились. Поедете с нами?

– Куда?

– Мы подумали все, что поедем и проведем Стива, знаете ли. Миссис Уэбб упоминала об этом раньше, возможно, вы не слышали.

– Полагаю, нет. Да. Я поеду тоже. Если вы подождете, я переоденусь.

Как оказалось, ему не стоило торопиться, потому что остальные не спешили собираться в гостиной. Все выглядели подтянутыми и торжественными, даже Нэнси более-менее прибрала заколками волосы и надела темно-зеленый брючный костюм. Стоуни прикрыл свою духовную элегантность грязно-серым плащом. Хакель и Эрнестина спустились вниз в своем традиционном сугубо черном. По-

следней появилась миссис Уэбб в темном костюме, шляпе с вуалью и кожаных туфлях.

– Я хочу, чтобы все уяснили, что мы не совсем в трауре, – объяснила она. – Мы просто собираемся встретиться с гробовщиком. Я не хочу, чтобы он думал, что мы кучка фриков. Естественно, это не прощальная служба или какой-то другой ритуал, это только демонстрация нашей любви и ничего кроме.

– Нам лучше поторопиться, – сказал Стоуни, глядя на часы. – Уже почти десять, и его, возможно, отправят сегодня ночью.

– Так скоро? – спросила миссис Уэбб. – Разве они не сказали, когда его отправляют?

– Конкретно нет. Видите ли, они стараются избежать огласки. Когда я разговаривал с людьми из Роуздейл, мне сказали, что опасаются появления в аэропорту стаи вопящих подростков.

– Что ж, тогда мы, пожалуй, поедем.

Форстеры приехали до прибытия такси; их желтый спортивный автомобиль пристроился в хвосте двух машин, и небольшой кортеж направился к похоронному бюро Роуздейл.

Фин устроился на откидном сиденье напротив миссис Уэбб и профессора Хакеля. Их лица были скрыты коричневыми тенями, но движущиеся полосы желтого света открывали их руки. Пухлые кисти миссис Уэбб покоились на сумочке совершенно расслабленно, профессор же вновь принялся отчаянно хрустеть костяшками пальцев. За весь путь никто не обронил ни слова, и только миссис Уэбб время от времени наклонялась вперед, чтобы взглянуть на счетчик, и откидывалась назад, неодобрительно хмыкая.

Процессия петляла по тихим пригородным улочкам и остановилась перед колоннами большого здания в псевдогеоргианском стиле. Мистер Смерт, гробовщик, отворил дверь. Это был худощавый, с постным выражением лица человек, в старомодном пенсне, волосы которого разделял

прямой, как корешок книги, пробор. Узнав, кто они, мистер Смерт, казалось, расчувствовался до такой степени, что буквально начал заламывать руки.

– Господи, дорогие мои. Пожалуйста, не будем стоять в дверях, пройдемте внутрь, хорошо? И я попытаюсь объяснить. – Он провел их в тихую, небольшую и уютную, гостевую комнату и снова заломил руки.

– Дорогие мои... Собственно говоря... – пролепетал он. – Дело в том... Честное слово, не знаю, как вам об этом сказать. Дело в том, что вы опоздали. Боюсь, покойный уже убыл в аэропорт Хитроу. Мне действительно очень жаль.

Никто, казалось, не знал, что делать дальше.

– Не понимаю, почему нас не предупредили, – проворчала миссис Уэбб. – Мы рассчитывали увидеть его в последний раз.

Грбовщик повторно принес извинения.

– Видите ли, его отец хотел избежать неподобающей огласки – и мы, конечно, тоже. Если бы мы объявили время отправления, я уверен, в аэропорту прошла бы неуместная демонстрация.

– Безусловно, – кивнул Стоуни. – Мы всё понимаем.

Миссис Уэбб взяла сумочку и встала.

– А вот я не понимаю. Нас, по крайней мере, следовало бы известить. Ведь мы же не *юные фанаты*.

Хакелю на этот раз пришла в голову успокаивающая мысль.

– Вы забываете, весь вчерашний день у нас околачивался репортер. Подростковые демонстрации были бы ему просто бальзамом на душу. Одно неосторожное слово любого из нас...

– В таком случае всё в порядке. – Миссис Уэбб вздохнула. – Мы зря потратили время. Поехали домой.

Перед уходом Смерт предложил гостям чаю, но миссис Уэбб, обдумав это, направилась к выходу. В холле они прошли мимо двери с надписью «ЧАСОВНЯ», и Стоуни посетила идея.

– Прошу прощения, один момент. Прежде чем мы уйдем, я полагаю, вы не откажите мне справиться в уединении молитву по душе Стива. Это займет не больше минуты.

– Конечно, – сказал Смерт и проводил его в часовню. – А я тем временем вызову по телефону такси.

Смерт явно чувствовал, что его долг по отношению к этерианцам исполнен не до конца, поэтому суетился возле них, занимая пустой болтовней, пока они ждали в передней. Погода, по общему мнению, была ужасной. С другой стороны, для февраля довольно сносно, не правда ли? Все согласились, что зима в этом году выдалась мягкой, и мистер Смерт надеялся, горячо надеялся, что так будет и дальше. Спиритизм? Он так и не смог окончательно определиться с этим вопросом, хотя предполагал, что это было нечто такое, даже нечто такое большое, что требовало рассмотрения со всех сторон.

Дверь часовни открылась, но это был не Стоуни. Вышел дородный помощник с лицом цвета сырой говядины. На нем был темный, плохо сидящий костюм, а в красном кулаке он сжимал то, что поначалу представлялось грязной половой тряпкой.

– Прошу прощения, сэръ, – сказал он, встряхивая тряпкой. – Кто-то оставил в часовне вот это.

Это был серый плащ Стоуни.

– Мидоуз, я не совсем понимаю. Преподобный джентльмен, должно быть, все еще в часовне, – он только что туда вошел.

– Даже не знаю. Сейчас там никого нет.

Все проследовали за Смертом в часовню. В узкой комнате стояли дюжина коротких скамей и драпированные бархатом козлы для гроба, но никакого преподобного джентльмена в ней не было.

– Я не понимаю, – снова сказал Смерт. – Преподобный Стоунхаус ушел через черный ход?

– Нет, сэ. Не мог он этого сделать, сэ. Мы с Генри работали на заднем дворе. Мы зашли, чтобы вынести гроб, и здесь никого не было. Потом мы увидели плащ, и я вернул, чтобы принести его вам, сэ.

– Позвольте мне расспросить другого моего человека. – Вспотевший гробовщик повел их через занавешенный дверной проем, задержался только Фин. Сыщик первым делом быстро оглядел комнату, проверил за занавесями, заглянул под скамьи и даже приподнял край покрывала на козлах.

– Пыль к пыли, – пробормотал он и вышел вслед за остальными.

Второй вход в часовню вел к ярко освещенному крыльцу со стеклянным навесом. Крыльцо заканчивалось чем-то наподобие погрузочной платформы, где стоял припаркованный для загрузки черный фургон. Левая боковая дверь фургона была открыта – другой служащий траурного учреждения сидел в машине боком, спустив ноги на землю. Желтоватый лицом и худой, хотя не столь болезненной худобы, как хозяин, он ничем примечательным не выделялся, если не считать густой копны темных волос, свисающей на глаза. Он курил, но, заметив Смерта, быстро бросил сигарету на асфальт и наступил на нее. Его ровные белые зубы обнажились в гримасе, когда Смерт заговорил.

– Я видел это. Я видел это, Форбс. И фуражку ты не надел. Вы оба не надеваете фуражек. Сколько раз вам повторять?.. – Он двинулся вперед, чтобы поговорить с двумя помощниками наедине в том же истерическом тоне. Те неохотно надели свои черные матерчатые фуражки.

Этерианцы в растерянности попятнулись к двери, не понимая, участвовать ли им в допросе помощников или сохранять полный нейтралитет. Гробовщик тем временем продолжал вести себя так, словно вся проблема упиралась в ношение фуражки.

– Одно можно сказать точно, – подал голос Хакель. – Если он проходил здесь, кто-то из этих парней обязательно бы

его увидел. Тот, кого зовут Форбс, тайком курил, поэтому, должно быть, не сводил глаз с двери, ожидая с минуты на минуту появления своего босса.

Фин согласился.

– Тем не менее никогда не знаешь наверняка. – Пока двое работников спорили с хозяином, он подошел к задней двери фургона и открыл ее. Внутри не было ничего, кроме отливающего бронзой гроба.

– Здесь никого нет. – Смерт подошел, чтобы захлопнуть дверь. – Надеюсь, вы не допускаете, что преподобный джентльмен может находиться там?

– Простите. Но если, как утверждают ваши помощники, мистера Стоунхауса никто не видел уходящим, я подумал, что, возможно, пришло время его поискать.

– Алло, Билл! – позвал человек в фургоне. – Нам лучше пошевелиться, если мы хотим пройти таможду до двенадцати.

Краснолицый сделал извиняющийся жест в адрес Смерта, сел в машину, и фургон тронулся. Гробовщик загнал своих подопечных обратно в часовню.

– Я действительно не совсем понимаю, – повторил он. – Однако я уверен, что этому должно быть какое-то вполне ординарное объяснение. – Он окинул взглядом убранство часовни, словно ожидая увидеть, что Стоуни выйдет из-за занавесей и даст простое объяснение. – Он мог упасть под скамью или...

– Однозначно нет, – прервал Фин. – Я уже проверил здесь. – Он обошел комнату по кругу, показывая, куда заглядывал. – Под скамьями... за этими портьерами... под этими козлами, также я заглянул за дверь, когда мы входили. В часовне его нет и не было на момент нашего прихода. Мистер Смерт, есть ли еще какие-нибудь выходы? Окна, вентиляторы, что-нибудь такое?

Гробовщик отрицательно покачал головой.

– Отверстия для вентиляции и отопления размером не более четырех дюймов. И дверь в часовню была все время у нас на виду, а дверь черного хода – у моих помощников.

– Они все время находились в часовне?

– Фактически нет, – нервно ответил Смерт.

– Фактически нет? – выпалил Хакель. – Как это понимать?

Грбовщик залился краской.

– Они заходили, чтобы вынести гроб. Тот, который вы видели в фургоне. – Он облизнул губы. – Гроб вашего друга, боюсь.

Нэнси начала опускаться на скамью.

– *Что?* Это был гроб Стива? – Теперь она сидела. – Почему вы нам не сказали?

– Видите ли, я полагал, что его уже отправили, когда встретил вас в дверях. К тому времени, когда я понял, что Медоуз и Форбс все еще здесь, было ясно, что это только расстроит вас, если правда откроется. Понимаете, у вас просто не было бы времени засвидетельствовать свое почтение. К тому же они могли опоздать с доставкой тела в аэропорт. Я приношу свои извинения...

– Если вы произнесете это еще раз, я закричу, – прошипела Нэнси. – Черт возьми, самое малое, что вы могли бы сделать, – это позволить нам увидеть его перед отправлением.

– Здесь... действительно не было времени. Отец покойного хотел, чтобы его как можно скорее отправили домой. У меня не было никаких инструкций насчет посетителей, поэтому, естественно, я не стал открывать гроб для прощания.

– И все же интересно, был ли он открыт? – рассуждал Фин. – Давайте вспомним, что преподобный Стоунхаус провел с ним несколько минут наедине, прежде чем пришли ваши люди, чтобы забрать его. – Он подобрал плащ Стоуни и держал его, проверяя карманы. – Мог ли он залезть в гроб? Или его заставили?

– В самом деле! – Мистер Смерт пристально посмотрел на него. – Откуда у вас такие фантастические и неприемлемые идеи!

– Позже я назову и *приемлемые* варианты, – объяснил Фин. – Кроме того, я представляю, как поднимается крышка гроба, когда он стоит рядом... появляется рука... хватает его за запястье...

Смерт, чей высокий лоб отливал вишнево-красным, не смог произнести даже «В самом деле!» в ответ на это предположение.

– Слишком отдает Эдгаром По? – спросил Фин. – Тогда как вам схема Суинни Тодда: Стоуни проваливается через люк в подвал, где после расчленения куски тела можно постепенно разложить по гробам, как начинку мясных пирогов? Извините за натуралистичность, но мы должны изучить все возможности. Без сомнения, профессор хотел бы простучать пол и стены на предмет секретных панелей. А пока, я думаю, мы могли бы принять любезное предложение этого джентльмена выпить чаю.

Хакель задержался для исследования пола и стен на предмет трещин и пустот. Остальные, большей частью слишком ошеломленные, чтобы говорить, шмыгнули в уютную гостевую, где Смерт предложил им чаю с песочными пирожными и еще раз извинился.

Когда они вернулись домой, был уже почти час ночи. Констебль в дождевике все еще дежурил у двери. Нэнси хотела рассказать ему об исчезновении.

– Не валяй дурака, – сказала миссис Уэбб. – Тебе малого того, что у нас горе и полиция в доме? Не говоря уже о газетах.

Каждый встал на чью-то сторону в этом спонтанном диспуте, кроме Хакеля, который прошел внутрь, предоставив остальным спорить у крыльца. Почти сразу же он выскочил обратно с удивительной для грузного тела быстротой.

– Эй, вы там, – крикнул он полицейскому. – Вызовите срочно «скорую». Задействуйте рацию или что у вас там.

– В чем дело? – спросила миссис Уэбб уже на ходу.

– Стоуни. В парадном холле, без сознания. Кажется, он при смерти.

Люди часто ведут себя эксцентрично в чрезвычайных ситуациях, но поведение Фина было сродни безумию. Он моментально оказался в холле первого этажа и прошел мимо лежащего на полу человека без сознания, даже не взглянув на него.

– Обыщите его карманы, – бросил он через плечо, – пока не приехала «скорая». Посмотрите, нет ли у него скарабея.

– Хорошо, – сказал Хакель. – Куда это вы собрались?

– Взглянуть на кухонную швабру, конечно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТАЙНЫ СПИРИТИЧЕСКОГО СЕАНСА

– Поразительно! – Стоуни намазал крошечный треугольник тоста маргарином из кукурузного масла. – Я непременно должен записать о своем опыте для Общества психических исследований. Уверен, им будет очень интересно. – На протяжении всего завтрака его донимали вопросами, так что тост пришлось отложить, и тот сиротливо остывал на тарелке. – Только что я был там, в часовне, а уже в следующую минуту молодчики из «скорой помощи» будили меня здесь, в холле. Удивительно!

– Что случилось после того, как вас отвезли в больницу? – спросил Фин.

– На самом деле ничего особенного. Врач произвел осмотр, сказал, что я в порядке, и меня отправили домой. – Стоуни усмехнулся. – Это ли не доказательство того, о чем я говорил ранее, а? О Могущественной Силе, следящей за мной.

– Что вы почувствовали в часовне? – спросила Эрнестина. – Вам кто-то послал знак?

– Ну, теперь, когда вы упомянули об этом, я и вправду почувствовал себя странно, войдя в часовню. Понимаете, там стоял бронзовый гроб. Он стоял на какой-то подставке, но... я почти физически ощущал, что он *парит в воздухе*.

– Что? – Хакель стукнул кулаком по столу. – Не пытаетесь ли вы?..

– Нет-нет, профессор. Я не говорю, что он *парил*, он оставлял впечатление парящего. В общем, в комнате тоже присутствовало что-то такое. Что-то необычное и одновременно знакомое. Почти как если бы я был в ней раньше.

Ну вот, и когда я увидел гроб, я подумал про себя: «Тут какая-то ошибка. Мистер Смерт, наверное, перепутал комнаты или что-то еще». Кажется, я даже повернулся, чтобы уйти, но... что-то потянуло меня назад.

Фин спросил о скарабее.

– Он был у меня с собой, когда я переодевался. Я отлично помню, как положил его в карман брюк. Я и думать о нем не думал, пока не вернулся домой из больницы и не разделся перед сном. Его там не было. Конечно, – добавил Стоуни, – *это* не обязательно являлось частью Опыта. Он вполне мог выпасть у меня из кармана в машине «скорой помощи» или еще где-нибудь.

– Сомневаюсь, – прокомментировал Фин. – Профессор Хакель обыскал ваши карманы как раз перед приездом «скорой».

– И я его не нашел, – добавил Хакель.

Стоуни тщательно обдумал эту новость.

– Может быть, в часовне?

– Возможно, его астральное тело находилось там, – заметил Фин, прикрывая зевок, – но я этого не заметил.

– Все загадочнее и загадочнее! – Стоуни закончил игры с тостом и отряхнул руки. – Кому он понадобился? Боюсь, сегодня утром мне не до еды. Какое переживание! В самом деле, я чувствую себя так, словно прошел через какое-то испытание или ордалии⁴¹.

Хакель порылся в миске с мюсли.

– Что мне хотелось бы знать, так это то, как вам удалось пройти через черный ход часовни вчера вечером? Загипнотизировали тех двоих?

– Имейте совесть! – в один голос воскликнули Эрнестина и миссис Уэбб.

41 В широком смысле то же, что и «Божий суд» («Страшный суд»); в узком – суд путём испытания огнём и водой. Ордалии считаются одним из видов архаического права, впервые подобные испытания упоминаются ещё в законах Хаммурапи.

– Черный ход? Боюсь, я не совсем понимаю.

Хакель начал излагать одну из своих свенгальских⁴² теорий. Фин отодвинул нетронутую миску мюсли, специфической пищи, обилие которой у него даже по утрам вызывало изжогу. Утро было вовсе не таким добрым по причине того, что он засиделся допоздна, читая книгу под названием «Ошибки в фактах и ошибки восприятия». «Ошибки» были написаны немецким философом по-английски, тяжелым вымученным слогом, истерзанным звездочками сносок и кинжалами примечаний. Фин сумел осилить двести страниц, и ничего лучше кофе не гарантировало ему победу над сном.

– Что вы делали в часовне? – спросил он Стоуни. – Вы вообще подходили к гробу?

– Я... право, затрудняюсь сказать. Я уже говорил, что посмотрел на него. Он казался... странным.

– Кто-нибудь мог ударить вас по голове?

– О нет. Доктор сказал, что на мне нет никаких следов. Он, кажется, решил, что я просто упал в обморок.

– *Упал в обморок*, – произнес Хакель. Капля молока украдкой стекала по его бороде. – Неужели вы думаете, что мы поверим в это. Почему бы не признаться прямо, что все это трюк от начала до конца?

– Трюк? Зачем мне это? – Стоуни усмехнулся. – Право, Хакель, у вас...

– Зачем? *Зачем?* Чтобы скрыть убийство, вот *зачем!*

– Мерихью, – предостерегла миссис Уэбб.

Стоуни перестал усмехаться и выглядел расстроенным.

– Надеюсь, вы не это имели в виду, профессор. И мне совершенно невдомек, с чего вы решили, что я хотел что-то там скрыть. Поверьте мне, я не планировал того, что случилось вчера вечером. И даже не испрашивал того, что случилось. И я ни сном ни духом, почему это случилось.

42 Свенгали – зловещий гипнотизер, герой романа «Трильби» Джорджа Дюморье (1894).

Фин вынужден был согласиться, что со стороны убийцы было бы глупо навлекать на себя подозрения. Сам факт, что Стоуни выжил после исчезновения, в то время как его предшественники-обладатели скарабея умерли, заставлял его выглядеть неоправданно виновным. Это было что угодно, только не дымовая завеса. Это не исключало его вины и не бросало на кого-то еще более тяжелых подозрений. Короче говоря, это была бессмыслица. Или, напомнил он себе, злонамеренное очковтирательство.

Стоуни не оставлял попыток утихомирить психолога.

– Давайте не будем выдвигать диких обвинений против друг друга, хорошо? Если невозможно испросить у вас уважения, любви и доверия, то позвольте мне обратиться к вашему научному духу. Нас всех здесь интересует истина, и истина не в том, чтобы пререкаться между собой, а в том, чтобы изучить факты.

Эрнестина доела хлопья и посмотрела на миску Фина.

– Зря вы не едите это, Тек.

– Понимаю. Но здесь еды, вероятно, хватит, чтобы неделю кормить семью голодающих швейцарцев. Слушайте, а возьмите это себе.

– Если вы не против... – сказала она, зарываясь в миску.

– Я полагаю, – вступила в разговор миссис Уэбб, – о *доказательствах* нам должен рассказать наш детектив. Мистер Фин, у вас есть какие-нибудь теории?

– Рановато пока для теорий, – ответил он. – Если честно, долго и отвлеченно теоретизировать я предпочитаю на закате. Но раз уж вы спрашиваете, могу упомянуть знаменитую формулу Шерлока Холмса для разгадки тайн. Она встречается почти в каждом детективном романе, написанном в этом столетии, и звучит так: «Всякий раз, когда мы исключаем возможное, остается один-единственный факт, каким бы невероятным он ни казался, который и есть истина».

– Как это справедливо, – произнес Стоуни.

– Справедливо для логики, но не всегда применимо для жизни. Допустим, существует пятьдесят или сто вариантов объяснения вашего исчезновения из той часовни, но ни один из них нельзя назвать абсолютно невероятным. Вас могли усыпить хлороформом и затолкать в гроб. Вас мог поразить внезапный приступ амнезии, и вы ушли тем же путем, каким пришли, а мы не запомнили этого, поскольку тоже страдали амнезией. Вас могли замаскировать под скамью...

Хакель выглядел так, словно собирался упомянуть гипноз или тонкие черные провода. Сыщик опередил его.

– Нет, формула Холмса не работает, за исключением простых, как раз тривиальных случаев. Кстати, я заметил, что сам Холмс никогда ей не пользовался.

– А у вас какая формула? – спросила Эрнестина, намазывая треугольный тост Стоуни зеленой травяной пастой.

Фин поднялся, чтобы уйти.

– У меня ее нет. Обычно я надеюсь на то, что убийца, сболтнув лишнего, сам выдаст себя перед свидетелями.

Из-под свода арки он добавил:

– Когда он этого не делает, я просто открываю последнюю главу и смотрю ответ. При условии отсутствия типографских ошибок, вариант бесприкрытый.

Поскольку сегодня была среда, Фина ждали домашние хлопоты, а именно ужин и спиритический сеанс. С ужином получилось быстро: он разложил ингредиенты для бефстроганова, приготовил зеленый салат и смешал желе из портвейна. Фину нравилась стряпня – когда это требовало трех ингредиентов, пятнадцати минут и одной кастрюли или когда этим занимался кто-то другой.

На подготовку к спиритическому сеансу ушло больше времени. Он переставлял мебель, подбирал реквизит и упражнялся до тех пор, пока не почувствовал ломоту и уста-

лость. Миновала уже добрая половина дня, но еще оставалось время расслабиться, почитать и насладиться домашним уютом.

Его большую одноуровневую квартиру нельзя было назвать обставленной со вкусом: стены украшали только три картины, достойные внимания; из книг, недоступных ни одной из публичных библиотек, лишь не более дюжины в превосходных изданиях; каминная полка, усеянная не представляющими особой ценности и мало кому интересными своим неэстетическим видом камнями.

С другой стороны, квартиру ничто не связывало со спиритизмом и убийствами. Правда, миссис Доусон, которая приходила к нему убираться каждый день, радовалась массовому отравлению мышей на кухне, но все остальные убийцы были заперты на книжных полках.

Фин взял томик, помеченный как *Змеи Исландии*, и пролистал рассказ об отце Брауне, освежая в памяти некоторые полузабытые детали. В этом, как и во всех рассказах об отце Брауне, добро торжествовало, а зло отправлялось на виселицу. Книга вернулась на свое законное место рядом с *Жизнью папессы Иоанны*, и сыщик сел, чтобы предаться тягостным грезам.

Не существует какой-либо книги под названием «Змеи Исландии», где появляются рассказы Честертона об отце Брауне; верно и обратное. В одной из этих знаменитых тайн последнее звено обнаруживается благодаря абсурдными названиям на корешках книг: *Змеи Исландии* (таковых нет в природе), *Жизнь папессы Иоанны* (такой не было) и *Религия Фридриха Великого* (она у него отсутствовала). Зантригованный этим наблюдением, Фин решил соорудить собственную библиотеку-фантом, спрятав...

Но, поразмыслив, он пришел к выводу, что под обложками с выдуманными названиями лучше всего прятать книги подлинно существующие. Поэтому он заново переплел те из них, которые категорически не любил одалживать

друзьям. Сокровищница была надежно укрыта за ложными и отталкивающе скучными фасадами, демонстрирующими разносторонние экскурсы in vacua⁴³: «Жизнеописание» (под обложкой *Ричард IV*); «Путешествия» (*Восточный райдинг*); «Антропология» (*Ното Dawsonii, или Пилтдаунский человек*); «Математика» (*Иррациональные целые числа*) и «Спорт» (*Олимпийские игры 1940 года*)⁴⁴.

Однако ни в одной книге, реальной или сфабрикованной, он не мог найти решение своей нынешней проблемы: Тайны Исчезнувшего Скарабея.

– Хорошо, – промолвил он вслух. – Допустим, предмет служит проклятием и заставляет людей исчезнуть. Как, во имя черта, сатаны и нечистого духа, как *мог он послужить проклятием самому себе?* Это беспрецедентно! В конце концов, даже у магии есть правила. Заклятия должны налагаться по правилам заклятий. Никто не ходит вокруг целебных камней, не обращая прокаженных в хлеб. Чтобы найти конец золота в горшке с радугой, не обязательно встречаться с Ухом Дьявола⁴⁵. Даже волшебство должно быть по правилам...

– Тогда где он? Где этот проклятый жук?

Ответа не последовало и к семи часам, когда накрыли стол на троих. До прихода миссис Доусон и мистера Бикера оставалось лишь переодеться в костюм, рубашку и галстук более-менее сатанинского черного цвета.

43 Здесь – «в ничто», то есть подборка по несуществующей тематике.

44 Ричард IV – вымышленный персонаж; Восточный райдинг – юридически упраздненная в 1974 году административная единица в графстве Йоркшир, Англия; Пилтдаунский человек – археологическая фальшивка; иррациональные числа не могут быть целыми; Олимпийские игры 1940 г. – не проводились.

45 Игра слов. Американец Фин переиначивает фразу *pot of gold at the end of the rainbow* (горшок с золотом в конце радуги). Согласно ирландскому поверью, если дойти до конца радуги, то можно найти горшок с золотом, но не избежать встречи со злым гномом Лепреконом, или Ухом Дьявола. То есть, по логике Фина, переворачиваешь фразу – переворачиваешь смысл.

Миссис Доусон отказалась от бренди под предлогом того, что уже чуток «лизнула».

– *Лизнуть* вы должны оба, – объяснил Фин. – Так нужно для моего спиритического сеанса, чтобы он сработал.

Бикер осушил стакан.

– Вот так. Теперь мы на равных. И у нас будет сеанс.

Фин убрал со стола и поставил лампу посередине. Затем с помощью Бикера он передвинул «шкафчик», большой платяной шкаф со снятой створкой, из угла комнаты ближе к спинке своего кресла, но чуть сбоку. Внутри шкафа находился небольшой круглый столик. Расставляя на нем свой реквизит, Фин по очереди демонстрировал и называл появлявшиеся предметы:

– Эта игрушечная укулеле⁴⁶ ни что иное как мандолина для спиритических сеансов. Это кажущийся спичечным коробком колокольчик. Это спиритическая труба-рупор, изготовленная по тому же образцу, что у миссис Уэбб и других известных медиумов. А это, хотя и выглядит как плоский леденец на палочке, завернутый в слюду, самая настоящая спиритическая грифельная доска. – Он покрутил ей перед ними туда-сюда и положил рядом с другими предметами. Затем он приколот скатерть на шкаф со стороны отсутствующей створки и занял свое место за столом. – Совместно с вами я постараюсь добиться проявлений не только с сеансов миссис Уэбб, но и некоторых других. Я хочу, чтобы вы, миссис Доусон, крепко схватили меня за правую руку и наступили ногой на мой правый ботинок. Мистер Бикер сделает то же с моей левой половиной. Как только погаснет лампа, пожалуйста, возьмите друг друга за руки и помните – *круг не должен быть разорван*.

По требованию медиума они беззвучно просидели в темноте, пока не досчитали до двухсот. После чего он прошептал:

46 Гавайская четырехструнная миниатюрная гитара.

– Это... ты?

Вновь наступила тишина, затем хриплый голос произнес с американским акцентом:

– *Здесь есть кто-нибудь по имени миссис Доусон?*

– Да?

Конечности Фина дернулись, словно были связаны нитками, как у марионетки.

– *Я тот, кого ты убила. Я ищу... мести.*

– Я никого не убивала!

– *Мое земное тело лежит на кухне. Ты сбросила его в мусорный бачок, нажав на педаль*⁴⁷...

Расслабленное хихиканье прервалось посередине звуками укулеле.

– *Но я прощаю тебя*, – сказал голос. – *Да, ты можешь называть меня Микки.* – Из шкафа донеслись потусторонний скрежет и глухие удары, спичечный коробок задрезжал. Руки и ноги Фина находились теперь в постоянном конвульсивном движении, так что его спутники с трудом сохраняли круг неразрывным.

За Микки последовали другие духи: двоюродный брат Юлия Цезаря, президент Миллард Филлмор, дублерша Теды Бары, индеец по имени Беспокойно Спящий, который утверждал, что является налоговым адвокатом Сидящего Быка. Все говорили таким же хриплым голосом (хрипота, по словам мисс псевдо-Бара, закрыла ей доступ в звуковое кино).

Ближе к концу спокойное течение сеанса нарушилось из-за того, что несколько духов, казалось, начали вести борьбу за контроль над ним.

– *Есть ли здесь кто-нибудь по имени Альфред Лорд Теннисон? У меня сообщение от его портного...*

– *Убирайся вон из эфира, ты. Мы пытаемся провести серьезный сеанс. Это говорит Уинстон Черчилль.*

47 Имеется в виду мусорный бачок с крышкой, которая поднимается нажатием педали ногой.

– Не обращайтесь внимания на этих докучливых духов, ребята. Они получили дурное воспитание. Но серьезно, дамы и господа, я сегодня гулял по кладбищу...

– ПРОВАЛИВАЙТЕ ИЗ ЭФИРА. ВЫ, ОБА. Я ЗДЕСЬ КОМАНДУЮ.

– Ты? Ты не можешь командовать доской.

– ...и вокруг не было ни души. Нет, серьезно, самое забавное случилось со мной по дороге сюда сегодня вечером. Этот опустившийся дух остановил меня и сказал: «Извините, сэр. Могу я побеспокоить вас по поводу цены на чашечку чая?»

– Отойди от микрофона, понял?

– САМ ОТОЙДИ! – Из шкафа донеслось страшное буханье.

– Ладно, может быть, я и не Уинстон Черчилль, но я довольно хорошо изображал его, когда был...

– Итак, я повел его в кафе...

– ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

– ДАЙ МНЕ СЮДА ЧЕРТОВ МИКРОФОН ПОКА Я НЕ РЕИНКАРНИРОВАЛ ТЕБЯ.

– «Это наш самый темный час...»

– ...и показал меню. Чай, четыре пенса. Нет, серьезно...

– ВНИМАНИЕ! Я ЗАХВАТИЛ КОНТРОЛЬ НАД ЭТИМ СЕАНСОМ ВО ИМЯ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЭТЕРИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЮТ МЕРТВЫЕ!

Тревожные звуки из шкафа возросли до крещендо, затем оборвались. После короткой паузы заседающие поняли, что все это время в комнате левитировал слон: теперь животное потеряло свою силу и рухнуло на пол.

Рука Бикера тряслась, когда он включал свет.

– Я вас напугал? – раздался голос Фина. – Прошу прощения.

Платяной шкаф, который пришлось передвигать двум мужчинам, опрокинулся назад.

– Я все объясню через минуту. Но в данный момент я слышу спиритический стук от соседей снизу. Мне лучше

спуститься и извиниться, и, возможно, чтобы загладить вину, придется еще подмести штукатурку.

Миссис Доусон, которая оставалась совершенно спокойной, когда шкаф упал на пол, вдруг заметно разволновалась.

– О, я надеюсь, до этого не дойдет, – засуетилась она. – Штукатурка очень дорогая. Лучше скажите им, что я что-то уронила... скажите им, что я уронила поднос.

Пока они ждали, Бикер порылся в содержимом шкафа. Гигантский леденец на палочке треснул, но прозрачная обертка была цела. Он перевернул его и увидел сообщение, написанное чернилами прямо на поверхности конфеты:

«С ТЕБЯ ПЯТЬ ФУНТОВ».

Фин вернулся, налил еще бренди и сел объяснять.

– Изюминка уэббовской техники давно уже не изюминка. Эвсапия Палладино использовала этот трюк в викторианские времена, а Марджери Крэндон – в двадцатые годы.

Помните, как я старался вырваться? Я максимально, как только мог, осложнил для себя эту задачу, возложив на вас контроль за моими руками и ногами. Но на самом деле все эти дерганья руками служили для того, чтобы отвлечь вас, пока я... Однако позвольте мне продемонстрировать.

Он вернул шкафу со столиком внутри вертикальное положение и занял свое место среди остальных, как и раньше, сомкнув круг. На этот раз они могли видеть, как сдвинулась импровизированная занавеска, когда столик внутри задребезжал и загрохотал. Но они также увидели, как нога Фина тянется к шкафу.

– Видите, ботинки без шнурков. Будучи не обнаруженными, домашние туфли мисс Уэбб легко сбрасываются. И то, что вы держите меня за руки для усложнения задачи, наоборот, ее значительно упрощает. Я готов к любому движению ногой.

Естественно, я не так ловок, как миссис Уэбб или великая Эвсапия. Они могут пихнуть ногой прямо себе за спи-

ну, в то время как мне пришлось немного схитрить, построив шкаф сбоку.

– Значит, это все? – спросил Бикер. – Вы коснулись стопой струн укулеле и толкнули спичечный коробок пальцами ноги?

– Правильно. Я верю, что миссис Уэбб действительно может подцепить колокольчик пальцами ноги и позвонить в него, но это плоды упорных тренировок.

Миссис Доусон выглядела озадаченной.

– Но как вы уронили шкаф? Вы не могли его опрокинуть, я держала вас за руку.

– В то время – да. Но раньше я отдернул от вас руку, помните? Это трюк Марджери Крэндон: я на секунду высвободил руку, толкнул шкаф, чтобы он наклонился, и подсунул под него ногу. Позже, когда я был готов, мне оставалось лишь приподнять ее.

– Но шкаф такой тяжелый!

– Да, и в этом особенное достоинство платяных шкафов. Тяжелые, но высокие. Как только они немного приподняты, их легко перевернуть.

– Что с этим? – спросил Бикер, поднимая леденец. – Только не говорите мне, что сняли с него обертку и сделали надпись *в темноте пальцами ноги*?

– Надпись? – переспросил сыщик. – Он взял «доску для вызова духов» и показал им, что обе стороны были пустыми. – Какую надпись? – Затем он передал доску Бикеру, который, естественно, перевернул ее, чтобы обнаружить надпись нетруной.

Старый жучила запрокинул голову к потолку, моля небеса о снисхождении.

– Кхе! Я должен был догадаться – детский трюк! Вы держали ее так, чтобы была видна пустая сторона, и когда вы сделали вращательное движение рукой, чтобы показать нам другую сторону, вы незаметно повернули ручку на пол-

оборота. – Он продемонстрировал, каким образом у леденца «появилась» надпись на *обеих* сторонах. – Я знаю об этом трюке с десяти лет. Что ж, думаю, это стоит пятерки.

Он тут же расплатился, погасив долговое обязательство.

– Я поставлю кофе, – сказала миссис Доусон. – Фин собрался было в пику этому заметить, что она гостья, но Бикер послал ему хмурый взгляд.

После того, как женщина вышла, мошенник произнес:

– Я тут повыуживал вокруг о ваших здешних приятелях. Улов знатный.

– Так?

– Как звать эту девочку? Ту, сексуальную?

– Нэнси. Она была девушкой Стива Сонди.

– И не только, как я слышал. Вам нужно присмотреться к ней. Мне сказали, что в прошлом году она была беременна, и никто не знал, кто этот счастливчик.

– Викарий, еще одна подходящая фигура. Говорят, он разглагольствует о святости и ведет себя так, будто слишком хорош, чтобы стать архиепископом Кентерберийским, и все это время он размышляет о миссис Уэбб. Я слышал, он ревностно следит за каждым поступающим пенни. Тоже стоящий внимания объект.

– Есть кто-нибудь еще, к кому я должен присмотреться?

– О да. Придурук из королевских ВВС, как его имя? Данк. Говорят, из ВВС он вылетел в пятьдесят шестом. Или его «вылетели».

– По причине?..

– Не знаю. Но это было на Ближнем Востоке. Кажется, в Египте. Я полагаю, тут либо вмешательство в местные дела, либо нелегальная торговля.

– Вот это уже интересно, – сказал Фин. – Египет – страна скарабеев-талисманов. Черт, мне интересно, «не вмешался» ли он в дела Дэйва Лодердейла?

Было уже поздно, когда Фин вернулся в дом этерианцев, – миссис Уэбб как раз начинала очередной сеанс. Очевидно, бизнес шел столь успешно, что она могла проводить по два заседания за вечер. Фин присоединился к кругу, чтобы посмотреть, как она хвастается перед новыми рекрутами своим свежайшим приобретением: душой Брюса Данка.

Перформанс был предсказуемым, но Фин проявил профессиональный интерес к тонкостям ее техники. Он понимал, каким убогим выглядело его собственное шоу по сравнению с этим представлением: зеленый змий был ему в помощь. Сейчас, держа миссис Уэбб за руку, он пытался через нее уловить определенные движения, когда она наклонилась вперед, чтобы выбросить ногу себе за спину. Он боролся с искушением отшвырнуть пустую туфлю медиума и все испортить (это снова заговорил зеленый змий), но призвал себя выслушать урок по «плетению небылиц».

После Стива и вождя Грозовой Гром в разговор вступил Морис, провозглашая наступление новой эры. Бедные унаследуют землю, и некоторые Выдающиеся Личности будут управлять нами так, как нами должно управлять. Странные вещи, происходившие в последнее время, и трагический уход Стива, Дока и мистера Данка – все это было частью Большого Плана, который вскоре будет раскрыт в этой самой комнате.

В конце на связь вышел Брюс Данк.

– Я очень счастлив здесь, – сообщил он. – Не беспокойтесь обо мне, друзья. Я бесконечно, безмерно счастлив, и я с теми, кого люблю. Конечно, я скучаю по всем вам, и это чудесно – разговаривать с вами так, будто я снова оказался среди вас, но здесь такой покой и красота, везде, повсюду...

Раздался звонок в дверь, сопровождаемый громким стуком. Эрнестина включила свет и спустилась вниз, чтобы открыть, в то время как миссис Уэбб, трепеща веками и

отдуваясь после выхождения из транса, переключилась на беседу с новобранцами. Фин вышел из комнаты и поднялся вверх по лестнице, чтобы посмотреть вниз.

Полицейский доставил призрак Данка домой. Не щеголеватого Данка прежних времен, а плачущее, испачканное грязью, лепечущее существо, узнаваемое только по данковскому блейзеру. Даже он пострадал – был разорван в плече.

– Тысяча благодарностей, констебль, тысяча... – лепетал Данк. – Вы поступили очень благородно, я уверен. Никогда еще не был так чертовски ничтожен во всем... да, спасибо. Приятно, что вы заботитесь. Как будто кому-то есть до этого дело... Я хочу поблагодарить вас... – А слезы все катились и катились по грязи и щетине.

– Уложите его в постель, – сказал констебль.

– С ним все в порядке? – Эрнестина подхватила Данка, когда констебль отпустил его.

– Да, мы попросили полицейского медика осмотреть его. Ничего серьезного – полагаю, нужны всего лишь крепкий сон и горячая ванна. И постарайтесь в будущем удержать его от выпивки, мисс. Еще один подобный перегруз, и нам придется возвращать его домой через магистрат. Спокойной ночи, мисс.

Фин позвал профессора, и они вместе потащили Данка наверх, в постель.

– Я очень счастлив здесь, – передразнил Хакель. – Точно, мистер Данк? Точно-точно... Господи! Даже свой слуховой аппарат пропил.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НЭНСИ ИДЕТ НА СВИДАНИЕ

К утру действие эликсира доктора Джекила закончилось, и возрожденный мистер Данк, пританцовывая, вбежал в гостиную, чтобы принести свои извинения. Гладко выбритый и жизнерадостный, в свежем блейзере и с запасным слуховым аппаратом, с волосами, вновь щегольски зачесанными назад, этот исправившийся персонаж зашел в своем воскрешении так далеко, что нацепил бутоньерку. Крошечная красная роза, из букета на столике в прихожей, нисколько не завяла; она все еще была почти такого же цвета, как его глаза.

– Мне ужасно стыдно за прошлый вечер, старина, – обратился он к Фину. – Не знаю, как сказать, простите ли вы меня, но...

– Всё в порядке, не переживайте.

– Да не совсем. По крайней мере, со мной. Не знаю, что на меня нахлынуло – наверное, какие-то болезненные страхи. Я не трясусь насчет смерти, заметьте, но это немного шокирует, когда двое твоих братьев-этерианцев уходят так, в один день.

– Понимаю.

– Однако теперь я заново обрел крылья. С этого дня я завязываю, напрочь. Я многому научился с тех пор, как приехал сюда, – чувствую прилив новой энергии. Знаете, древние были правы.

– Древние?

– Нострадамус, к примеру. И Платон. Вот *это* был умище! Платон говорил, что на Атлантиде было идеальное обще-

ство. Свое место для каждого человека, и каждый человек на своем месте. Там было многое, о чем можно поговорить в наши дни, знаете ли. И древние понимали, что нельзя спрятаться от мира в бутылку с джином, нет?

Фин кивнул. На его лице появилось выражение заинтересованности, и он приготовился к предстоящей лекции.

– Вы правы.

– Они знали, я имею в виду, Платон знал, что вся эта так называемая реальность всего лишь тень, старина. *Тень...*

Через несколько минут лекция сама собой перешла к жизнеописанию Данка.

– Пришлось уйти из королевской авиации, – объяснил он. – Надо мной сгустились тучи.

Мысли Фина блуждали: авиация, тучи. Он видел тучи и самолеты, самолеты, рокочущие, как грозовые тучи, аэропланы Первой мировой войны, прячущиеся в тучах, целые военно-воздушные эскадрильи, летящие в условиях низкой облачности, приземлившиеся и брошенные... Он пропустил следующие слова Данка.

– ...потому что нужно было все это кому-то расхлебывать. А я был самым молодым. Скверная история. Лучше было бы мне не соваться в это дерьмо. В конце концов, какой у меня был резон воровать с этих чертовых складов? Не то чтобы я нуждался в деньгах. Всегда имел приличный доход. Вернее, имела моя жена.

Как-то обнаружил, что нигде не могу найти работу. Никакой квалификации, совсем. Начал выпивать; пил так, что выпивка шла больше во вред, чем на пользу. Предположим, мне было ненавистно жить на деньги Майры, – не то чтобы она была стеснена в средствах, нет, – и постепенно я начал ненавидеть саму Майру. Как бы то ни было, старина, меня довольно сильно подкосило, когда она умерла. Видите ли, мы жили в Девоне. Внезапно я остался один, один-одинешенек, впервые в своей жизни. В доме, который я ненавидел. Без единого друга.

Хм. Осмелюсь предположить, что все это звучит как самооправдание. В конце концов благодаря Майре я остался на плаву. Я унаследовал все. Все, кроме... – Данк внезапно прервался; казалось, глаза его искали стакан, как ищут убежища.

– Кроме?..

– Кроме машины. Она оставила ее своему племяннику, просто в качестве багородного жеста. Я так понимаю, он восхищался ей или что-то в этом роде, примерно в то время, когда она составляла завещание.

Но, знаете, под парами джиновой лихорадки я начал размышлять об этой машине, пока не убедил себя, что она сделала это мне назло. Это было ак... актом предательства, понимаете?

Привез ее в Лондон, чтобы похоронить в семейном склепе, и встретил племянника на похоронах. Не нужно говорить вам, какой я оказался свиньей. Закатил скандал, настроил всех родственников против себя. Так что, старина, я действительно тогда был один как перст. Вернулся в Девон и – целый месяц без просыха. Однажды пытался покончить с собой.

И вот как-то утром я бросил воспаленный взгляд на письмо от миссис Уэбб. Поначалу, конечно, все это показалось мне чепухой. Общество Эфирной Мандалы, их цели духовного перерождения и все такое. Но в последней части было нечто, что произвело на меня впечатление. Миссис Уэбб сообщала, что получила послание от Майры. В нем говорилось: «Брюс, с Ровером никаких проблем, я прощаю». Только это. Просто «Брюс, с Ровером никаких проблем, я прощаю». Меня это потрясло, скажу я вам.

– Но почему? – спросил Фин. – У вас была собака?..

– Нет-нет. «Ровером» был *ее* Ровер. Ее машина! Она прощала меня за все, понимаете? Я опустился, коснулся дна, и вот приходит послание надежды и прощения. Я решил немедленно подать сигнал. И я никогда не оглядывался назад.

Вспомнив о своем недавнем конфузе, он добавил:

– О, время от времени я берусь за старое, но теперь я получил реальную основу для своей жизни. Утвержденную на непоколебимом фундаменте вечности – это Брюс Данк.

– Невероятно! – сказал Фин. – Я имею в виду послание.

– Хотя это правда. И оно привело меня сюда, и я ни на минуту не пожалел об этом. Наконец-то нашел время освежить в памяти знания по философии, прочитать подлинно великих умов: Платона, Ницше, Нострадамуса и так далее. Ведь у нас здесь чудесная библиотека, нет? Я говорил вам, что Нострадамус сказал про Общий рынок⁴⁸?

– Ах! Как вовремя вы вспомнили про библиотеку – я кое-что хотел там проверить. – Фин извинился и действительно отправился в библиотеку, пока Данк не озаботился поиском дневной заправки на стороне.

В библиотеке он наткнулся на Эрнестину, занимающуюся каллистикой⁴⁹. Она стояла, расставив ноги примерно на пол-ярда, руки по швам, и неуклюже раскачивалась из стороны в сторону.

– Я не помешал?

– Упражнение для глаз, – объяснила она, не прерывая занятия. – Я делаю его каждый день, пришлось только несколько дней пропустить из-за... всего. Я приступила к упражнениям полгода назад, и теперь мое зрение пришло в норму, без них. Без очков, то есть. Вон книга на столе.

Фин взял книгу под названием «Хорошее зрение без очков» и открыл ее на фотографии девушки в костюме двадцатых годов, улыбающейся и выполняющей то же упражнение, которое называлось «покачивание». На других сним-

48 Соглашение об общем рынке было подписано шестью странами Европы (Западной Германией, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом) в Риме в 1957 году (Римский договор). Общий рынок в Европе возник на основе положительного опыта работы Европейского объединения угля и стали.

49 Система тренировок с использованием веса собственного тела с минимальным набором специального снаряжения или вовсе без него.

ках та же самая кокетка закатывала глаза (в сторону выщипанных бровей и светлых локонов) или пристально смотрела на собственный указательный палец. Это, подумал он, вероятно, объясняет, почему никто не носил очки после двадцатых.

Вслух он произнес:

– Поскольку вы занимаетесь, я быстро возьму нужную книгу и мышкой выскользну.

– Подождите. Мне все равно нужно с вами поговорить, и миссис Уэбб тоже. Я закончу через несколько минут.

Фин сел и прочитал все о системе естественных методов лечения зрения. Насколько он мог понять, в книге, казалось, утверждалось, что основными причинами всех дефектов зрения являются напряжение глаз и почему-то запор. Настоятельно рекомендовались клизмы и чтение в тряских вагонах, как универсальное лекарство от всех типов заболеваний глаз, от перенапряжения глазных мышц до катаракты.

– Теперь все. Я закончила. Не могли бы мы с вами подняться наверх, в кабинет?

Они застали миссис Уэбб предающейся воспоминаниям. Она сидела, упершись переносицей в сцепленные кисти рук. Подсвеченные солнцем сзади, вьющиеся завитки волос напоминали ореол. *Спокойствие* – говорила ее поза. *Хепри, скарабей, пребывает в своем раю* (только что откатил пылающий навозный шар в положение десяти часов утра). *С миром полный порядок*. Нарушали картину только звук захлопнувшегося ящика стола, когда они вошли, и стойкий запах сигаретного дыма.

– Садитесь, мистер Фин. Сегодня мы предлагаем вам ключ к вечному покою и блаженству.

– О?

– Этот ключ – Любящее Доверие. Я предупреждала вас, когда вы проходили обряд посвящения, что ваше членство будет предварительным. Другими словами, вы нахо-

дились на испытательном сроке. Но теперь испытательный срок закончился, и вам предоставляется возможность связать свою душу с нашей, *навсегда*. Скажите: теперь, когда вы узнали наше общество и живете с нами – то ли это, чего вы хотели?

Пригвожденный темным лучом ее пристального взгляда, Фин едва ли знал что ответить.

– И что же влечет за собой связывание душ?

Она подняла лист бумаги, не глядя на него.

– Эта форма – декларация любящего доверия. В конце концов, любовь – это не что иное, как жертва. И в глазах привязанных к земле эта декларация может представлять собой некую великую жертву. Но мы знаем, что, подписывая ее, вы обмениваете нечто не имеющее реальной ценности на нечто бесконечно ценное. Вы даете нам сумму денег, необходимую для выполнения нашей предопределенной миссии на земле, и обретаєте полноправное членство в братстве Высшей Универсальности. Вы понимаете?

– Да. Вы имеете в виду членские взносы. Вы хотите, чтобы я дал...

– Дать? Разве я сказала «дать»? Нет, я должна была сказать «*одолжить*». Вы одолжите нам земные деньги, но в Высшей Универсальности вам не придется даже давать займы. Потому что, вы, я и Эрнестина – все мы – владеем *всем*. Мы принадлежим друг другу, мистер Фин. Деньги, которые вы нам жертвуете, на самом деле не ваши, так как вы пришли в этот мир не с ними. Но в то же время они *суть* ваши, в том смысле, что все, что существует, *суть* ваша собственность. В конечном счете, мы ничего не оставляем себе, но получаем всё. Мы не владеем даже собственными душами, которые принадлежат Богу. Тем не менее, поскольку Бог внутри в нас и из нас, всех нас, мы владеем всей видимой и невидимой вселенной. Это проясняет ситуацию?

– Всеобъемлюще проясняет. – Он должен был что-то ответить. – И в то же время...

– Наши души охватывают Все и Вся, – вмешалась Эрнестина. – Понимаете, деньги – это всего лишь жалкий земной символ связующей силы эфирно-атомной заполненности. – Это звучало как цитата из книги, и, если вдуматься, цитата из книги, написанной миссис Уэбб.

Он взял «декларацию» и изучил ее. Несмотря на громкое название, это был всего лишь полужуридический документ, обязывающий его выплачивать Обществу более половины своего пожизненного дохода и составить завещание, согласно которому все его движимое и недвижимое имущество отходит Обществу, а указанные суммы будут переведены на имя миссис Виолы Уэбб.

– С юридической точки зрения в этом нет особого смысла, – заметил он. – Я мог бы полностью проигнорировать дарительные взносы, а новое завещание, как вам известно, отменит все предыдущие.

– Любящее доверие, – сказала миссис Уэбб, – работает в обоих направлениях. Вам вообще необязательно это подписывать. Или вы могли бы взять это с собой, перечитать, обдумать и изменить в любой момент, если вообще такой момент настанет. Мы не настаиваем, чтобы вы безоговорочно подписывали декларацию, пока не будете уверены.

С другой стороны, подумалось ему, это именно тот квазиправовой документ, который будет представлен в суде, если он умрет, не оставив завещания. А большинство людей, которые внезапно умирают, не оставляют завещаний.

Он подписал документ, и Эрнестина засвидетельствовала его подпись.

За обедом Нэнси была, как обычно, не в духе. Она поновому распределила порции еды на своей тарелке, проигнорировала великолепное разъяснение Стоуни о роли космических сил в лозоходстве и передала солонку с морской солью только с третьего раза. Позже, когда ей захотелось «подышать свежим воздухом», Фин решил проследить за ней.

Слэжка – это игровое поле частных детективов, сыщиков, шпииков и филёров. Фина возмущала необходимость делать это в принципе, он знал, что абсолютно не подходит для такой работы. Рост более шести футов мешал ему раствориться в толпе. У него не было ни шляпы с короткими полями, чтобы низко надвинуть ее на глаза, ни плаща с воротником, скрывающим лицо.

Он не любил стоять часами, делая вид, будто читает газету, потому что у него либо начинало сводить ноги, либо его по-настоящему затягивало то, что он читал (дюжина подозреваемых могла пройти мимо или даже натолкнуться на него, пока он узнавал о предполагаемой свадьбе футбольной звезды, посвящении в рыцари диск-жокея или спасении в горах отважного, угодившего в снежный плен, рэт-терьера). Он так и не нашел подходящей по размеру витрины магазина там, где она мало-мальски могла послужить зеркалом. Наконец ему никогда не удавалось выдать из себя фразу «Следуйте за тем такси».

Сегодня был день жертв. Он помчался к себе в комнату, где его ждала заранее припасенная маскировка: плащ в клетку «глен» и в пару к нему шляпа (заправить под нее волосы, чтобы казались короче), пустой футляр для фотоаппарата и очки в массивной темной оправе с простыми стеклами. Куда бы в Лондоне ни отправилась Нэнси, рассуждал он, там обязательно будут толпы американских туристов.

Он сбежал вниз и выскочил из дома. Нэнси нигде не было видно.

«Она не могла далеко уйти, – подумал он. – Может, свернула за угол?» Он бросился к углу и посмотрел в обе стороны на длинную, свободную от пешеходов, улицу. Обернувшись, он увидел, что Нэнси только что вышла из дома.

Не слишком многообещающее начало. Фин отвернулся, притворившись, что фотографирует дом напротив. Нэнси неторопливо пошла в противоположную сторону, не оглядываясь. Сыщик поплелся следом, все еще возясь со своей

воображаемой камерой. К счастью, пальто из ярко-красно-оранжевой замши делало ее достаточно заметной.

Миновав несколько перекрестков, они подошли к Лэдбрук-Гроув. Здесь ее темп ускорился, и, с Финном, все еще следовавшем по пятам в двадцати футах, она остановила такси.

– А, была-не была, – пробормотал он и метнулся на угол. Как в любом хорошем детективе, там стояло второе такси с работающим на холостом ходу мотором.

– Следуйте за тем такси, – приказал он, вкладывая в руку водителя новую пятифунтовую банкноту. – Нет, не за этим. Вон за тем, которое поворачивает.

– На отдых к нам, сэр? – спросил водитель, медленно трогая такси с места.

– Да, я... да, я здесь в отпуске.

– Сэр – янки, не так ли? Или канадец? – Они ехали следом, но такси Нэнси скрылось из виду за поворотом.

– Американец. Э-э, вы не могли бы держаться за этим такси так, чтобы его было видно?

– Для вас *все что угодно*, приятель. – Таксист как минимум не отказал себе в удовольствии.

Они догнали Нэнси у Ноттинг-Хилл Гейт, где она расплатилась с водителем и прошмыгнула на станцию метро. Фин был в ярде позади нее, когда она проходила через турникет мимо улыбающегося билетного контролера.

Как только она прошла, контролер перестал улыбаться и приготовился клацнуть своим компостером.

– Билет, пожалуйста!

Это выглядело безнадежно. Фин знал, что у него нет мелочи на билетный автомат, а у окошка кассы ждали своей очереди самое малое человек десять. Хорошо, что на свете существует туризм.

Фин шагнул к кассе и встал в начало очереди. У мужчины позади него отвисла челюсть, но турист игнорировал всех.

– Сорри, – громко и нарочито не по-лондонски сказал иностранец. – Мне нужен один билет туда до Чаринг-Кросс-Стейшн.

Он получил свой билет. Теперь было бы справедливо вернуть долг клиенту, пустившему его вперед. Фин спросил у него дорогу.

– Чаринг-Кросс? – просветлел лицом мужчина. – Спокойно садитесь на любой поезд, на котором будет написано «Илинг Бродвей».

Нэнси все еще стояла на платформе, ожидая поезда Центральной линии, следующего в восточном направлении. Сыщик повернулся спиной и играл с шоколадным автоматом, пока не подошел их поезд.

Где-то на платформе или в поезде Нэнси, должно быть, заметила его, потому что теперь слежка превратилась в погоню. Она вышла на Бонд-стрит и села в автобус. Фину пришлось гнаться за ним до светофора, чтобы войти, а затем с верхней ступеньки лесенки он разглядел, как она спешит назад по улице. Она села на другой автобус до Оксфорд-серкус, и ему пришлось ловить такси. Девушка вошла в один вход станции метро и вышла из другого; она сняла пальто и несла его так, чтобы была видна только голубая подкладка; она заглянула в дельфинарий на десять секунд, после чего указала на Фина полицейскому.

Турист не на шутку увлекся игрой и был не далек от катастрофы. Не сводя глаз с Нэнси, он объяснил констеблю, что, черт возьми, он просто хотел сфотографировать симпатичную девушку, и черта с два он хоть что-то имел против нее...

Нэнси совершила свой последний и блистательный маневр⁵⁰ на Саутгемптон-Роу. Пока такси обоих тащились в плотном потоке машин, она приказала водителю остановиться, но не вышла. Такси Фина остановилось сразу за

50 Маневр (фр.)

ними, припарковавшись рядом с небольшой боковой пешеходной улочкой. Преследуемые ждали.

– Извините, но я должен выезжать на правую, – сказал водитель Фи́на. – Еще минута, и меня прижмут.

В этот момент Нэнси выскочила из машины и побежала по переулку. Фин бросился следом. Он не понимал ее плана, пока они не достигли конца улочки, а потом было уже слишком поздно.

Короткая пешеходная улочка перерезала две главные улицы, которые, пересекаясь, образовывали треугольник. Водитель Нэнси, следуя ее указаниям, дождался зеленого сигнала и поехал к пересечению. Пока она перебежала из пункта А в пункт В, такси объехало пункт А и через пункт С вернулось в пункт В. Там водитель подобрал ее и, не оставившаяся, ударил по газам. К тому времени, как Фин добрался до пункта В, машины с Нэнси и след простыл.

Для человека, который только что потратил более одиннадцати фунтов, чтобы в конечном итоге растерянно топтаться в Холборне в дурацкой экипировке, он довольно легко воспринял эту неудачу.

– По крайней мере, я знаю, что она отправилась не на прогулку, – без всякого смысла проговорил он, запихивая шляпу и очки в футляр для фотоаппарата. – Что бы она ни задумала, она осторожна. Так, а это что такое?

В книжном магазине меняли витрину. Убирали «Кухню, которую одобрил бы Пикассо», «Сексуальную самооборону» и «Дантиста фюрера». На смену им шел громадный стенд, составленный из десятков экземпляров одной книги. «И все-таки Голос» Виолы Уэбб.

В библиотеке этерианцев книга обязательно должна была присутствовать, но Фин все же решил купить ее. Он вышел с ней и ее предшественницей, «Незримые свидетели», чувствуя, что это была не такая уж напрасная поездка.

Он распаковал их в автобусе и взглянул на биографию на обороте предыдущей книги:

«Родившаяся в 1919 году, миссис Виола Уэбб... ранняя трагедия... подлинные чудеса... кинозвезды свидетельствуют... ученые бьются...»

Открыв наугад страницу, он прочитал:

Следующий этап моей жизни характеризовался серьезными сомнениями относительно смысла и цели этих присутствий, которые доктор Боген продолжал уверенно квалифицировать как автоиндуцированные галлюцинации. В отличие от Святой Иоанны, я начала сомневаться. Были ли мои чувственные образы просто порождениями моих собственных глубинных слоев памяти, искаженных слишком недавней дискарнацией Мориса, или это были испытания, посланные мне как индивидууму, достигшему сверхчувствительности, необходимой для восприятия аурических нарушений, и происходящие из сияющих высших слоев небесного потока? Вот в чем был вопрос.

Фин закрыл книгу и задался собственными вопросами: откуда взялся скарабей? Куда он делся? Откуда мог взяться такой предмет? Египет. Музей. Частная коллекция. Торговец египетскими древностями.

Он вышел из автобуса на следующей остановке, отыскал адрес в телефонной книге и взял такси до Южного Кенсингтона.

– Это Ригг-стрит, сэра. Какой там был номер?

– Я забыл. Но это короткая улица. Просто поищите антикварный магазин. – Пока Фин говорил, он увидел магазин. Ветхое кресло эпохи Регентства в витрине и витиеватые буквы на полотняном навесе «ПРИВЕТ, СТАРИНА!» означали, что так причудливо встречать могли только Форстеры.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОЛУНОЧНОЕ ОТКРЫТИЕ

– Мистер Фин! Теккерей! Я не знал, что вы интересуетесь стариной, – сказал Алан Форстер. – Смотрите, что вам по вкусу? Я имею в виду, осматривайтесь. Не торопитесь.

Взгляд Фина, не найдя на чем бы остановиться, скользил от стен к потолку, от полок к стенам, неспешно исследуя лишенное всякой системы пространство. Выглядело это так, словно какой-то циклонический вихрь высосал все содержимое дюжины викторианских чердаков, отсеял наиболее ценное, а все остальное: каждый образец вышивки, перьевой картинке, воскового цветка и тарелки для торта – отдал на хранение в этот пыльный депозитарий. Чучело орла все еще парило над головой среди каретных фонарей; груда журнальных, обеденных и других неизвестного назначения столиков для гостиных приземлилась в углу за окочанной медью маслобойкой. В другом месте он заметил аптекарские банки, коллекцию яиц и волшебный фонарь; без сомнения там были потайные ящики, полные резьбы по слоновой кости, кружевных подголовников, крючков для застегивания пуговиц, видов Брайтонского павильона, выполненных из морских раковин, и всего прочего, изобретенного викторианцами, дабы скоротать полвека колоссальной скуки.

– Подлинная викториана, – добавил Алан.

– Я уверен в этом, – сказал Фин. – Только, боюсь, клиент я никудышный. Всего лишь случайно оказался по соседству и решил заглянуть. Однако не позволяйте мне занимать *ваше* время. Вы, должно быть, что-то реставрируете.

– Как вы... О, запах. – Сладостный запах спелых бананов, источаемый шеллаком, был невыносим. – Пройдемте в подсобку, мы можем поговорить, пока я работаю. Джейн? Смотри кто здесь.

– Привет, – поздоровалась она, не поднимая глаз. Она сидела за небольшим полуразобраным столиком в углу и составляла гороскоп. Остальная часть тесного подсобного помещения была заполнена неказистой мебелью на разных стадиях сборки и реставрации. – Проходите оба сюда и поболтайте. Я как раз заканчиваю с натальной картой⁵¹ для своего друга.

Казалось, сесть было негде, и Фин пристроился на край стола, за которым работала Джейн. Алан вернулся к лакировке.

– Миссис Уэбб говорит, что вы детектив-экстрасенс, – проронил он через плечо. – Это правда?

– Где-то наполовину. Я детектив, но не уверен, что экстрасенс.

Джейн подняла глаза.

– Вы не верите в психические вибрации? – спросила она недоброжелательно и была готова встретить недоброжелательность.

– Вы всегда способны распознать неверящего, не правда ли? Могу также предложить такую интерпретацию: «Нет. Я подозреваю...»

– «...вас в колдовстве или в чем-то таком»?

– Нет, я подозреваю, что *совсем немного есть на небе и земле, чего премудрости моей не снилось.*

– Это звучит чертовски высокомерно.

– Полагаю, что так, но ничего не могу с этим поделать.

Алан взмахнул кистью.

– Но вы должны признать, что есть некоторые тайны, которые человек никогда не разгадает, – то, что неподвластно человеческому разуму.

51 Гороскоп, составляемый по дате рождения.

Фин взял со стола книгу и пролистал страницы с эфемеридами⁵², показывающими положение планеты Марс с 1890 по 1990 год.

– Вы имеете в виду, например, тайны астрологии?

– Да, именно их. – Джейн почувствовала себя триумфатором. – Никакая ваша наука не может объяснить влияние планет и никогда не сможет!

– Я не претендую на понимание планетарных влияний, если таковые имеются. Я оставляю все подобные загадки на усмотрение человеческого разума астролога. То есть, если действительно существуют тайны, недоступные человеческому пониманию, зачем пытаться постичь их?

Его невежество вызвало у них улыбку. Алан сказал:

– Вы, наверное, не очень хорошо разбираетесь в астрологии? Держу пари, вы не знали, что мы согласовываем все наши важные решения со звездами, не так ли?

Сыщик решил пойти на мировую.

– Правда? Хм. Я знаю, что это очень древняя наука. Восходит, по крайней мере, к египтянам.

Казалось, они с легкостью помиловали его.

– Да, – сказала Джейн. – У древних было много тайн и наук, которые мы только сейчас начинаем понимать.

– Именно. – Алан отложил кисть и вытер руки. – Только сейчас выяснили, что Стоунхендж был компьютером, а Великая пирамида являлась своего рода машиной времени.

– Да, и что в Южной Америке есть аэродром древних цивилизаций.

Фин кивнул.

– Тем не менее то, что мы всё это выяснили, кое-что говорит о современности. Все равно удивительно. Я полагаю, что тогда древним египтянам не составило бы большого труда наложить проклятие на этого скарабея. – Он наблюдал за реакцией – тщетно.

52 Таблицы с координатами небесных тел и астрономических объектов, вычисленных через равные промежутки времени.

– Об этом-то и речь! – сказал Алан. – Какие еще доказательства нам нужны, чтобы признать превосходство их науки?

Джейн согласилась.

– Они находились в прямом контакте с элементами⁵³. Основными силами Вселенной. Энергия, которая превращает звезды и множество мертвых химикалий в живое, одухотворенное существо.

Кивок и задумчивый взгляд говорили, что Фин все это понимает.

– Могу ли я утверждать, что никакие древнеегипетские артефакты никогда не попадались на вашем пути?

Алан рассмеялся.

– Даже если бы попадались, мы все равно не смогли бы себе этого позволить, Теккерей. Понимаете, все это так или иначе бьет по бюджету. Мы, слава богу, зарабатываем пять тысяч в год, остальные же деньги вложены в основном в акции. В любом случае, чтобы оценить египетские вещи, нужен настоящий специалист. В стране есть только несколько дилеров, которые плотно занимаются этой темой. И Британский музей, разумеется.

Фин снова попытался уловить реакцию.

– Вот что меня беспокоит. Ясно, что Дэйв Лодердейл должен был где-то достать этого скарабея. Сомневаюсь, что он поехал в Египет и раскопал его там. Так где же он его раскопал? И у кого?

Джейн привела в порядок гороскоп и пожевала карандаш.

– Если хотите знать мое мнение, он возник из этерума. Другими словами, из *ничего*. И я думаю, что туда он и вернулся.

– То есть он не был материальным, вы имеете виду? Драгоценность-призрак?

53 Элементаль (иногда *стихиаль* или *дух стихии*) – в средневековой натурфилософии, оккультизме и алхимии считалось мифическим существом (обычно дух, ангел), соответствующим одной из четырёх стихий: воздуха, земли, огня и воды.

– Как один из вариантов, – ответил Алан. – Эктоплазменный макет настоящего скарабея, который, вероятно, все еще находится в египетской гробнице. Но мы предпочитаем называть это «послеобразом»⁵⁴.

– Он мне показался достаточно реальным, – сказал Фин.

– О, безусловно. Они выглядят и представляются настоящими – невозможно сказать, что они не настоящие. Тем не менее они являются послеобразами, символами, помещенными здесь, чтобы напоминать нам.

– Предупредить, – поправила Джейн. – Покажи ему кольцо, Алан.

Он отпер угловой шкаф и достал кольцо из шкатулки.

– Вот что я имею в виду.

Фин осмотрел его.

– Обручальное кольцо начала века. Есть пробирное клеймо, 22-каратное золото. Инициалы Р. У. Ф. Очень красивая гравировка, традиционная для того времени.

– Это точная копия обручального кольца моей матери, – пояснил Алан. – Анализ определил: золото и прочее – все подлинное. Но это не *ее* кольцо, по крайней мере, физически невозможно, чтобы оно было *ее*.

– Не *ее*?

– Это кольцо упало передо мной на стол во время спиритического сеанса этерианцев, на котором мы присутствовали первый раз. Примерно за две недели до этого прошли похороны моей матери, и на ее пальце было обручальное кольцо!

Фин поспешно вернул его обратно.

– Я не думаю, что есть хоть какой-то шанс, что это копия кольца вашей матери. Подделка?

– Нет, оно в точности такое же, как то, даже клеймо.

– Этого я и боялся, – сказал Фин. Форстеры просияли.

54 Послеобраз, или остаточное изображение – изображение, удержанное мозгом и видимое какое-то время после того, как глаз уже не направлен на предмет.

В тот вечер Фин пропустил сеанс и лег в постель с намерением пробиться сквозь джунгли «Незримых свидетелей». Через несколько минут он оставил попытки и переключился на «И все-таки Голос», где миссис Уэбб отказалась от чудовищного аргумента своей предыдущей работы ради простой внятной истории.

Дэйв мог один на несколько дней уехать в такие места как Плимут или Халл, кататься на аттракционах или бродить по деревням, как обычный бродяга. Его поведение дома было столь же непредсказуемым. Неоднократно у нас из комнат пропадали украшения и небольшие суммы денег. И хотя в то время никто из нас не обвинял его, я уверена, что именно Дэйв приложил руку к этим кражам.

Отнюдь не пытаясь скрыть свои проступки, Дэйв, казалось, наслаждался болью, которую он причинял всем нам, демонстративно совершая их. Однажды был найден труп соседской кошки с жестокими увечьями. Дэйв более чем прозрачно намекнул, что ответственность за это лежит на нем. После такого заявления одному из наших ассоциированных членов, мисс Эмили Блейз, стало плохо. Мисс Блейз никогда больше не разговаривала с Дэйвом, ни до, ни после его развоплощения.

Я решила больше не тянуть. Дэйва нужно было срочно изолировать от нашего сообщества. И все же, когда я сказала ему об этом, он заплакал и умолял меня оставить его в «семье», поскольку «вы единственные для меня родные люди». Ряд вопросов к пациенту в конечном итоге выявили тот факт, что в основе всего его извращенного поведения лежала первопричина – наркомания.

Я созвала общее собрание всех полноправных членов и большинства партнеров. Обсудив проблему Дэйва и испросив у Бесконечного Всего совета, мы приняли наше решение: Дэйв остается на испытательный срок, во время которого мы попытаемся избавиться от этого ужасного недуга.

Хотя Дэйв прилагал усилия, чтобы поправиться, наркотики, казалось, взяли верх. Вскоре он вернулся к своему прежнему поведению и добавил новый, злокачественный поворот: теперь, когда мы узнали, что он наркоман, он мог мучить нас этим фактом. Снова и снова он пугал нас свежими следами от уколов, угрожал самоубийством и кичился глубинами, которых достиг в своем падении. Именно тогда я заметила, что Дэйв, казалось, излучал черную ауру – хорошо известный признак неминуемой смерти.

Фин пропустил последующее объяснение цветов аур и еще несколько страниц бессвязных примеров других случаев черных аур, которые видела миссис Уэбб.

В один из январских дней Дэйв вернулся домой с очередной вечеринки с висящим на шее украшением – египетским скарабеем, вырезанным из камня. Он рассказал мне, как бродяга-джипси обманом заставил его принять это. Привожу дословно:

«Он сказал, что у него есть пара старых штиблет, которые ему не нужны, и уговорил меня взять их (на самом деле они мне тоже были не нужны, и позже я выбросил их). Но в тот момент мне в жилу было препираться, поэтому я взял их и примерил. В носке одной штиблетины мой палец уперся во что-то твердое – это был каменный жук. Когда я спросил цыгана, что он там делает, тот рассмеялся и сказал, что на скарабее лежит проклятие. Любой, кто будет им обла-

дать, умрет ужасной смертью, если не успеет передать скарабея кому-то еще».

Многие из нас думали, что это не более чем гипер-активное воображение наркомана. Но поскольку смерть Дэйва была действительно ужасной, это не кажется таким уж неправдоподобным. Мы знаем, что английское «джипси» является производным от слова «египтянин», и по мнению некоторых, тайный язык цыган-джипси на самом деле является древним и герметичным языком жрецов Ра...

Подняв глаза, он увидел Нэнси, стоявшую в дверном проеме.

– Как там след... следствие? – запинаясь, спросила она.

– Как у вас дела? – в свою очередь справился он и добавил: – Вы выглядите бледной.

– Д-да. Странные вещи произошли... произошли сегодня.

– Какие вещи?

– Что? – Она села на стул, наклонилась вперед и началаковырять лак на ногте большого пальца ноги.

– Вы сказали, что произошли странные вещи.

– А. Да, за мной следили. Зловещий мужчина в шляпе. – Ее взгляд не тянул на интригующе рентгеновский. Он был просто бессмысленным.

– Ну, вы симпатичная девушка. Представляю, как за вами увиваются толпы мужчин, особенно в шляпах.

– У меня есть кое-какая информация, – сказала она. – Типа для следствия.

После минутной паузы он спросил, что это за информация.

– У нас с Доком был интим, время от времени. И от случая к случаю.

– Что-то я слышал.

– Грязь какую-нибудь. Я подумала, что должна рассказать вам прежде, чем до вас дойдет эта грязь. Вы когда-

нибудь замечали, как они выковыривают ее из своих носов и вытирают о днища стульев? Засохшую грязь на днище каждого стула? – Она принялась за ноготь второго пальца. И вдруг резко сменила тему: – Я говорила вам о письме?

– Нет. Что за письмо?

– Вот. – Она достала из кармана комбинезона испачканный сажей конверт. – Док вручил мне его и предупредил, чтобы я не читала, а когда кое-что произойдет, передала бы кому-нибудь. Каким-нибудь полицейским. Но я не могу, они действуют мне на нервы. Эти пустые глаза. Роботы. Некоторые из них бродят повсюду, подключенные к дистанционному управлению. Во всяком случае, здесь.

Пока он разглядывал лицевую сторону конверта, она вышла из комнаты.

«ТЕМ, КОГО ЭТО МОЖЕТ КАСАТЬСЯ». Он изучил клапан с помощью лупы, прежде чем открыть его. Край клапана был сморщен, как будто его подержали над паром и снова заклеили. Внутри лежало написанное от руки письмо на двух страницах:

Тем, кого это может касаться

К тому времени, как вы это прочтете, я буду мертв. Убит Морисом Уэббом, тем же человеком, который убил моего сына. Уэбб теперь использует другое имя. Я пока не уверен, как он себя называет, но знаю, что он член Общества Эфирной Мандалы.

Во-первых, немного о том, как я оказался замешан в этом. Дэйв, мой сын, родился 7 августа 1949 года. Я не часто видел его ребенком, потому что мои океанологические исследования требовали экспедиций в отдаленные уголки, тогда как моя жена предпочитала оставаться с ним в Бристолле. Я был прикреплен к Бристольскому университету и преподавал там в течение нескольких лет. 1960 был од-

ним из промежуточных годов⁵⁵, который я провел в Австралии. Причина, по которой я упоминаю все это, скоро станет ясна.

В 1963 году моя жена погибла в авиакатастрофе. После этого я практически полностью посвятил себя науке и, боюсь, еще реже виделся с Дэйвом, который тогда учился в школе-интернате.

Он закончил ее, поступил в университет, однако быстро утратил интерес. Просто плыл по течению. Как следствие пристрастился к героину, но в то время я этого не знал. Его собственные усилия вылечить себя в конце концов привели его в Общество Эфирной Мандалы, которым руководит миссис Виола Уэбб.

Писали мы друг другу урывками, и порой не виделись по несколько лет. Во время нашей последней встречи он признался в своей зависимости, но оговорился, что не хочет моей помощи в лечении.

Примерно год назад я получил от него длинное сбивчивое письмо, в котором он подробно рассказывал об обществе и просил (негласно) о помощи. Он писал:

«Здесь куча долбанутого народа, кое-кто более долбанутый, чем я, что о чем-то говорит. Все какие-то офигенные лунатики, не поймешь, кто привидение, а кто живой. Миссис Уэбб контролирует духа, которого называет Морис, подозреваю, это ее покойный муж. Он говорит нам те же вещи, что и другие духи. Иногда приходит мама. Она кажется живой. Живее тебя или меня. Она хочет, чтобы я завязал с этим (г-ном), и я реально стараюсь, но почему-то мне это не удается.

Делать что-нибудь так не в кайф, так в лом жить, иногда мне хочется по-настоящему соскочить, с концами, я имею в виду. Но и до этого я тоже никогда не дойду. Может, кто-то сделает мне одолжение.

55 Здесь – год университетской практики с отъездом за границу.

Это не похоже на мир духов или людей. Это похоже на семью. Кроме старика Мориса (он единственный нормальный), остальные здесь – ребята «с вывертом»: зануды и идиоты. Иногда я теряю контроль и просто начинаю орать на них, постоянно чем-то терроризирую и, главное, не могу заставить себя остановиться. Я стянул несколько вещей из их комнатухек, покопался в разном «грязном белье», которое они держат в секрете, и вообще они познали у меня плохие времена. Короче, я для них здесь сплошной гоморрой. Я напугал даже Мориса до полусмерти (или до смерти, не знаю, как там с этим у духов), когда спросил его о Солсбери. Он сразу заткнулся, я всегда все порчу. Если бы он захотел избавиться от меня, я бы не винил его».

Я начал проверять странное упоминание Дэйва о Солсбери. Поначалу это казалось ерундой, пока я не узнал, что Морис и Виола Уэбб были в Солсбери в августе 1960 года. Согласно объявлению в «Солсбери рекорд» они зарезервировали недельный ангажемент в местном кинотеатре с понедельника, 1 августа.

Вдруг я все понял. Начиная с его седьмого дня рождения, моя жена завела традицию устраивать Дэйву какое-нибудь «развлечение». Особенно он любил «магические» шоу, и я знаю, что моя жена была бы счастлива поехать в Солсбери, поскольку не могла отказать Дэйву в такого рода гостинце в его день рождения. В 1960 ему исполнилось одиннадцать лет. Хотя меня там в то время не было, я более чем уверен, что Дэйв видел выступление Уэббов в Солсбери.

Но как это могло повредить сеансу миссис Уэбб? Вскоре я узнал, что Морис Уэбб не был мертв: Сомерсет-хаус никакого свидетельства о его смерти никогда не выдавал. Эти два факта дополняют один вывод:

Дэйв видел и узнал Уэбба среди присутствующих этерианцев. Разоблачение «контроля» миссис Уэбб над духами могло погубить ее. Теперь я знал, что она или оба были убийцами Дэйва.

Затем я притворился обращенным и сам вступил в общество, чтобы найти Уэбба. По возрасту выбор был ограничен: проф. Мерихью Хакель, преп. Артур Стоунхаус и мистер Брюс Данк. Я получил три направления расследования:

1. Относительно прошлого всех троих. Где находился каждый из них в августе 1960 года? Стоунхаус, кажется, был викарием в Дербишире (но мог ли он вести двойную жизнь?). Жизнь Хакеля на тот период сплошное белое пятно. Данк утверждал, что в это время проходил службу в Королевских ВВС, но миссис Уэбб вскользь упомянула, что его вышвырнули оттуда в 1956.
2. Относительно загадочного «проклятия» скарабея. Я полагаю, что Дэйв, возможно, украл его из личных вещей кого-то в доме, или же Уэбб дал его ему, чтобы создать миф о «проклятии» до убийства. Хакель, как я понимаю, интересуется примитивными религиями; входят ли сюда религии древнего Египта? Данк служил в Египте. Разумеется, все трое могли купить скарабея в Англии.
3. Относительно подробностей смерти Дэйва. Из всего услышанного я вынес один твердый факт: профессор Хакель вошел в комнату, где Дэйв должен был сделать себе инъекцию. После минуты наедине с ним Хакель вышел, чтобы объявить, что Дэйв мертв.

Таким образом, Хакель – мой главный подозреваемый, тем не менее двое других пока не отброшены. Один из этих троих – определенно Уэбб.

Можно ли всерьез говорить, что Уэбб убил всего лишь затем, чтобы у медиума-мошенника не было проблем? Если нет, то у меня есть теория поинтереснее. Вполне возможно, что Уэббы получают приличный доход, торгуя наркотиками. Например, у меня есть основание...

Здесь вторая страница заканчивалась, а следующие страницы или страница отсутствовали. Фин перечитал письмо еще раз, пытаясь разобраться в нем. Доказательства Дока не имели четкой структуры, его теория была фрагментированной. Это едва ли походило на работу научного ума. И если недостающая часть была такой же рыхлой, как эта, зачем кому-то ее изымать?

«Возможно, что Уэббы успешные наркоторговцы». Фин решил немедленно и тщательно обыскать комнату миссис Уэбб. Она, должно быть, все еще занята духовызывательством внизу или сидит наверху в своем кабинете, но даже если бы она находилась у себя в комнате, он мог бы притвориться, что ищет библиотеку. В доме было мертвенно тихо, когда он спускался по лестнице. Из-под двери комнаты миссис Уэбб пробивалась полоска света, но это не означало, что хозяйка внутри. Не далее как сегодня Эрнестина жаловалась медиуму, что «нажгли много света».

Он приоткрыл дверь и прислушался. Ни звука. Он вошел.

«Боже ты мой, – промелькнуло у него в голове. – И здесь всё как в театральном фарсе». Первая сцена – миссис Уэбб в постели. Ее розовые пластмассовые бигуди и ночной чепчик с рюшами едва видны поверх женского журнала. Пухлая рука тянется, чтобы стряхнуть пепел с сигареты в пепельницу, расположенную рядом, но промахивается.

Вторая сцена – изумление Стоуни, расправляющего брюки, висевшие на спинке стула. Одна рука взмывает ко рту, другая прикрывает вполне приличную промежность его трусов в пикантную полоску. Прочие детали костюма будто специально подобраны, чтобы вызвать смех на задних рядах: черные носки с подвязками, черный нагрудник, подшитый к римскому воротничку (традиционный антураж, позволяющий священникам экономить на рубашках), лысина, жилет с дырками.

– На что ты уставился? – спросила миссис Уэбб у Стоуни. Затем она опустила «Вуменс Плейс», чтобы самой устаться на незваного гостя. – Мистер Фин!

– Что это значит? – выдавил сквозь пальцы священник.

– Извините, ошибся дверью, – пробормотал Фин, дернул ручку назад и поспешил обратно к себе в норку.

Несколькими минутами позже, полностью одетый, пламенно-румяный, отчаянно серьезный преподобный Стоунхаус нанес ему визит.

– Позвольте мне прежде всего напомнить, что такого рода шпионаж недопустим ни в этом доме, ни в этой стране, – начал он без обиняков.

– Приношу свои искренние извинения.

– Весьма похвально, мы принимаем ваши извинения. Далее, считаю, будет правильным представить в истинном свете то, чему вы стали свидетелем. Могу я присесть?

– Да, конечно.

Стоуни сел, сосредоточившись на стрелках своих штангин. Он набрал воздуха в грудь.

– Я не хотел бы, чтобы у вас сложилось ложное впечатление, будто миссис Уэбб и я живем во грехе. Далеко не так. Все это вполне законно, уверяю вас. Но по личным причинам моя супруга предпочитает пока держать это в тайне.

– Полиция знает?

Стоуни сглотнул.

– Господи, нет! Зачем полиции об этом знать? Послушайте, это не имеет ни малейшего отношения к их расследованиям, ни малейшего!

– Не уверен. Но их может здорово задеть одна мысль, что вы от них что-то скрываете. Юридически это называется сокрытием фактов. Понимаете, такое утаивание обязывает полицию думать о шантаже и как следствие вытекающих из него убийствах: вас шантажируют – вы убиваете. – Фин взял письмо Дока и демонстративно сложил листы, пока объяснял полицейскую концепцию, наблюдая за глазами Стоуни. Священник либо был невинен в отношении его содержания, либо был опытным игроком в покер.

– Рискну предположить, вы правы. Мне лучше «признаться» им во всем. Просто это не казалось чем-то, что они должны знать.

Фин вернул письмо в конверт.

– Не могли бы вы сказать мне, почему это секрет?

– Дело в том, что миссис Уэбб – моя супруга – считает, что мы пока ничего не должны говорить. Она боится, что наш брак может выглядеть как публичное предательство ее первого мужа. Все-таки она общается с ним на каждом сеансе – непонятно, как воспримут это другие заседающие. Черт возьми, я с самого начала хотел сделать это достоянием общественности! Тогда нам не потребовалось бы устраивать подобных сцен.

Когда сцена закончилась, Фин попробовал ненадолго заснуть. В чем, действительно, заключался «смысл всего этого»? Был ли Стоуни на самом деле Морисом Уэббом – и скрывал ли он это по ничтожнейшей и глупейшей из причин? Или была некая земная причина для такой секретности?

– Вот эта причина, – произнес он вслух. – *Миссис Уэбб – двоемужница!*

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВТОРОЕ ПРОЗРЕНИЕ

– Дэйв Лодердейл был убит, верно, – сказал старший инспектор Гейлорд, прочитав письмо Дока. – Но мы никогда, ничего и никому не предъявляли в вашем маленьком уютном обществе. Парень впрыснул себе смесь молока с сахаром и моющим средством для кухни. Достаточно распространенный способ среди пушеров⁵⁶, чтобы избавиться от проблемных торчков⁵⁷.

– Я знаю это, – ответил Фин. – Я читал Уильяма Берроуза – но, с другой стороны, все в обществе, вероятно, тоже читали его. И это не значит, что молоко, сахар и грубо говоря жидкое мыло трудно достать. Так почему же это должен быть толкач?

Гейлорд улыбнулся.

– Я этого не говорил. Вы не понимаете, Фин. Мы не расследуем смерти наркозависимых, как в данном случае. У нас – слава богу – таких полно в архиве. По всем открытый вердикт⁵⁸. Послушайте, этот Дэйв не стоял на учете; он играл с огнем. Это могло произойти в любой момент. Грязная игла, передозировка, эмболия. Самоубийство тоже нельзя исключать. Может быть, парень нарочно закачал эту дрянь себе в вену в поисках какого-то нового сверхулетного кайфа. Так что, при всей нашей огромной уверенности, что его

56 Пушер – наркоторговец, толкач (сленг.)

57 Наркоманов (сленг.)

58 В британской судебно-правовой системе открытый вердикт означает, что причину смерти окончательно установить невозможно.

убил его же пушер, мы не можем начать даже сбор доказательств в пользу того, что это было убийство.

Потрясенный Фин молчал. Наконец ему удалось вымолвить:

– Хорошо, давайте поговорим о двух других смертях. Я был прав насчет того, что Стив не находился под действием наркотиков, не так ли?

– Да, вы были правы. Вскрытие показало, что в этом плане все чисто. Похоже, у нас вырисовывается смерть в результате несчастного случая – падения во время так называемой левитации. Я все еще настаиваю, что это было падение с балкона, да еще на глазах кучи восприимчивых свидетелей.

– Включая меня, очевидно. Хорошо, вы нашли его отпечатки пальцев на перилах балкона, за которым мы наблюдали?

– Послушайте, мы уже однажды все это проходили. Я зачитаю вам соответствующие места из отчета. – Полицейский склонил свой орлиный профиль к открытой папке на столе. – Отпечатки, как я вам уже говорил, обнаружены в маленькой треугольной комнате, на задвижке французского окна этой комнаты и на перилах снаружи балкона. Он, вероятно, перелез через них со стороны, ближайшей к другому балкону – тому, за которым вы наблюдали.

– Который отстоит в семи футах от первого, – сказал Фин, вспомнив схему.

– Хм, да. Верно. С отпечатками всё. А, вот еще – на фонарике четкий набор отпечатков пальцев левой руки и ладони.

Фин вздохнул.

– Но никаких отпечатков пальцев на балконе, за которым мы наблюдали. Что заставляет меня недоумевать, почему вы продолжаете настаивать, что он был на том балконе. Ладно, неважно – а что со смертью Дока?

– Вы все это уже знаете. Его убили рядом с тем оргонным ящиком и затащили внутрь. Также мы нашли волоконную веревку, которой его убили, зацепившиеся за грубую деревянную поверхность сарая. Недалеко от гвоздя. Это позволяет предположить, что убийство было непреднамеренным: убийца схватил подвернувшийся кусок веревки и удавил им. – Гейлорд на секунду задумался. – С другой стороны, зачем кому-то вешать трехфутовую веревку в сарае, если не для того, чтобы иметь ее под рукой во время убийства?

– *Кому-то* означает Нэнси или Данка.

– Нэнси говорит, что у нее нет алиби, – сказал Гейлорд, слегка оправдываясь.

– Это означает, что она либо идиотка, либо читала детективные романы, где так поступал один из персонажей с идеальным алиби. Тот, кто, скажем, спрашивал у полицейского точное время в момент совершения убийства. Вы действительно полагаете, что она пытается привлечь внимание к отсутствию у нее алиби?

– Я не знаю, Фин, честно. Может быть, она шизанутая. Или, может быть, она надеется держать рот на замке, пока все это как-нибудь не уляжется. Так бывает в реальной жизни.

– А Данк?

Старший инспектор начал рисовать квадраты, деля их на треугольники.

– Кто угодно, только не девушка, а? Я не виню вас, мой друг. Симпатичная, но она в картотеке, вы же понимаете.

– В картотеке? Вы хотите сказать, что у нее были приводы, и она состоит на учете?

Это, казалось, позабавило Гейлорда по непонятным для американца причинам.

– На особом учете. Как говорят в Бруклине, *она поп'обовала жизнь, п'иятель. Те'тый калач. Это вам не ша'ады счелкать.*

Фин заметил холодно:

– Я бы не хотел, чтобы англичанам нравилось столь вульгарно имитировать американский акцент. Вы лишь напоминаете голландцев, вот так напирая на гортанное «р», как сейчас. Кстати, последняя новость из Бруклина – он больше не является частью Нового Амстердама. Что с алиби Данка?

– Оно у него есть, все в порядке. Вы говорите, что он вышел из дома в два часа тринадцать минут пополудни. У нас есть три свидетеля, которые видели его в «Голове короля Карла» еще до половины третьего, и он оставался там до закрытия. Короче, они с трудом отобрали у него стакан в три пятнадцать.

– Что неудивительно. – Настроение Финя сразу улучшилось. – Идеальное алиби, а? Уже разрушили его?

– Я знаю, о чем вы думаете. Забудьте.

– Я думаю, он купил выпивку в половине третьего, отлучился в мужской туалет и отсутствовал какое-то неопределенное время, вернулся и сделал все, чтобы обратить на себя внимания в момент закрытия.

Гейлорд покраснел.

– Он действительно отлучался в туалет, но не больше, чем на пять-десять минут, по словам его собутыльников.

– Все теплее и теплее. Сколько времени нужно, чтобы дойти до «Головы короля Карла»? Скажем, минут пять. Две, будь у него велосипед. Уйма времени на самом деле, чтобы совершить убийство. И потом, мы все знаем, насколько хороши собутыльники в это время. Нет, инспектор, держа в уме список подозреваемых, я бы на всякий случай не забывал о Данке.

– О Данке... О! Данке шен. Спасибо за совет. Правда, мы еще никого не вычеркнули из нашего списка, даже вас.

– Согласен, – сказал Фин. – Я должен быть вашим главным подозреваемым. Ведь все началось сразу же, как толь-

ко я присоединился к группе. Однажды я уже «проходил по делу» об убийстве. Вы подозреваете, что я неравнодушен к Нэнси – что дает мне мотив сразу для двух убийств. У меня есть железное алиби в обоих случаях. И теперь, пытаясь увести вас по ложному следу, я подсовываю вам фальшивку в виде письма.

– Последнее меня не слишком беспокоит, – буркнул Гейлорд, снова просматривая письмо. – Я, конечно, отправлю его на экспертизу, но я читал дневники Лодердейла и прочее. Это почти наверняка его почерк, и даже чувствуется его манера.

– Интересно, что было на третьей странице?

– Давайте посмотрим, насколько далеко мы сможем продвинуться в наших конструкциях. В последнем абзаце говорится о «получении приличного дохода с наркоторговли», затем он продолжает: «У меня есть основание». Тут напрашивается слово «полагать» или «подозревать», верно?

– Верно, инспектор.

– Как насчет «У меня есть основание подозревать это», то есть торговлю наркотиками, «потому что...» и приводятся доказательства. Моя конструкция говорит: Док Лодердейл был убит этерианцами, которые являются участниками наркобизнеса. «Продавцы и потребители».

– Ваша *конструкция*. – Фин покачал головой. – Ваша *конструкция* неверна. Шерлок Холмс ни за что бы не позволил тешить себя подобными конструкциями. Это даже не конструкция – это ни в какие ворота.

– Шерлок Холмс, помнится, сам был наркоманом.

– Послушайте...

– Нет, вы послушайте, Фин. Здесь точно завязаны наркотики. Смерть Дэйва Лодердейла характерна для нарко-синдикатов. Стив Сонди сам экспериментировал с наркотиками, как он признался. А поскольку наркоманы часто суеверны, что может служить лучшим прикрытием для бан-

ды, чем мистическое общество? Вы не хуже меня знаете, как работают эти вещи. Возьмите «религию» Тимоти Лири⁵⁹ – используется как ширма для употребления запрещенных препаратов.

– Могу я быть откровенным, старший инспектор? Не будьте тупым копом. Похоже, у вас все продумано, и спиритические сеансы – всего лишь предлог для дюжины наркоманов собраться вместе в темной комнате. Но вы игнорируете разницу между Дэйвом, героиновым наркоманом, и Стивом, который попробовал немного травки (и то давным-давно). Опираясь на тот факт, что некоторые наркоманы являются мистиками, вы делаете вывод, что мистики должны быть наркоманами. Шаткая конструкция. Наконец, поскольку смерть Дэйва указывает на наркотическую зависимость, тем больше причин убить его каким-то другим способом, если мы говорим о наркодельцах. Зачем вызывать подозрения у отдела по борьбе с наркотиками, когда они могли утопить его в ванне?

– Он, похоже, не любил принимать ванну, – съязвил Гейлорд.

– Нравиться быть тупым копом? Ладно. – Сейчас Фин был на взводе и не мог скрыть это в своем голосе. – Например, эта фраза – «получают приличный доход, торгуя наркотиками». Разве это похоже на наркоманов и уличных толкачей? Вы когда-нибудь видели богатого торчка-клиента или миллионера-толкача? Настоящие деньги крутятся на другом конце, в контрабанде.

59 Тимоти Фрэнсис Лири (1920–1996) – американский писатель, психолог, участник кампании по исследованиям психоделических препаратов, создатель психодиагностической методики (1957), до сих используемой спецслужбами США. Свою скандальную известность Лири получил за исследование влияния психоделиков на психику и нервную систему человека. Стоял у истоков «Братства вечной любви» – движения американских хиппи.

– Возможно, здесь вы правы.

– О, конечно. Могу предложить вам отличное дело о контрабанде. Стоуни исчез в похоронном бюро, где готовили гроб для отправки за границу. Поймал ли он кого-то, кто набивал его наркотиками? Или набивал его сам? И еще одно: сегодня я увидел на столике в холле письмо с иностранной почтовой маркой. Уверен, на ней была тропическая птица. Как вам Юго-Восточная Азия, например?

– Это *очень* занимательно. Скажите...

– Это ничуть ни занимательно. Никакой наркосиндикат не уничтожил бы третью страницу письма Дока, если только это не был наркосиндикат, управляемый тупыми копами. Зачем им уничтожать улики на третьей странице и оставлять улики или намеки на улики на второй? Забудьте о наркосиндикатах, и давайте вернемся к...

– К началу, – сказал полицейский, вздыхая.

– К убийству и возможному двоемужеству.

– Хм. Мы проверим, существуют ли записи о разводе и браке со Стоунхаусом. Но для меня это звучит как фантастическая история. Достопочтеннейший просто растерялся, пытаясь спасти свою репутацию.

– И как далеко он пойдет, чтобы спасти ее? Мне интересно, что бы случилось, если бы Дэйв вошел, как я, и впоследствии, например, угрожал шантажом?

Гейлорд с полминуты размышлял над этим.

– Нет. Слишком много «если». Либо тут все официально, либо вообще никак, но даже если бы она была двоемужницей, стала бы она убивать, чтобы скрыть этот факт? Максимум что она получила бы – год тюрьмы. И дурная слава пошла бы только на пользу ее бизнесу. В чем дело? Вы выглядите раздавленным.

– Пфу-у, – Фин сделал глубокий вдох и с шумом выпустил воздух. Он огляделся вокруг. – Жуткие кабинеты предоставляют вам тут. Люминесцентные лампы, стальные сто-

лы, жесткая мебель... будто камера смертников в современной тюрьме. Все, что вам нужно – это мюзек⁶⁰.

– Ладно, что вас беспокоит?

– Мы никуда не двигаемся. Наматываем круг за кругом с этими теориями. Скверно. В хороших детективах никогда...

– Завязывайте вы наконец со своим чертовым Шерлоком Холмсом!

– Мы продолжаем твердить о мотивах, хотя должны говорить о методах. Вот вопросы, на которые мы должны ответить, прежде чем спрыгнем с карусели и сделаем пару-другую уверенных шагов по прямой линии. – Перечисляя их, он поочередно прикладывал указательный палец правой руки к подушечкам пальцев левой. – Первое, как Дэйв получил эту инъекцию яда? Вколол ли ее Хакель? Или кто-то посторонний продал ему дозу? Второе, каким образом Док выбрался из дома? Помогло окно? Это указывает на Нэнси или Данка, или кого-то постороннего. Прокрался мимо Стива? Это указывает на Стоуни или миссис Уэбб. Наконец, сам Стив, который мог просто солгать. Эрнестина могла поколдовать с нитками и окном. Хорошо, вот наши подозреваемые: Нэнси, Данк, миссис Уэбб, Стоуни, Стив, Эрнестина – или кто-то за пределами группы. Третье, кто мог его задушить? Нэнси, Данк или кто-то за пределами группы.

– Я вижу, к чему это ведет, – сказал Гейлорд. – И мне это не нравится.

– Правильно. То же самое касается и других вопросов: кто мог удерживать Стива на веревке или чём-то еще? Кто мог убить его? Кто мог похитить Стоуни? И нельзя не отметить, как над всем этим витает тень *кого-то постороннего*.

60 Музыкальная запись, приглушенно звучащая фоном в ресторанах, барах, магазинах и др. заведениях.

– Чудесно. Вы только что выстроили потрясающее дело против Икса. Теперь почему бы вам не пойти и не поймать Икса для нас?

– Так тому и быть! – Фин резко поднялся со стула. – Морис Уэбб, Икс или кто бы он ни был, будет привлечен к ответственности! Знаете, это дело может стать моим первым... величайшим делом.

Он направился к двери, затем вернулся и снова сел.

– И еще одно. Вчера я следил за Нэнси, но она ухитрилась стряхнуть с себя хвост, то есть ускользнула от меня. Интересно, могла ли она встречаться с Иксом?

– Мы выясним это, Фин, и дадим вам знать. Но у меня есть одна маленькая просьба взамен.

– Просьба?

Гейлорд повернулся и уставился в окно, гордо задрав свой орлиный клюв.

– В параллельном отделе очень интересуется одним вашим другом по имени Монтегю, он же Монтгомери Бикер. Имен много. Вы оказали бы нам неоценимую услугу, как добропорядочный резидент⁶¹, проявив гражданскую сознательность или, если хотите, профессиональную солидарность, если бы время от времени информировали нас о его передвижениях. Нам известно, что он замышляет что-то противоправное, поскольку мы, то есть наши коллеги, знаем мистера Бикера.

Однако не так хорошо, как знаете его вы. Вот почему нам нужна ваша помощь. Просто скажите нам, что, по-вашему, он задумал. Над какой схемой развода работает в данное время и так далее.

Он повернулся, чтобы посмотреть на реакцию Фина.

Фин исчез.

61 Здесь – гость страны; человек, проживающий на территории другого государства и платящий там налоги.

«Хорошо, что я оставил дверь кабинета открытой. Свежий воздух, он, знаете ли, полезен». Фин был зол на себя так же, как и на Гейлорда. Теперь он сидел в автобусе и что-то бормотал.

«Если Бикер нужен полиции, то пусть останется для них всего лишь мелким жуликом, в конце концов... разве нет?

А если Бикер – Икс?

Бред!»

Именно Бикер познакомил его с Обществом Эфирной Мандалы, пробудил в нем интерес. После этого начали твориться чудеса... как будто Фина наняли специально, чтобы он сыграл роль безупречного свидетеля...

«Этому нет ни малейшего реального доказательства». Но тогда Бикер не стал бы совершать ошибок. Он был профессионалом. Хорош в фокусничестве, а тут безусловно были чудеса фокусничества...

Пожилая леди, сидевшая рядом с Финном, встала и пересела на дальнее сиденье. Другие пассажиры старались не смотреть на него. Он покраснел, уставился на сцену за окном и попытался забыть о Бикере, Иксе и убийстве.

Опустились сумерки. Автобус застрял в пробке в час пик на длинной улице с ярко освещенными, стерильными магазинами. Основные толпы, казалось, состояли из конторских служащих, – клерков и канцеляристов, – спешащих на автобусы и поезда, которые развезут их по домам; единственными «покупателями» были удрученного вида мужчины, разглядывающие в сверкающих витринах недоступные для них телевизоры и магнитофоны. Зачем, удивлялся он, насыщать такие депрессивные районы магазинами дорогой электроники (такие обычно размещали между книжным магазином с выгоревшими на солнце обложками порнографических журналов и «Резиновыми изделия-

ми» с их единственным изделием – запылившимся грыжевым бандажом)?

Он поймал апельсиновую рыбку среди спешащих конторских служащих. Толпа расступилась, и он увидел, что это было пальто Нэнси. Теперь она шла далеко впереди, держа под руку невысокого мужчину, который мог быть Бикером. Правда, у мужчины были темные вьющиеся волосы, но у Бикера тоже могли виться – когда надо. Через мгновение они нырнут в поток.

Как только он поднялся со своего места, чтобы выйти, набравший ход автобус качнуло. За то время, пока Фин карабкался назад к окну, автобус каким-то образом успел проехать мимо них и через двадцать ярдов замер на светофоре.

Вот они идут под ручку – заговорщики. Нэнси и Бикер.

Бикер и Нэнси. С лицами (рассмотрел он, когда те приблизились) двух незнакомцев.

Как только Фин понял, что обознался, он тут же увидел дюжину причин для того, чтобы назвать себя болваном. Волосы женщины были черными, а не каштановыми. Мужчина оказался слишком высок для Бикера. Не говоря уже о других моментах.

– Я должен попробовать упражнения для глаз, – подумал он. И с этими словами Фин получил новый толчок прозрения.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВТОРОЕ МНЕНИЕ

– Доброе утро, парни. – Потирая руки, Данк вбежал гостиную, где Фин и Стоуни играли в лудо⁶². – Что? Интеллектуальные сражения?

– Меланхолия. В эти дни мы оба, можно сказать, заняты не своим делом. Стоуни только что признался мне, что вынужден отложить эксперименты по биолокации на неопределенный срок из-за... проблемы.

– Относительно. – Стоуни сверкнул бобровыми клыками и рассудительно добавил: – Конечно, моя работа не столь актуальна. Но миссис Уэбб, кажется, тоже выбита из колеи, вы не находите? Боюсь, это расследование влияет на ее здоровье. Она не железная, знаете ли.

– Чертовски печально все это. Чем быстрее они разберутся в этом бардаке, тем лучше, говорю я. Плохо для морального духа, – сказал Данк. – Кто-нибудь видел Хакеля сегодня утром? Подумал, может, нам потряхнуть стариной и сыграть партию-другую в настольный теннис, нет?

Фин проиграл свою последнюю партию в лудо.

– Бедный Хакель, похоже, он расстроен больше других. Спустился к завтраку, обвинил нас всех в сговоре и ушел, не притронувшись к еде.

Стоуни расставил фишки и отложил доску в сторону.

– В своей богатой на обвинения речи он сообщил нам, что смерти Дока и Стива являлись лишь частью заговора по выставлению его, Хакеля, посмешищем!

62 Настольная стратегическая игра – с доской, игровой костью и фишками.

– Псих, – сказал Данк, мотнув головой. – Слишком много его так называемой науки, если вы спросите меня. Слишком много заглядывания и вмешательства в тайны природы. Человеку не положено знать...

– Мой дорогой Данк, я с этим более чем не согласен. Вы будете настаивать на том, что наука и мистическое понимание находятся в противоречии, но это совсем не так! Возьмите Исаака Ньютона – одного из величайших ученых, коих когда-либо знала история, но даже он не насмеялся над алхимиками. Нет, наоборот, он серьезно отнесся к проблеме и попробовал свои силы в алхимии! На мой взгляд вина Хакеля заключается в том, что он считает, что существует некое фундаментальное разделение между наукой и верой. Возможно, вы совершаете ту же ошибку.

– Никогда в жизни не ошибался, – весело заявил Данк. – Партию в настольный теннис есть желающие? – Желающих не нашлось, поэтому он остался в своем кресле.

– До сих не понимаю этот утренний срыв профессора, – сказал Фин. – Конечно, мы все расстроены.

– Точно-точно. – Данк совсем не выглядел расстроенным. – Никто не знает, кто из нас может стать следующим, не так ли? Только потому, что эта штукавина куда-то тютю, не значит, что мы всё еще не под проклятием, нет?

– О, Боже. Вы так думаете? – Стони нахмурился, и кожа со всего его черепа собралась на лбу.

– Конечно, старина. Нас всех могут здесь укокошить, прежде чем все это закончится.

Эрнестина распахнула дверь.

– Идемте скорее! Там миссис Уэбб!

– *Мертва?* – выкрикнули они чуть ли не хором.

– Упала в обморок. Но выглядит она просто ужасно. Наверху, в кабинете. Идемте! – Они стремительно поднимались по лестнице, преодолевая сразу по две ступени.

– Будь проклят этот огромный домище! – задыхался Данк. – Чертовы ступени... никогда не закончатся!

Они обнаружили миссис Уэбб, упавшую лицом вниз на пишущую машинку. Когда Фин и Стоуни попытались поднять ее, женщину вырвало, она застонала и попыталась стряхнуть их.

– Яд, – простонала она.

– Виола! – Лицо Стоуни было бледным, а его узкий подбородок дрожал. – Боже мой! Я лучше вызову врача.

– Нет-нет-нет, – слабо проговорила она. – Никакого доктора. Я не... – Она зашлась в кашле. – Я не потерплю, чтобы возле меня копошился какой-то дурацкий аллопат⁶³. Мне надо просто полежать.

В полусогнутом положении ее отбуксировали вниз, в спальню.

– Все же позвольте мне вызвать врача, пожалуйста, – взмолился Стоуни. – Моя дорогая, он не причинит вам вреда, только осмотрит. Если вас отравили...

– Психический яд, – сказала она и испытала новый позыв. Эрнестина принесла таз и держала его наготове. – Аллопатия бесполезна против сил... – Таз был использован по назначению.

– Не надо ничего говорить, – сказал Фин. – Просто лягте на спину и расслабьтесь. Давайте, Эрнестина, я вынесу это.

Через несколько минут, когда он принес опорожненный таз, спорщики достигли компромисса. Миссис Уэбб и слышать не желала ни о каком аллопате-неуче, но позволила бы дать себя осмотреть некоему доктору Джарвису. А пока она просто хочет, чтобы ее оставили в покое. Хорошо, Эрнестина может остаться с ней.

– Я этого и боялся, – огорченно сказал Стоуни, когда они вышли в холл. – Этот Джарвис – натуропат. Возможно, он даст ей что-нибудь, чтобы успокоить желудок, но это почти все. У меня нет иллюзий насчет природных лекарств. Честно говоря, я бы предпочел, чтобы она обратилась к обычному врачу. Если это было отравление... Господи!

⁶³ Врач, применяющий негомеопатические методы и средства лечения (фармакология и другие методы классической медицины).

– Выше голову. – Данк хлопнул его по тощему плечу. – Знаете, природное лекарство лучше всего. Звякните этому Джарвису, и давайте посмотрим, что он может сделать, нет?

– Разве у меня есть выбор?

Фину пришлось отнести посылку на почту, чтобы с курьером ее доставили старшему инспектору Гейлорду. Он пропустил короткий визит доктора Джарвиса на дом. Вернувшись, он застал Стоуни и Данка в гостинной, и они всё ему рассказали. Стоуни был мрачнее, чем когда-либо, а Данк успокаивал: «Смотрите на вещи оптимистически, старина».

– О, она страшно довольна, – сказал Стоуни. – Но я все равно хотел бы услышать второе мнение⁶⁴.

– Что сделал... сказал доктор? – спросил Фин.

– Он просто подвесил над ней маятник, пробормотал что-то о «сублюкациях аурического метаболизма» и назначил все ту же ламинарию. Ушел с десятью гинеями.

– Послушайте, – буркнул Данк, нахмурившись, – я думаю, вы доверяете аурическим вибрациям лозоходства, маятникам и тому подобному. Теперь вы говорите...

– Я говорю, что этого недостаточно, вот и все. Одно дело проводить эксперименты с биолокацией, но совсем другое позволить дорогому другу подвергнуть свою жизнь риску и стать подопытным кроликом. Доктор Джарвис сделал абсолютно то же самое в прошлый раз, и она все еще нездорова.

– В прошлый раз? – спросил Фин. – Значит, это не первое покушение?

– Третье. Вот что меня тревожит. У Джарвиса, подозреваю, добрые намерения, но он никак не вникнет в суть.

64 Второе мнение – практика получения дополнительной консультации медицинского специалиста по результатам проведенных медицинских исследований с целью уточнения диагноза и плана лечения.

Данк по обыкновению выскользнул на обеденный мостик. У Фина созрел план, и теперь он посвящал в него Стоуни.

– Вы действительно думаете, что ее отравили? – начал он с вопроса.

– Я не знаю, что я думаю. У меня есть только твердое ощущение, что с ней что-то не так. Для меня не имеет значения причина, я отчаянно хочу, чтобы ее нашли и исправили.

– Мне кажется, я знаю врача, который может нам помочь. Лишь бы он согласился, а дальше мы сделаем из него антиаллопата. Таким образом, он сможет осмотреть миссис Уэбб, не вызывая у нее подозрений.

Стоуни был в восторге.

– Благослови вас господь, мой мальчик. Это действительно чрезвычайно любезно с вашей стороны. Как вы полагаете, он согласится?

– Давайте я сначала спрошу у него. Я позвоню из кабинета, чтобы никто не подслушал. Не могли бы вы держать всех подальше от той части холла некоторое время?

Стоуни был счастлив выполнить поручение. Он спустился вниз, чтобы посидеть у телефона в холле первого этажа, как бы ожидая звонка, в то время как сыщик поднялся в кабинет.

Эрнестина накрыла чехлом пишущую машинку, убрала ее в угол комнаты и прибрала стол. Несколько стопок машинописного текста были выровнены и сдвинуты на один край, в то время как духоскоп⁶⁵ переместился на противоположный, где занял место рядом с телефоном.

65 Так называемый фонограф Эдисона. Эдисон полагал, что в природе весь обмен информацией осуществляется исключительно на электромагнитной основе. А раз так, то всякая мыслящая душа посмертно обязательно будет пытаться вступить в контакт с дорогими ей людьми. И для общения с душами нужен сверхчувствительный телефонный аппарат. Однако есть мнение, что Эдисон «изобрел» свой аппарат исключительно в коммерческих целях на волне массового увлечения спиритизмом.

Фин позвонил своему приятелю-медику, который без энтузиазма отнесся к такой «децепции»⁶⁶.

– Прежде всего это неэтично.

– Я понимаю. Но это может спасти жизнь. Так что это никоим образом не входит в конфликт с вашей клятвой Гиппократата.

Короткая пауза.

– Ну не знаю... Что я там буду делать? Знахарство точно не по моей части, знаешь ли. Этот пациент обязательно увидит меня насквозь.

– Я думал об этом. Ты просто проводишь свой обычный осмотр и говоришь как можно меньше. С тобой будет мой помощник, который в курсе всей этой магической белиберды. Тебе ничего не придется делать.

Короткая пауза, вздох.

– Что ж, пожалуй, я смогу. Сегодня вечером в семь, хорошо?

– Прекрасно. Я думаю, мы будем обращаться к тебе «доктор Граве». Тогда я попрошу *твоего* помощника заехать за тобой в половине седьмого, удобно? Кстати, зовут Бикер. В его случае имя настоящее.

Затем он позвонил Бикеру и объяснил, что от него требуется. Пока они разговаривали, Фин нашел ключ от картотечного шкафа и начал просматривать папки.

– Мне понадобится суперэкипировка, – сказал Бикер.

– Отлично, отлично. Купи все, что тебе нужно, я оплачу. Но обязательно будь в «операционной» ровно в половине седьмого. Доктор делает это в качестве одолжения и рискует своей репутацией. Я хочу, чтобы для него все прошло не сложнее, чем... Святой Хепри!

– А? Вспомнили о чем-то еще?

66 Децепция – хитрый план, маневр, вводящий противника в заблуждение (воен.)

– Нет. Просто краем глаза просматривал папки миссис Уэбб. Занятно.

– Папки клиентов? У многих медиумов такие есть. Они записывают то, что клиент говорит на первом сеансе, а потом через несколько месяцев клиенту повторяют это слово в слово и у того, случается, глаза лезут на лоб.

– Я заметил.

– Делают они и другие вещи. Один тип поставил жучок в приемную и прослушивал разговоры свои клиентов. А во время сеанса его подручные рылись в их пальто, висевших в гардеробной. Потом, в большинстве клиентских папок есть материалы от других медиумов. Своего рода глобальная разведывательная сеть – этакий корпоративный Интерпол.

Повесив трубку, Фин внимательно изучил папки. Каждая папка была помечена слегка завуалированным цифровым кодом. Фину потребовалось меньше минуты, чтобы понять, что «19-13-9-20-8-18-12» – это не что иное, как «Смит, Р. Л.», хотя можно было себя не обременять. Имя Смита и отдельные факты из жизни были четко напечатаны на информационных листах внутри:

Роберт Ллуэлин Смит, родился 18 сентября 1908 года. Инф-я, чтобы связ. с Мэри: брo Джим (Джеймси, брат) † утонул в детстве, несчастный случай во время куп-я; ма Кора (мать; † исп., 1918). Библиотекарь, на пенсии.

Далее следовал перечень дополнительных деталей и характеристик, некоторые были помечены галочками и датами, предположительно датами сеансов: Смит не курил, у него были проблемы со спиной, его мать была канадкой и т. д.

Фин проверил папки Стива Сонди и Артура Стоунхауса, лежавшие в том же ящике. Они насчитывали по пять листов каждая, содержали сведения о посещении сеансов и подробности разговоров. Очевидно, что миссис Уэбб не де-

лала попыток актуализировать информацию после того, как клиент был хорошо зацеплен. Он вернул папки на место и попробовал другой ящик.

Папка Брюса Данка была пуста.

Царапины от скрепки указывали на то, что она не всегда была пустой, и здравый смысл подсказывал, что на Данка у миссис Уэбб должно накопиться пухлое досье. В том же ящике Фин проверил папки сестер Блейз и Форстеров. Пусто. Он открыл папки и поднес их к свету. Кроме уже знакомых царапин в папке Форстеров обнаружились более значимые «следы».

Какой-то предмет прикрепили к папке полосками скотча крест-накрест, но сейчас он был вырван. Предмет достаточно твердый, чтобы образовать радиальные складки на картоне, и относительно небольшой, чтобы поместиться между точками, расположенными в дюйме друг от друга, где клейкая лента соприкасалась с картоном. Словом, это был круглый предмет, по-видимому, обручальное кольцо.

Фин позвонил Гейлорду из телефонной будки. Использование телефонов-автоматов, как он уже успел заметить, являлось одним из тех упражнений, которые поддерживали в британцах оптимизм и стойкость («Блиц» был еще одним⁶⁷). Ему потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к рутине длинных очередей, сторонних подсоединений, неправильно набранных номеров, таксофонов, которые принимали деньги, но отказывали в обслуживании, отсутствующих справочников, справочников с вырванными страницами и трубками, которые разваливались в руке.

67 «Блиц» – бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 года, часть Битвы за Британию. «Блиц» начался с бомбардировки Лондона в течение 57 ночей подряд.

Однако сегодня главное почтовое отделение и погода общими усилиями любезно предоставили возможность сделать один телефонный звонок без помех. Фин сразу же дозвонился по нужному номеру, преодолев очередь в одного человека, и стоило ему оказаться в будке, как дождь прекратился.

Старший инспектор с интересом воспринял новость об «отравлении»:

– Знаете, мы могли бы получить ордер магистрата⁶⁸ и отправить ее в больницу, если вы действительно думаете, что это яд.

– О чрезвычайной ситуации пока говорить рано, инспектор. Если это яд, то медленно действующий. Я вызвал врача, чтобы осмотреть ее сегодня вечером, но предпочел бы раньше времени никого не будоражить, особенно отравителя. – Фин рассказал ему о пустых папках и поведал сагу об обручальном кольце.

– Мы тоже не сидели сложа руки, – сказал Гейлорд. – Сегодня мы отследили Нэнси Мичи до фортепианного отдела «Хэрродс». Она встречалась с неким Беном Дуди.

– Кем-кем?

– Членом музыкальной группы, которая много работала со Стивом Сонди.

– Что еще вы знаете о нем?

– Информации пока кот наплакал. Группа записывает саундтреки для телевизионной рекламы, в «Дарем Аген-си», как я понимаю. С Сонди был заключен контракт на исполнение нескольких песен о мужском дезодоранте для подмышек.

68 Магистрат – мировой судья, рассматривающий гражданские и семейные дела, вопросы лицензирования, мелкие правонарушения, ДТП и факты нарушения общественного порядка; выдает ордера на проникновение в жилище, выносит решения по уплате муниципального долга и др.

– Понятно. – Фин обдумывал это, пока автомат не начал пищать, требуя еще денег. Он скормил ему еще одну монету, но автомат был неумолим.

– Ладно, – пробормотал он, вешая трубку. – Гейлорд все равно бы не разрешил мне взять интервью у Бена Дуди. – Он взял справочник и стал искать «Дарем Агенси».

Бен Дуди оказался высоким смуглым юношей из тех, кому импонировали братья Маркс: носил усы Граучо и обладал шевелюрой Харпо. Он отошел, чтобы поговорить с Финном, который пристроился в углу большой студии, отряхивая мокрый зонт. Напротив группа мужчин и женщин танцевала на неподвижно стоявшем гоночном автомобиле и вокруг него. Водитель сидел совершенно статично, как истукан с приклеенной усмешкой. Пианино выдавало ритмичный аккомпанемент.

– Настоящий саунд мы вставим позже, – объяснил Дуди. – И голос за кадром.

– Почему именно гоночный автомобиль? Что там продается?

– Новый мужской дезодорант «Пит-стоп». Э-э, что вы хотели? У меня только пара минут. Сегодня мы записываем новый ролик.

– Я не займу у вас много времени, мистер Дуди. Видите ли, я пишу статью для американского музыкального журнала «Саундс Свелл». Мне будет интересно все, что вы можете рассказать о последних днях Стива Сонди. Что он говорил, делал и так далее.

Дуди почесал ухо.

– Что я могу вам рассказать? Стив плотно работал с нами последние несколько месяцев. Я не часто видел его за пределами студии. Мы вместе записывали рекламу «Пит-стоп», но последние два ролика придется заканчивать без него. Просто фоновая тема.

– Вы случайно не знаете кого-нибудь еще из оккультного общества, в котором он состоял?

Беснование актеров прекратилось. Они застыли на месте, пока кто-то невидимый регулировал свет. Затем человек с планшетом попросил Фина и Дуди сделать шаг назад, после чего светильники и большие отражающие панели были развернуты для создания нового эффекта. Фин обнаружил, что место их беседы сдвинулось в тесный закуток у двери, окруженный запасным оборудованием.

– Я понятия не имел, что делать рекламу настолько сложно. Итак, о чем я вас спрашивал? Да, вы встречали кого-нибудь еще из?..

– Я встречался несколько раз с девушкой Стива, Нэнси. Кажется, она одна из них.

– Насколько хорошо вы были знакомы?

– Настолько, чтобы просто поболтать.

«Просто» ненароком выдавало то, что подозревал Фин, и Гейлорд, вероятно, знал о тайном свидании.

– Не знаю, должен ли я спрашивать вас об этом... – Фин озабоченно вертел своим зонтиком, тыча в катушку силового кабеля на полу, целясь им, как винтовкой, в яркие верхние огни. Он прекрасно понимал, что не должен задавать этот вопрос, ибо журналист рисковал превратиться в ищейку.

– Спрашивать меня о чем?

– Спрашивать вас, – сказал Фин, и ткнул зонтиком в зеркальную поверхность ближайшей панели, проверяя ее на прочность, – знаете ли вы, что такое джанк⁶⁹ и как Нэнси связана с этим?

– Что? – Музыкант внезапно стал слышать хуже Бетховена.

– Ничего, неважно. Все равно мне не дадут это напечатать. Забудьте, право, что я затронул эту тему. Спасибо за

69 Опиатный наркотик, героин (сленг.)

вашу помощь, мистер Дуди. Она поистине бесценна. Да, еще кое-что. Сколько Стив зарабатывал на этих рекламных роликах?

– Прилично. Я не знаю точно, но, кажется, пятьдесят тысяч с ролика он имел. Может быть, больше.

– Так много? Тогда, несмотря на популярность, он, должно быть, нуждался в деньгах.

Дуди, казалось, задумался.

– Думаю, что так, да. Понимаете, раньше у него было много проблем. Нищенские контракты, эта сцена. Затем он попытался открыть собственную студию звукозаписи, потерял кучу денег на этом. Я думаю, здесь он зарабатывал достаточно, чтобы больше не размениваться на всякие дурацкие контракты.

– Вы бы сказали, что он умер богатым человеком?

– Сомневаюсь. Послушайте, мне пора идти.

Фин поблагодарил его и собрался уходить. У двери он оглянулся.

Дуди, казалось, теперь вовсе не торопился. Он стоял, яростно грызя ноготь, и наблюдал за танцующими. Мужчина с планшетом отбивал такт музыки и кричал на них.

– Покрути гаечным ключом, Дженни! *Покрути*, мать твою, гаечным ключом! Вот так. Теперь Питер подкатывает колесо... и пинает! И пинает! Замечательно!

Фин отворил дверь Бикеру и «доктору Граве». Под пальто у них были надеты белые медицинские халаты с символами Инь-Янь на карманах.

– Железки... на кусочках пластыря, – прошептал Бикер. – Как мы выглядим?

– Прекрасно. Ее снова тошнит.

Доктор кивнул.

– Где пациент, Те... мистер Фин?

Он провел их в комнату миссис Уэбб. Она сидела в постели, выглядя сейчас более румяной и здоровой, чем за весь день.

– Доктор Граве, да?! – Она бросила на него подозрительный взгляд. – Что же вы за доктор такой?

– Мадам, я..

– Доктор Граве – месмерический магнетизёр, – объяснил Бикер. – Он доктор месмерической медицины и член Восточного университета здоровья.

Это, казалось, удовлетворило ее, тем не менее она настояла, чтобы Фин и Эрнестина присутствовали во время осмотра.

Граве открыл свой чемоданчик и достал набор совершенно обычных диагностических инструментов. К каждому был приклеен игрушечный магнит. Под предлогом измерения различных «частот магнитных колебаний» и «потоков ауры» ему удалось прослушать ее сердце; измерить пульс, температуру и кровяное давление; заглянуть ей в горло, глаза и уши.

– Болит что-нибудь, – спросил он.

– Небольшие боли в животе.

– Понятно, – кивнул Бикер. – Месмерический яд, полагаю, доктор?

– Возможно, и так, да.

Глаза миссис Уэбб расширились.

– Боже мой! Это как раз то, что я пыталась всем сказать.

– Давайте посмотрим, где болит, – сказал Граве.

– Правильно. Тогда мы сможем *извлечь яд с помощью этого*. – Бикер поднял пару игрушечных стержневых магнитов.

Лже-шарлатан надавливал на живот своего пациента, пока не нашел чувствительное место. Когда помощник поднес к нему магниты, доктор отвернулся и заглянул в таз с рвотными массах миссис Уэбб.

Фин проводил мужчин до входной двери. Доктор Граве нацарапал рецепт и протянул ему.

– Заставь ее принимать эти таблетки – по одной три раза в день. Скажи ей, чтобы она их разжевала. Есть нельзя, пока рвота не прекратится, далее нужно воздержаться от употребления жареной пищи, специй, спиртных напитков, кофе и чая. Будет лучше, если она полностью ограничится пресной пищей: каша, молоко, что-либо подобное.

– Похоже на язву.

– Я не могу сказать, что это такое, без соответствующих тестов. Но думаю, у нее болезненная опухоль. Ей бы, по идее, нужно срочно ложиться в больницу. Если даже она почувствует себя лучше, обязательно будет новый приступ.

– Я посмотрю, что можно сделать. И – спасибо.

Он донесет вердикт доктора до Стоуни, который, сжавшись от страха, спрятался в гостиной, вероятно, играя в «Змеи и Лестницы»⁷⁰ с профессором. Но кое-что нужно было сделать сию минуту. Нэнси сидела в библиотеке и читала журнал мод.

– Нэнси?

– Ммм.

– Нэнси, почему вы вскрыли конверт с письмом Дока? Это был пар, не так ли? Почему уничтожили последнюю страницу? А, может, там было несколько страниц?

– *Что?*

– Думаю, вы меня слышали. Сегодня я уже прошел один сеанс глухоты – с вашим мистером Дуди. Вашим поставщиком – полагаю, так мне следует его называть.

Она продолжала тупо вглядываться в страницу журнала.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Тогда мне лучше объяснить. Вы избавили бы себя и всех остальных от массы хлопот, если бы сразу признались нам, что сидите на игле. Могу вообразить, что Док вы-

70 Настольная игра-«бродилка».

разился в тех же категориях или намекнул на это в своем письме. Вот почему вы уничтожили третью страницу.

– У вас, я вижу, всё на мази, – сказала она, перелистнув страницу и слюнявя палец, чтобы перевернуть следующую.

– На мази, да. Это объясняет, почему у вас нет алиби на момент обоих убийств. Вернее, алиби у вас есть, но вам страшно рассказать о нем полиции. Не хотите рассказать мне?

– Нет. – Она перевернула еще одну страницу. – Ну, хорошо. Раз уж вы обо всем пронюхали... В тот обеденный перерыв я договорилась о встрече с Дудом, Беном Дуди. Он не появился – в половине случаев он не появлялся – поэтому я попыталась поймать его снова в тот же вечер. Весьма хлипкое алиби, верно? Я имею в виду, Дуд не слишком будет рваться подтвердить его, согласны?

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Я думаю, полиция вам поверит. Во-первых, они, вероятно, уже знают, что Дуди толкает, или скоро узнают. Во-вторых, не нужно обладать особым умом, чтобы догадаться, что вы единственный, кто мог уничтожить третью страницу письма Дока. Для вас лучше рассказать им все сейчас, а не потом.

– Я расскажу, – сказала она. – Что мне теперь терять?

Фин отправился к себе в комнату, чувствуя, как подступает тошнота, и в его животе родилась новая и неприятная теория. Полиция допросит Дуди, надавит на него и представит Нэнси алиби. Они перестанут ее подозревать как раз тогда, когда самое время начать это делать.

Дуди и Нэнси, пара убийц. Тесно связанная со всеми тремя жертвами. Дуди готовит дозу яда для Дэйва. Организовывает их взаимное алиби еще на два убийства. И убийственное, почти забивающее последний гвоздь доказательство: Дуди работает в *той телевизионной студии*. Работа в паре... как в парном танце...

– Двое мужчин, танцующих танго! Вердикт оглашен!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В два часа ночи сыщик все еще не спал. Он решил включить лампу и попробовать седативную прозу. Если бы «Голос» не подействовал на него, то рассказ о смерти Дэйва мог бы, по крайней мере, открыть ему нечто такое, что послужило основой для безумной теории Дока. Он нашел это место ближе к концу книги.

...чтобы сделать аурическое видение излишне трагически правдивым.

В тот роковой вечер, в начале февраля, большинство из нас отправились на Конференцию по спиритическим феноменам послушать лекцию. Дэйв остался дома с головной болью, а Нэнси присматривала за ним.

Когда мы вернулись домой, Дэйв и Нэнси встретили нас в парадном холле. Дэйв был в скверном настроении и сразу же начал нападать на нас, называя «благочестивыми лицемерами». Зазвонил телефон. Я задержалась, чтобы ответить на звонок, в то время как Дэйв проследовал за остальными в столовую, продолжая свою обвинительную речь.

На линии был Челтнем, звонила Эмили Блейз и сказала, что у нее только что возникло странное ощущение, что что-то не так. Даже разговаривая с ней, я слышала, как Дэйв буйнит в столовой. В ответ я заметила ей, что «что-то не так» мягко сказано.

– Смотрите-ка все сюда! – заходился в крике Дэйв. – Вот он, настоящий тихий убийца. Белый и пушистый.

Ст... – Послышались звуки потасовки, и что-то тяжелое упало на пол.

Я немедленно повесила трубку и поспешила в столовую. Дэйв наткнулся на меня в арке, с проклятием оттолкнул в сторону и бросился в ванную. В столовой я увидела перевернутый стул и преподобного Стоунхауса, лежащего на полу в оцепенении. У профессора Хакеля шла носом кровь. Несомненно, эти два добропорядочных джентльмена пытались помешать Дэйву, как потом выяснилось, встретиться с Ангелом Смерти.

Увы. Позже профессор Хакель зашел в ванную и обнаружил Дэйва, скончавшегося от передозировки. Он, к счастью, умер мгновенно, едва успев открыть окно ванной, чтобы сделать последний вздох. Древнее проклятие пало на него, и я увидела в этой трагедии подтверждение того, что и так уже знала: аурические вибрации никогда не лгут. Отныне я больше не буду сомневаться в цветовом значении ауры.

Фин закрыл книгу. Было ли это простым совпадением, что мисс Эмили Блейз звонила из Челтнема, когда в Лондоне совершалось убийство? Она худо-бедно обеспечила алиби Стоуни в одном случае и миссис Уэбб в другом.

– И дважды самой себе, – добавил он вслух.

Ему не удастся заснуть, пока он не осмотрит столовую и ванную внизу. Занявшись ими, он мог попутно совершить налет на холодильник.

Мертвенный свет из столовой струился наружу. Фин тихо подошел к арке и заглянул внутрь. Хакель сидел в ярком пятне света, спиной к нему, сгорбившись в своем коричневом халате. В руках он держал стакан молока.

– Профессор? У вас тоже бессонница? – спросил Фин. – Боже.. Прошу прощения... Нет, позвольте мне вытереть это.

Когда молоко было убрано, он снова извинился.

– Не беспокойтесь. Я все равно бы его вылил. Козье! Просто лень было ставить чайник.

– Предоставьте это мне, профессор. Я сам подумывал о чашке чая, бутерброде или чем-то таком. Прекрасно понимаю вашу бессонницу. Это было нелегко для любого из нас, три убийства и...

– Три?

– Я расцениваю смерть Дэйва Лодердейла как преднамеренное отравление. Во всяком случае, его отец определенно так думал. – Фин кратко пересказал содержание письма Дока, не уточняя имени *главного* подозреваемого. – В главном, поскольку Док мертв, похоже, он оказался прав, не так ли? Извините, я поставлю чайник.

Он не торопясь принялся хозяйничать, давая Хакелю время привести мысли в порядок.

– Я только что прочитал описание этой сцены миссис Уэбб в ее последней книге. Конечно, она разговаривала по телефону, поэтому пропустила довольно много. Что за «потасовка» на самом деле произошла здесь в тот вечер, о которой она упоминает?

Пухлые пальцы Хакеля играли в «церковь и шпиль»⁷¹ на зеленом пластике.

– Право, трудно вспомнить. Это было так давно. Дайте-ка подумать... Вот. Молодой Лодердейл разбушевался и тряс у нас перед носом маленьким пакетиком с героином. Стоунхаус пытался отобрать у него этот пакетик. Собственно говоря, отобрал.

– Что он с ним сделал?

– Сделал, сделал... Он... он пытался... бросить его мне. Видите ли, перед этим Дэйв напал на него, а потом напал в прямом смысле.

Фин решил дожать свидетеля.

– Стоуни случайно не положил его в карман?

71 Детская развивающая игра в фигуры, выполняемая движениями пальцев под ритмичную считалочку: «Видишь – церковь. Шпиль над ней...» (пер. Ирины Каховской-Калитиной).

Забрезжил свет.

– Да, теперь, когда вы упомянули об этом, он *действительно* положил его в карман. Теперь я вспомнил. Видите ли, мы все стояли в пальто, у нас просто не было времени их снять. Стоунхаус сначала машинально положил пакетик в карман пальто, а потом вынул. Вынул и тут же уронил. Я поднял его, и Дэвид развернул свои пушки на меня. И, боюсь, забрал пакетик обратно.

– Так, и где была Нэнси все это время?

– Она точно была с нами здесь, в столовой. Видите ли...

– Оп, чайник. Извините меня еще раз. – Фин заварил чай и поставил две чашки. Слава Ра, подумал он, Нэнси была в комнате. – Продолжайте, профессор.

– Она все время была с нами. Мы увидели ее с Дэвидом в холле возле парадной двери, когда вошли. Они вроде как обнимались, но отскочили друг от друга, как только дверь открылась.

– Стив видел это?

– Не знаю. Если и видел, то ничем таким не отметился.

– Как вы думаете, Дэйв вошел в дом сразу перед вами? Нэнси встречала его?

Хакель нахмурился.

– Нет, наоборот. Нэнси была в пальто, а Дэйв – нет. Я бы сказал, что это *она* вошла.

– Чудесно. Профессор, вы мне очень помогли. Я убежден, что если мне удастся выяснить, кто убил Дэйва, это подскажет мне, кто убил Дока и Стива. Как вы считаете, этот чай еще можно пить?

Трясущаяся лапища Хакеля выплеснула его в раковину.

На следующее утро Фин опросил остальных. Он начал с того, что помог Эрнестине вымыть посуду после завтрака. Все, что она могла вспомнить о том роковом вечере, это «была драка, там была драка. И маленький пакетик упал на пол».

Данк, припертый к стенке в библиотеке, был столь же неопределенным.

– Молодой негодяй ударил Стоуни и Хакеля, я помню это, – сказал он. – Я как раз собирался вмешаться, но парень развернулся и убежал, будем говорить, поджав хвост. – Данк ничего не помнил ни о падении пакетика на пол, ни о каких-либо других деталях. – Меня ведь занимали совершенно другие мысли. Майра лежала в земле уже несколько месяцев, а ее родственники все еще не разговаривали со мной. Я говорил вам, что сваял дурака на похоронах. Знаете, я хотел договориться, чтобы на могилу Майры приносили цветы, свежие цветы каждую неделю... но не мог заставить себя позвонить в похоронное бюро. Я даже боялся нечаянно столкнуться со старым Смертом...

– Смерт!

Под конец разговора Фин еле сдерживался, чтобы не разразиться безумным смехом. Удивительно, что он вышел из библиотеки, не подпрыгивая, и даже когда был один в холле, позволил себе лишь короткую ухмылку, неистовый шепот:

– Ура! Ура! Ура! Спасибо, ваша честь!

Несколькими минутами позже в комнате отдыха он склонил Стоуни на игру в дартс.

– Да, я немного помню тот вечер. Хотя стараюсь скорее забыть неприятности, если получается. Должен признаться, что все это начал я. Дэйв тряс своим наркотиком у меня перед носом, чтобы, понимаете ли, завести меня. Мне пришлось в голову попытаться спасти его от самого себя, если понадобится, силой. Потом, конечно, я разозлился, и это, должно быть, было как-то связано с наркотиком. Из каких-то смешанных побуждений я выбил пакетик у него из рук. Тот упал на пол. Затем я попытался оттолкнуть Дэйва от пакетика и удержать, пока кто-то другой не подберет его с пола. Подобрал Хакель. Я очень сожалею, что мой план

не сработал, и Дэйв наградил обоих оплеухами за наши заботы.

– Скажите, Нэнси находилась в комнате? Или вы не обратили внимания?

– Полагаю, да. Она все время была рядом, и этот позорный эпизод произошел у нее на глазах. Они с Дэйвом были в парадном холле, когда мы пришли. Казалось, она сама только что пришла. Или собиралась уходить. Так или иначе она была в пальто, если вы не знаете.

Фин не стал доигрывать в дартс и пошел в гостиную к Нэнси, чтобы выслушать ее версию.

– Дэйв и я стояли в холле на первом этаже, когда остальные вернулись домой, – сказала она. – Разговаривали. Потом произошла ссора, и началась драка. Один раз гниль⁷² уронили на пол.

– Что такое гниль?

– Вы не знаете? Это как маленький чайный пакетик, только пластиковый.

– Пожалуйста, попытайтесь вспомнить каждую деталь того, что произошло. Кто дрался и как это началось?

– Хорошо. Короче, Дэйв дразнил гни... пакетиком Стоуни, но преподобный выбил стафф⁷³ у него из руки. Затем он вроде как толкнул его, и тот уже не смог подобраться к пакетик. Я имею в виду, оттолкнул – Стоуни оттолкнул Дэйва. А потом профессор подобрал пакетик и положил в карман. В карман пальто. Все были в пальто.

– Вы уверены в этом? В карман с клапаном?

– Определенно. Потому что, когда Дэйв забирал пакетик обратно, он чуть не разорвал пальто пополам, вытаскивая его из кармана.

– Я не думаю, что Хакель будет держать такое пальто у себя.

72 Здесь – доза героина в пластиковой упаковке (сленг.)

73 От англ. stuff – «продукт», любой наркотик, который вводят («вставляют») внутривенно.

– Да, по-моему, он сдал его в починку или куда-то еще.

– Отлично. Это все, что я хотел знать. – Фин встал, чтобы уйти.

– Что вы собираетесь делать дальше?

Он улыбнулся.

– Собираюсь сегодня заказать себе гроб.

– *Себе гроб?*

– Конечно. Теперь, когда все три убийства раскрыты, думается, я заработал в некотором смысле упокоение. Без сомнения, наш убийца будет не против.

– Вы раскрыли их?

– Ну, почти. Я пока не знаю, кто это сделал, впрочем, это рутинная вещь. Но один момент все еще озадачивает меня. Что вы с Дэйвом делали в тот вечер в парадном холле, когда дверь открылась?

И снова она отскочила, как, вероятно, отскочила тогда.

– Что?

– Хакель думает, что вы «обнимались». Я думаю, вы давали Дэйву его наркотик. Перед этим вы выходили, чтобы купить ему дозу, не так ли?

Это был хороший вопрос, и она на него не ответила.

Мистеру Смерту не нравилось, что его удерживали за столом и снова допрашивали. Он то и дело снимал пенсне и усердно протирает его, тем самым выражая свое недовольство.

– Я уже ответил на многочисленные вопросы полиции, – устало проговорил он. – В самом деле, мистер Пин...

– Фин. На этот раз мои вопросы касаются не только странного исчезновения преподобного Стоунхауса. Вопрос первый: Вы продадите мне гроб?

– Продать вам гроб... Позвольте, для каких нужд?

– Для моих собственных нужд. Я уверен, что вы продадите мне один, если скажу, что, во-первых, это почти на-

верняка поможет поймать убийцу, во-вторых, название вашей фирмы нигде не будет упомянуто, и, в-третьих, можно сделать среднедорогой. Мы договоримся?

Блеск в пенсне, казалось, изменился с враждебного на алчный.

– Допустим. Ваши следующие вопросы?

– Вопрос второй: не могли бы вы мне рассказать о вашем бывшем клиенте?

– Об этом не может быть и речи. Я *никогда и ни с кем* не обсуждаю своих клиентов. Между прочим, я собирался пообедать.

– Я хочу проверить только имя, больше ничего. Проходил ли по вашей фирме клиент по имени Р. У. Форстер? Миссис Р. У. Форстер? Похороны состоялись несколько месяцев назад.

– Миссис Регина Форстер, да. Я хорошо ее помню. Еще вопросы есть?

Фин поднялся.

– Последний. Могу я поговорить с двумя мужчинами, которые работали здесь в тот вечер, когда исчез преподаватель Стоунхаус? Билл и Генри, кажется, их звали?

Смерт выглядел расстроенным.

– Форбс и Медоуз, вы имеете в виду. Генри Форбс на несколько дней приболел. А Уильяма Медоуза вы найдете сейчас в «Фолсолл Армз», пабе, расположенном чуть дальше по дороге. Он там обедает. Теперь, что с вашим гробом?

– Детали мы можем обсудить позже. Пока достаточно длины: шесть футов три дюйма или, по-теперешнему, если вы предпочитаете метрическую систему, ровно сто девяносто сантиметров. До свидания, мистер Смерт. Приятно иметь с вами дело.

В «Фолсолл Армз» Фин заметил красное лицо Билла Медоуза, склонившегося над пинтой пива и тарелкой с сэндвичами. Он снова представился и сразу перешел к делу.

– Вы и ваш коллега Генри предположительно были последними, кто видел преподобного Стоунхауса в часовне в тот вечер. Не могли бы вы рассказать мне в точности, что вы видели и слышали?

– Ничего. Мы с Генри собирались отвезти груз, и нашли его плащ на одной из скамей. Остальное вы знаете.

– Меня интересует немного другое. Что произошло после того, как вы покинули похоронное бюро в фургоне?

Билл посмотрел на сыщика поверх края своей кружки.

– На что вы намекаете? Мы поехали в этот чертов аэропорт, куда же еще. Сдали груз на таможне, со всеми бумагами и прочими делами, и сразу вернулись. А вам что нужно?

Фин попытался завоевать доверие собеседника и понизил голос.

– Небольшое дело о пропаже драгоценностей, – сказал он конфиденциальным тоном. – У преподобного Стоунхауса было с собой нечто вроде каменного жука. Ну, человек нашелся, жив-здоров, а вот жука мы пока не нашли. Я пытаюсь отследить его.

– Не смотрите на меня, приятель! Я не знаю...

– Конечно, вы не знаете. Дело в том, что это не просто камень. Видите ли, это была египетская реликвия, скарабей. Стоит, правда, не так уж и много. Но примечателен он тем, что на нем лежит древнее проклятие. Любому, кто владеет им, угрожает опасность. Опасность умереть насильственной смертью.

– Продолжайте! – Билл ухмыльнулся, осушая свою кружку. Фин купил ему еще одну.

– Нет, я серьезно. Я знаю, это звучит дико, но я сам видел, как это работает. Последние три человека, у которых он был до Стоунхауса, теперь мертвы. Одним из них был Стив Сонди. Догадываетесь, к чему я клоню?

Ухмылка Билла дрогнула и исчезла.

– Стив Сонди был «грузом», который мы доставили в аэропорт, – быстро проговорил он. – Провалиться мне на месте!

– Теперь вы понимаете, как важно найти человека, у которого он сейчас? Меня интересует только его физическое благополучие. Не может быть и речи о предъявлении обвинений, если он вернет скарабея.

– Смотрите сюда. – Билл выглядел серьезным. – Он у Генри. Клянусь, Генри взял его, и это факт. Я не суеверен, но с такими вещами никогда нельзя быть уверенным. Генри – вот, кто вам нужен. Он нашел его, когда наткнулся на плащ, понимаете? И показал мне уже в фургоне, как только мы отъехали.

«Симпатичный камушек, – говорит, – стоит, правда, недорого, но как сувенир на память сойдет. Пожалуй, оставлю его себе». Я сказал ему, что он сумасшедший, что из-за него у нас обоих будут серьезные неприятности. А он в ответ: «Высади-ка меня у дома, я спрячу эту штуку подальше, и ее никто не найдет».

Я не хотел, но высадил его. Генри живет в Харлсдене, недалеко от трассы. Он зашел в дом, а я сидел и ждал в фургоне минут десять. Потом посигналил ему. Мы уже опаздывали.

Тут он высовывает голову в окно и говорит: «Билл, тебе придется ехать одному. Со мной творится что-то неладное». У меня внутри так все и перевернулось. С тех пор на работу он не выходил. Мне ничего не оставалось, как отвезти груз в Хитроу, что я и сделал. Я ничего не рассказал об этом мистеру Смерту, иначе бы он из меня всю душу вынул, – он такой дотошный.

– Не очень мне нравится, как все это выглядит, – сказал Фин. – Вот так заболеть сразу, как Генри... Сколько у вас осталось времени до конца обеда? Не могли бы вы прямо сейчас отвезти меня к нему домой?

– Я отвезу вас. – Билл допил свою вторую пинту, рыгнул и стряхнул крошки с черного костюма. Затем он высморкался, поправил свою матерчатую фуражку и мотнул головой в сторону двери. – Я готов. Едем.

По трассе они ехали быстро, затем машина свернула на разбитую, извилистую улочку Харлсдена, где половина домов стояла с заколоченными окнами.

– Скоро это снесут и построят муниципальное жилье, – объяснил Билл. – Вот мы и приехали. – Он остановился перед пустым магазином на углу и указал на верхние окна, – пожалуй, единственные из тех, что они видели, – окна с занавесками. – Ему чертовски повезло, что он живет в этом районе. Если его снесут, он получит муниципальную квартиру. Для некоторых отличный вариант.

Они звонили в дверь и ждали, стучали и ждали.

– Может, Генри того – вышел? – предположил Билл.

Фин достал из бумажника пластиковую кредитную карточку.

– В обычной ситуации я бы не стал этого делать, – объяснил он свои действия. – Но тут, кажется, экстренный случай. – Он просунул карточку между дверью и косяком, открывая пружинный затвор.

За дверью сразу начиналась узкая лестница с облупившимися стенами. На полу не было никаких писем, кроме изрядной кучи рекламных проспектов и предложений услуг мини-кэба⁷⁴.

– Смотрите, пару дней почту не забирали точно, – хмуро заметил Фин и начал путь вверх.

Как и во многих подобных квартирах, здесь наличествовало три комнаты: спереди большая спальня-гостиная, кухня поменьше сзади, и совсем крошечные ванная и туалет рядом с холлом. В квартире стоял запах разложения; они сразу же определили источник – мусорный педальный

74 Мини-кэб – обычное (в отличие от черных блэк-кэбов) городское лондонское такси с машинами разной цветовой гаммы, часто украшенное рекламой, с лицензией водителя на лобовом стекле, не имеющее право подбирать клиентов по дороге. Услугами мини-кэба можно воспользоваться только по предварительному заказу.

бачок, переполненный остатками гниющей пищи. За исключением бактерий на кухне и паука в ванной никаких других форм жизни здесь не присутствовало. И вдруг, как раз в тот момент, когда Фин потянулся к ручке двери гостиной, голос в глубине произнес:

– Надеюсь, вы не это имели в виду, доктор.

Сердца их замерли, но через секунду американский акцент и приглушенный тон были идентифицированы как работающий телевизор. Они открыли дверь и вошли.

Телевизионная картинка превратилась в абстрактный рисунок, ряд сгруппированных, заключенных друг в друга черных вопросительных знаков – как иллюстрация самой обстановки комнаты, которая вызывала один вопрос за другим: полупустой чайник с заваркой и наростом плесени; пепельница с несколькими окурками и одним неповрежденным столбиком табачного пепла; газовый камин, включенный на оптимальный режим; разобранный – на ночь – постель; нетронутый слой пыли на деревянных подлокотниках; осколки чайной чашки и высохшее звездообразное пятно ее содержимого на линолеуме.

Скарабей, брошенный на кофейном столике.

И никакого Генри Форбса.

– Что с ним случилось? – прошептал Билл.

– Вот это, – ответил Фин, поднимая скарабея за шнурок двумя пальцами. – Похоже, проклятие настигло бедного Генри как раз в тот момент, когда он сидел за чашечкой превосходного чая.

Обычно малиновое, как говядина, лицо Билла приобрело бледно-розовый оттенок.

– Мне нужно работать, – внезапно произнес он. – Помните, меня здесь с вами не было. Я ничего об этом не знаю.

– Не волнуйтесь. – Фин поднес камень к свету. Отполированная поверхность блестела, как жесткие крылья настоящего жука. – Я позабочусь об этом. – Прежде чем огля-

нуться назад, он услышал, как завелся мотор, включилась передача, и машина Билла уехала.

Сыщик битый час рылся в квартире, то и дело пуская в ход свою лупу. Ни на скарабее, ни на ручке чайника не было отпечатков пальцев – странно, но не трагично. Ни под кроватью, ни на шкафу не было чемодана – необычно, но не сказать, что необъяснимо. Зубная щетка Генри, казалось, исчезла вместе с ним – весьма оригинально, но все же не зловеще.

– В конце концов, – обратился Фин к скарабею, – он мог наливать чай в перчатках; помощники гробовщиков привыкают работать в перчатках и не замечают их. Возможно, у него никогда не было чемодана или он кому-то его одолжил. И он может быть беззубым – нет, я помню эти его белые ровные показывающиеся в улыбке... зубные протезы? А ты как думаешь?

Скарабей не ответил. Нажав на педаль, сыщик еще раз заглянул в мусорный бачок, после чего закрыл входную дверь квартиры Генри, шагнул на улицу и, насвистывая, отправился искать телефонную будку.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КЛАДЕСЬ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ РИФОРМЫ

– Инспектор Гейлорд?

– Гейлорд слушает. Алло?

– Алло, – сказал третий голос на линии. – Это «Фунт изюма»?

– У телефона старший детектив-инспектор Гейлорд. Говорите.

– Это Теккерей Фин, инспектор. Я...

– Я пытаюсь дозвониться до магазина «Фунт изюма» мистера Перкина. Алло?

На второй попытке Фин узнал, что номер телефона Скотланд-Ярда не обслуживается. На третьей, однако, чудо современных систем связи сработало. Он смог поговорить с Гейлордом на полпути через Лондон, порадовав его сообщением о новом исчезновении.

– Дьявольщина! – выругался полицейский.

– Что ж, подходящее название для всего дела.

– Я сам начинаю верить в этого проклятого жука.

– Инспектор, могу вас заверить, что дни вашего проклятого жука сочтены. Он больше не потребует жертв – ну, разве только еще одной, а затем внезапно потеряет свои чары навсегда. Кстати, вы получили тот образец, который я вам послал?

– Получил. Лаборатория уже поработала с ним. Никаких металлических ядов, никаких летучих ядов, никакой щавелевой кислоты – ничего, кроме крови и завтрака. Они говорят, что миссис Уэбб либо наглоталась бритвенных лезвий, либо, что более вероятно, у нее язва. Или, возможно, рак.

– То же самое мне сообщили из анонимных медицинских источников. Есть еще новости?

– Есть. Мы проверили алиби Нэнси Мичи на момент совершения обоих убийств. Выглядят они достаточно убедительно, если только Дуди не врет.

– Для меня это не является неожиданным.

– И мы узнали, что Морис Уэбб...

– Молчание, инспектор, молчание. Позвольте мне попробовать догадаться самому. Вы обнаружили, что теория Дока насчет Мориса Уэбба неверна. Так?

Гейлорд кашлянул.

– Ну, так. И как вы это поняли?

– Все это есть в письме Дока. Его теория полностью основана на предположении, что Дэйв видел Уэбба в Солсбери 7 августа 1960 года, в свой одиннадцатый день рождения. Дэйв его не видел.

– Не видел? Почему?

– Потому что закон, энактированный в 1600-х годах, о запрете проведения театральных представлений по воскресеньям тогда еще не был отменен. Его отменили в 1972 году. Одиннадцатый день рождения Дэйва пришелся на воскресенье, так что он не мог видеть Уэббов в качестве своего ежегодного «гостинца». Все это есть в письме.

– Может быть. Конечно, Док должен был принять это во внимание. У Дэйва, наверное, и раньше были дни рождения по воскресеньям.

– Да, его шестой был в воскресенье, но Док пишет, что гостинцы на дни рождения начались годом позже. Бедный Док! Вся эта работа по доказательству ложной теории! Не говоря уже о том, что тебя удавили, как щенка.

Гейлорд, помолчав, сказал:

– Может, Дэйв получил свой гостинец на следующий день?

– На следующий день Уэббов не было в Солсбери. Они зарезервировали ангажемент на неделю, с первого августа. Конечно, гостинец мог случиться на день раньше, но

это делает историю Солсбери слабой и надуманной. Максимально разрушительной для сложной теории Дока. Я думаю, что Дэйв Лодердейл никогда не видел Мориса Уэбба.

– Полагаю, вы правы, – сказал Гейлорд. – По более веской причине. Уэбб жив и здоров, но он за границей.

– За границей? Где?

Как раз в этот момент таксофон шумно потребовал еще денег, зажевав ответ полицейского.

– Вы меня слышите? Я сказал...

– Не трудитесь, инспектор, я в силах догадаться. Вероятно, ответом служит тропическая птица на марке того письма. Что-то мы с вами сегодня долго. Мне нужно вернуться в дом, пока не стало слишком поздно.

– Слишком поздно? Слишком поздно, чтобы предотвратить еще одно убийство?

– Нет, слишком поздно для еще одного убийства. Абсолютно необходимо, чтобы произошло еще одно убийство. До свиданья, инспектор. – Фин быстро повесил трубку во избежание последующих вопросов. В конце концов, настоящие сыщики должны оставлять озадаченных полицейских с длинными гудками.

Затем он позвонил человеку в Британский музей, Отдел египетских древностей, и описал ему скарабея.

– Как вы думаете, это может быть похищенным имуществом?

– Несомненно, – сказал эксперт. – Сердечные скарабеи таких размера и качества, которые вы описываете, довольно редки. Их не может быть много в обращении.

– Почему «сердечный»?

– Египтяне обычно клали их в саваны мумий над сердцем. Позже они открыли само сердце и поместили камень внутрь. Вы знаете что-нибудь о египетской религии?

– Да, – ответил Фин. – Кое-что. Хепри, навозный жук, должен был каждый день катить солнце по небу.

– Верно. В их представлении навозник – это некий священный двигатель, управляющий всем в верхнем мире. И

сердце, похоже, тоже воспринималось чем-то вроде двигателя, понимаете?

– А надпись на обороте?

– Конечно, мне бы хотелось взглянуть на нее, чтобы быть уверенным, но у нас в музее есть похожий образец большего размера и, я подозреваю, гораздо лучший. Датируется примерно 1300 годом до нашей эры. Надпись на обороте нашего скорее демотическая, чем иероглифическая, и я полагаю, что ваша во многом идентична ей.

– Случайно, это не проклятие?

– Нет, это цитата из Книги мертвых, в той или иной мере объясняющая, как сердце снова оживет в посмертии, или загробном мире. Вы говорите, что ваша надпись занимает десять строк; наша тоже, я уверен, что они идентичные. Знаете, несмотря на популярную идею, египтяне накладывали проклятия не чаще, чем мы, современная цивилизация.

– Я знаю, – сказал Фин. – Однако я должен был спросить. Как вы думаете, он мог пропасть из музея?

– Возможно. Посмотрите на обороте жука – нет ли там мазка краски с номером на нем.

Фин посмотрел.

– Нет, но видно, что тут что-то соскоблили и довольно грубо. О, может быть, у вас есть списки украденного имущества? Кража должна была произойти приблизительно год назад или немногим более того.

– Минуту. – Египтолог вернулся через несколько минут: – Похоже, это музей Гиллингтона в Блиндфорде. Украден одиннадцатого января прошлого года. Маленький музей, вероятно, без особых мер безопасности. Могу предположить, что кто-то просто поднял стекло и взял его.

– Блиндфорд, это где?

– Недалеко от Плимута, крошечная деревушка.

– Плимут? Прекрасно. Но как в крошечной деревушке оказался столь ценный экспонат, мистер Эндрюс?

– О, у них довольно приличная коллекция, хотя и небольшая. Я видел ее. Смею полагать, у вас в руках, мистер Фин,

один из лучших сердечных скарабеев в Британии. *Очень ценный.*

– Насколько ценный?

– Я не могу судить. Такой запросто может стоить сто и даже *сто десять фунтов!*

По возвращении в общину Фин сразу поднялся наверх, чтобы навестить лежащую больную. Эрнестина читала ей мудрствования стародавней мадам Блаватской, но ему удалось добиться приватной аудиенции.

– Вы выяснили, кто мне давал яд? Обкрадывал меня и предавал?

– Не совсем, миссис Уэбб. Зато я выяснил некоторые вещи, о которых я, вероятно, по вашему представлению, не должен был знать. Например, о похоронном бюро Роуздейл.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. – Она уставилась в окно.

– Они снабжали вас информацией для ваших сеансов. Мне поподробнее?

Она стиснула свои мощные челюсти и ничего не сказала.

– Когда умерла жена Брюса Данка, он поссорился с родственниками на похоронах – организованных в Роуздейл. Ваши духи моментально обо всем прознали. Когда близнецы Блейз потеряли своего брата, ваши духи моментально прознали, что происходило на его похоронах – организованных в Роуздейл. И когда мать Алана Форстера умерла, обручальное кольцо с ее пальца...

– Вы ничего не знаете об аппортах, – огрызнулась она.

– Я знаю, что они являются духовными проявлениями материальных объектов, способных перемещаться космическими силами, проникать сквозь непроницаемое и так далее. Но в данном случае аппорт сделал крюк. По пути из завинченного гроба к вашему столу для спиритических сеансов он на некоторое время остановился в вашем кар-

тотечном шкафу в кабинете наверху. В любом случае не будет ошибкой предположить, что кто-то, работающий в Роуздейл, снял кольцо как раз перед тем, как гроб был закрыт.

– Пожалуйста. Я не очень хорошо себя чувствую. Как вы можете так мучить меня, мистер Фин?

– Я искренне сострадаю вам, поверьте. Но для нашего общего блага мне необходимо задать эти вопросы. Также я узнал, что ваш бывший муж, Морис Уэбб, жив. И живет, полагаю, в Солсбери. В том Солсбери, который, если не ошибаюсь, в Родезии⁷⁵.

Пожилая женщина, – определенно выглядевшая старше, чем за все эти дни, проведенные с Финном, – с полминуты смотрела на него, затем отвернулась и заплакала. Ее рыдания убедили его, что сыщики действительно, как многие говорили, подонки и ублюдки. Тем не менее, когда ее слезы иссякли, он продолжил.

– Миссис Уэбб, не хотите ли вы рассказать мне о Морисе?

– Он бросил меня почти двенадцать лет назад. Сначала я не могла в это поверить, в голове вертелась мысль, что с ним, должно быть, произошел какой-то ужасный несчастный случай: потерял сознание – попал в больницу – умер. Вместо того, чтобы, как те полоумные, бежать обзванивать полицейские участки и морги, я предпочла связаться с ним экстрасенсорными средствами. Позже, когда я узнала, что он жив, я развелась с ним.

– Но тогда же вы создали Мориса – «хозяина»⁷⁶ – как часть своего репертуара.

– Нет, все было не так, – упорствовала она и, высморкавшись, продолжила: – Я действительно общалась с ним, я никогда в этом не усомнюсь. Но я верю, что это, должно быть, его *ка* был материализован мною. *Ка* – это та часть

75 Непризнанное государство, существовавшее с 1965 по 1979 год и располагавшееся в Южной Африке на территории британской колонии Южная Родезия и современного государства Зимбабве.

76 Дух, который вещает устами медиума.

души, которая может покинуть тело еще при жизни⁷⁷. Тем не менее это был настоящий Морис. Не сегодняшняя модификация, живущая в Родезии. Не Морис предатель. Но тот прежний, идеальный Морис, нежный и заботящийся...

О, я знаю, вы думаете, что я старая шарлатанка, обманывающая своих доверчивых клиентов. Но вы ничего не знаете о Другом Мире. Видите ли, у меня действительно есть сверхъестественные способности. Я действительно вхожу в состояние транса и разговариваю с теми, кто ушел из жизни. Просто иногда это бывает трудно. Силы так хрупки, так легко блокируются неверием. Время от времени мне нужна небольшая помощь. Информация, если хотите. Просто чтобы помочь мне преодолеть скептиков и посрамить моих врагов. Просто чтобы дать тем, кто верит, знак веры.

– Кто информатор в Роуздейл?

– У меня нет информатора в Роуздейл, мистер Фин. Позвольте мне рассказать вам, кто мои источники. Время от времени мне помогали другие медиумы. Люди, которые понимают мою проблему. У меня есть много источников в Другом Мире, которые говорят со мной и направляют меня, когда я одна.

– А источник информации о Роуздейл – кольцо?

– О, это подарок моего любимого эфирного существа. У меня есть основания полагать, что это дух усопшего представителя древней расы, возможно, древнего человека с Марса. Нет, вы можете смеяться, но я много раз разговаривала с ним, по телефону. Он и прислал мне кольцо.

– Мне кажется, я понял, – мягко сказал Фин. – И я конечно же верю в вашего марсианина.

77 Ка – в религии древних египтян – дух человека, существо высшего порядка, олицетворенная жизненная сила, считавшаяся божественной. После смерти человека Ка продолжал своё существование внутри гробницы и принимал подношения, проходя в часовню через «ложную дверь».

За ужином бесчувственный детектив, казалось, пребывал в прекрасном расположении духа. Словоохотливый, одетый в красную рубашку с открытым воротом и нелепого вида оксфордские баги⁷⁸, он держался подальше от кровоточащих ран недавних трагедий, рассказывая о звучных нелепостях в историях со знаменитыми литературными сыщиками.

– Простой пример – блуждающее ранение доктора Ватсона, – говорил он. – Полагаю, все это знают. Или известный случай, когда Шерлок Холмс, исследуя следы велосипедных шин в болотной грязи, довольно ловко вычислил, в какую сторону ехал велосипед. Насколько помнится, его вывод основывался на том, что *след задней шины всегда перекрывает след передней*. Я никогда не понимал, как это помогло ему определить, двигался велосипед на запад или восток. Но даже у сыщика, с которого списан Холмс, гениального Огюста Дюпена, были свои неудачи...

После ужина компания переключалась в гостиную, где Фин предложил провести спиритический сеанс с уиджей⁷⁹.

– Я знаю, что все вы с удовольствием примите в нем участие, – сказал он и, не дожидаясь единодушного одобрения, бросился в кабинет за доской и указателем.

Спиритическая доска открыто лежала на полке, а вот указатель, маленькую планшетку в форме сердечка на колесиках, пришлось извлекать из беспорядочной кучи, сдвинутой на край стола. Колесико, угодив в лоток, запуталось в скоплении резинок, и одна, особо толстая, наматалась на ось. Пока он разбирался с ней, – кропотливая работа, поскольку у миссис Уэбб, по-видимому, была при-

78 Букв. мешки; свободные, мешковатые брюки. В Британии часто «Оксфордские мешки» носили с обувью на высокой подошве.

79 Уиджа (англ. Ouija board) – доска для спиритических сеансов вызова душ умерших с нанесёнными на неё буквами алфавита, цифрами от 0 до 9, словами «да» и «нет» и специальной планшеткой-указателем.

вычка страдающего от безделья канцеляриста скручивать резинки вместе, – он осмотрел кучу целиком. Повинуясь порыву, он вытащил из нее волшебную лозу – раздвоенный ивовый прут – и прихватил с собой.

– Я едва не упал, спускаясь по лестнице с такой ношей, – сказал он, загоня толпу в комнату для сеансов. – Эти баги, я мог бы спрятать в них пару коротких автоматов и один обрез. Тем не менее хотелось постаромоднее.

Нэнси кивнула.

– Угу, они вышли из моды год назад.

– Правда? А я думал лет сорок. Как быстро бегут года, когда ты приятно проводишь время. Вот мы и пришли. – Он свалил ношу на стол для сеансов. – На всякий случай прихватил еще волшебную лозу, поскольку надеялся, что Стоуни окажет нам любезность небольшой демонстрацией. Я, не поверите, никогда в жизни не видел, как пользуются рогулькой или проволокой.

Стоуни попытался отнекиваться, но общими усилиями его удалось уговорить.

– У меня нет уверенности, что это применимо в данных условиях, – наконец объяснил он свое нежелание. – Требуется некоторое время, чтобы настроиться на фоновое излучение. Однако я покажу вам, как это работает, когда это действительно работает. – Он схватил рогульку за оба ответвления и вытянул прямо перед собой. – Видите? Концы надо держать вот так и сгибать, чтобы поддерживать натяжение спереди. Потом...

Лоза неволебно сломалась, и Стоуни чуть не упал. Фин бросился на помощь.

– Оп, слишком перегнули. Ах вот в чем беда. – Фин поднял сломанный конец. – Кто-то в этом месте сделал зарубку. Хм, зарубки на обоих концах. Видимо, это и ослабило рогульку.

Священник, нахмурившись, осмотрел сломанный конец.

– Странно. Я никогда не замечал этого раньше. Зарублено для удобного хвата, полагаю, прежним владельцем. Видите ли, я покупаю только тот инструмент, который положительно проявил себя в практической биолокации. Однако странно, что он не сломался раньше.

– Может, кто-то пошутил? – предположил Фин.

– Все это очень занимательно, – вмешался Хакель. – Но если комедийная часть закончена, я бы хотел увидеть следующий акт.

– Кстати об актах, – сказал Фин. – Пользуясь случаем, я хотел бы пригласить всех на собственное небольшое представление. Точная дата пока неизвестна, но скоро я проведу сложный йогический эксперимент в Садах Кью⁸⁰.

– *Эксперимент* какого рода? – вопрос Хакеля прозвучал настороженно.

– Увидите. В свое время вы все узнаете. – Покончив с загадочным анонсом, Фин потер руки. – Ну что ж. Пусть царствуют космические силы. Есть желающие записывать сообщения?

– Мой блокнот всегда со мной, – подала голос Эрнестина, поднимая блокнот для стенографии.

– Превосходно!

Хакель выглядел удивленным.

– О, превосходно. Всем хорошо известно, что слово *ouija* состоит из двух «да»: французского *oui* и немецкого *ja*, но мы ответственно и со всей тщательностью зафиксируем каждый слог несуразницы на бумаге. Я не могу придумать более подходящего названия для этой маленькой игры в подтасовку.

– Это, знаете ли, не совсем справедливо, – сказал Стоуни.

– Несправедливо, – согласился Данк. – В прошлый раз мы получили несколько чертовски интересных посланий. От этого эскимосского малого, Нукнука, и еще кого-то, не помню.

80 Королевский ботанический сад Кью в Лондоне – Кью-Гарденс, или Сады Кью.

– Послушайте меня! – Хакель хлопнул ладонью по столу. – Мы спорили об этом сотни раз. Я устал объяснять, что перемещения указателя вызваны никак не потусторонними силами. Они вызваны движениями наших рук – незаметными бессознательными толчками, которые мы называем идеомоторными движениями.

Данк хихикнул.

– Я чертовски плохо разбираюсь в психологии идиотов, – сказал он. – Но я знаю, что доска работает!

– Совершенно верно, – откликнулся Стоуни. – Даже если допустить, что движения вызваны нашими руками, что направляет наши руки? Вы говорите, бессознательный разум. Но я заявляю, что бессознательный разум сам может обнаружить присутствие тонких эманаций...

– Я и говорю, давайте попробуем, – вмешался Фин. После реплики Данка «Правильно-правильно» они приступили к спиритическому сеансу. Эрнестина собрала обломки волшебной лозы, положила их на карточный столик в алькове и села, приготовившись записывать. Даже Хакель не отказался положить свою лапищу на указатель вместе с остальными.

Первым проявился дух убийцы президента Кеннеди, который представился мистером Джеблом. Данк спросил его, где он родился, – более чем намекая, что это Африка, – и Джебл ответил: *Огайо*. Изобразив рукой касание указателя, Фин попросил Джебла назвать столицу Огайо.

Крстср, сообщил указатель, затем *Бостон*.

По мере увеличения числа духов, выходящих на связь, росла и заинтересованность заседающих в получении сообщений и их расшифровке. Они быстро разобрались, усилиями Данка, что *Нортс* нужно читать как Нострадамус, а *Фгед* – как христианское имя⁸¹ снежного человека. Однако

81 Христианское имя – имя, данное человеку при крещении, или просто имя человека.

провансальский провидец и йети, казалось, игнорировали нормальный язык и предпочитали общаться на родном диалекте. К удивлению Хакеля, они впали в непроносимую абракадабру, совершая бессмысленные спирали по алфавиту.

– У меня есть ощущение, что Дэйв здесь, – произнес Фин. – Дэйв, это ты?

Указатель заколебался, закрутился по спирали, ненадолго замер, а затем переместился в положение «Да».

– Ты можешь рассказать нам о своей смерти, Дэйв?

– Да.

– Что ты хочешь нам сообщить? Это было убийство?

– Да. Да. Да. – Указатель описывал небольшие дуги, тыча в «Да», пока не перешли к следующему вопросу.

– Что ты хочешь сообщить о своей смерти?

Медленно, с долгими паузами, указатель наконец выдал *Стоунхак*.

– Что это значит?

Ответа не последовало.

– Мне кажется, я знаю, – сказала Эрнестина. – Может, кто-то помнит, как однажды Дэйв на сеансе спросил Морриса о Солсбери? Что-то вроде «Свидимся в Солсбери», помните? Ну, потом мы все это обсуждали. Я помню, мы решили, что это как-то связано с Солсбери и тамошним священным местом.

– Стоунхендж! – Зализанная голова Данка подпрыгнула. – Без сомнения, он пытался сказать «Стоунхендж».

Нэнси задрала струящийся рукав, который норовил сползти и встать на пути указателя.

– Как насчет «хака»? – коротко спросила она.

– Я полагаю, – ответил Стоун, – что хак⁸² был чем-то вроде древнего камнерезного орудия, возможно, зубила, каким пользовались во времена Стоунхенджа.

82 От англ. *hack* – рубить, взламывать.

– Черта с два! – грубо возразила Нэнси. – Дэйв пытался назвать нам имена своих убийц: СТОУНи и ХАКель.

Пока изумленные мужчины искали что ответить, Фин взял слово:

– Почему бы нам не спросить самого Дэйва, что он имел в виду? Дэйв, ты пытался сообщить имя своего убийцы?

Молчание.

– Хорошо, ты говорил о Стоунхендже?

– *Не занимайтесь ерундой. Если бы я хотел так сказать, я бы так и сказал. Меня дико утомляет, как всем вам невтерпеж найти мистический смысл в моих словах. Скажи я «Бат», все моментально бы решили, что я говорю о городе вблизи священного места в Гластонбери, но хоть бы одна душа подумала о ванной, в которой я склеил ласты⁸³. Неужели вам трудно дать духу высказаться до конца?*

После такой вспышки гнева у них заняли руки.

– Кто-то развлекается, – заподозрил Стоуни.

– Чья бы корова...

Фин еще раз попросил Дэйва назвать своего убийцу и перестать валять дурака.

– *Ключи на столе.*

– Чепуха! – ответил Хакель. – На столе нет ничего, кроме доски и наших рук.

– А если карточный столик? – Фин метнулся к алькову и перебрал лежавшие на карточном столике приспособления. – Ключей довольно много. – Повернувшись спиной, он расстегнул две верхние пуговицы на рубашке. – Или имелись в виду оба стола? Давайте сложим всё это вместе и посмотрим, что нам удастся из этого извлечь. – Он перенес «ключи» на обеденный стол.

– Картонный рупор. Мандолина. Колокольчик. Сломанная волшебная лоза. Пустая грифельная доска. – Он про-

83 Ванная по-английски – «bath» (произносится как «бат»); созвучно с Bath – Бат, главный город графства Сомерсет, Англия.

демонстрировал доску, девственно пустую с обеих сторон. – И уиджа. И так, каким образом они указывают на нашего убийцу?

Эрнестина нахмурилась.

– Надеюсь, никто не обвиняет миссис Уэбб?

– Ну, это было бы слишком очевидно, – ответил Фин. – Я уверен, Дэйв не такой простак. Может быть, он хочет, чтобы мы смотрели на эти предметы как на символы.

– Грифельная доска и колокольчик могут отсылать к школам старого типа. Рупор имеет форму конуса, что может указывать на дурацкий колпак, веточка лозы – на розги. Доска с алфавитом на ней и указателем очевидным образом наводят на мысль об уроках английского языка и указке. Учитель? Профессор?

– Ой-ой-ой, я сдаюсь, – сказал Хакель. – Вот это действительно самое настоящее, самое откровенное труляля. Вы хотите мне сказать?..

– И в мыслях не было. Просто показываю, куда можно пристроить «ключи на столе».

– И все же, – заговорила Нэнси, – в этой идее что-то должно быть.

– Гораздо больше, чем мы извлекли. Колокольчик и мандолина – музыкальные инструменты. Джазовые певцы использовали мегафон как этот конический рупор. И, конечно, веточка лозы – это дирижерская палочка. Могут ли символы указывать на данс-бэнд 1930-х как на убийцу? Или, проще говоря, на *музыканта*?

– О, – произнесла Нэнси очень тихо.

Стоуни задумался.

– Действительно, нелегкая задача. Кто бы это мог быть? Профессор или музыкант?

– Почему же только они? – Фин поднял веточки волшебной лозы, соединяя их в рогульку. – Сей инструмент может указывать сразу в трех направлениях, как и наши ключи. Мандолина – итальянская, конический рупор напоминает

колпаки еретиков, которых казнила римская церковь. Колокольчиками, полагаю, инквизиция выгоняла из жилищ и проклинала ведьм, а на грифельной доске писала ведовские грехи, чтобы все на площадях видели, за что их сжигают. – Он разломал веточки на части. – На таком вот хворосте. Мог ли убийца быть человеком, связанным с религией? Священнослужителем? Особенно, если он еще и *водяной колдун*?

Эрнестина высказала свое мнение:

– Но это также может указывать на еретика. То есть отвергающего веру. – Она посмотрела на Хакеля. – Профессор, который играет на пианино.

– Да хватит вешать на меня всех собак! – взорвался Хакель, вскакивая. – Я не верю в *вашу чепуху*, я профессор и я действительно играю на пианино. Ну и что? Я не убивал Дэвида Лодердейла. Человек, который убил его, сидит тут.. разыгрывает из себя христову невесту!

Брови и клыки Стоуни пришли в движение, но язык онемел.

– Я точно могу сказать, как он этот сделал, – бушевал Хакель. – Он забрал у Дэвида пакетик с наркотиком и положил к себе в карман. А потом достал оттуда дубликат. *Пакетик с ядом!*

– Я... Я совершенно бессилён что-либо сказать, – выдохнул Стоуни. – Но вы заблуждаетесь, профессор. Вы, должно быть, заблуждаетесь.

Нэнси хотела что-то сказать, но Фин заговорил первым.

– Не слишком ли много значения вы придаете простым вещам? Я всего лишь предложил несколько объяснений нашей небольшой коллекции ключей, и все вы пришли к нездоровым выводам. Более того – ошибочным. К каким бы выводам вы пришли, если бы я поработал с подобными ключами? – Схватив карандаш и стенографический блокнот Эрнестины, он быстро написал печатными буквами, выделив жирным некоторые из них:

ГРИФЕЛЬНАЯДОСКА
УИДЖА
КОЛОКОЛЬЧИК
ВОЛШЕБНАЯЛОЗА
КОНИЧЕСКИЙРУПОР
МАНДОЛИНА

– Эрнестина что ли? – неуверенно спросила Нэнси.

– Я бы не спешил конкретизировать. Приступая к этому делу, я в первую очередь определил круг подозреваемых, или, как мы, детективы, любим говорить – «список подозреваемых». Поначалу в него входили все члены общества. Теперь в нем не осталось никого. Ни миссис Уэбб. Ни меня, естественно, тоже.

– Тогда кто, черт возьми, это сделал?! – спросил Данк, приглаживая свои напомаженные волосы. – И что означает весь этот чертов трёп про «ключи на столе»?

– Это не *мои* ключи, – заметил Фин. – Спросим Дэйва. – Он отодвинул атрибутику в сторону и дотронулся кончиками пальцев до планшетки. Когда другие сделали то же самое, он задал вопрос: – Дэйв, мы все еще теряемся. О каком ключе ты говоришь?

Покачиваясь, указатель написал: *Грифельная доска.*

Фин положил руку на грифельную доску. Когда он склонился над столом, какой-то предмет на шнурке выскользнул из-под его расстегнутой рубашки и стукнулся о столешницу. Позже остальные заметят, что это был скарабей, но сейчас все их внимание занимала грифельная доска. Фин медленно перевернул ее.

Надпись, выставленная на всеобщее обозрение, была сделана простыми печатными буквами. Эксперт по почерку, без колебания, мог бы свидетельствовать, что это была работа не Дэйва Лодердейла. Писала рука, которая до этого строчила в блокноте Эрнестины. Послание гласило:

ХАКЕЛЬ ЛЖЕТ

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ШОКИРУЮЩЕЕ ЗНАКОМСТВО

Это зимнее утро над Садами Кью было примечательно тем, что небо полностью отсутствовало – никаких отвлекающих факторов над верхушками деревьев в виде солнца, птиц, облаков или красок. Присутствовало лишь несколько мутноватых пятен, где такие детали были размыты, но они почти не улавливались привычным глазом. Дело не в привычке того или иного глаза заглядываться на пустоту вверху – лондонцы редко ободряются в отношении погоды.

Однако посетители, которые в то утро игнорировали отсутствие синего цвета над Садами Кью, быстро заметили людей в синем у ворот сада. Тех, кто приходил в парк подурачиться в драчливой возне со своей собакой, уединиться с возлюбленным или почитать таблички с латинскими названиями деревьев, исключительно мало волновали небесные пейзажи или Констебли и, наоборот, вызывали пристальный интерес констебли и – потенциально – беглые арестанты.

– Похоже, опять какие-то налетчики сбежали из Скрабз⁸⁴, – предположил кто-то, и слух пронесся среди любителей собак, латыни и промеж влюбленных.

Немногие из них просочились в отдаленный уголок парка, где должна была свершиться акция. Власти Кью неуклюже смирились с мыслью, что в их раю вырыли яму, и в нее опустили гроб, пока играла музыка и толпа расселась под

84 Лондонская тюрьма Уормвуд Скрабз.

шатром, чтобы лицезреть. Но никто не позволили бы этому случиться на виду у всех, будь то представитель человеческого общества или ботанический образец. Вместо этого весь цирк забился в самый глухой, заросший сорняками, угол, прикрытый линией тополей, и велел приглушить музыку, дабы не привлекать фургоны мороженщиков.

Под шатром в красно-белую полосу стояли шезлонги для этерианцев, их друзей, нескольких репортеров и тех немногих праздных наблюдателей, что вооружаются газетами и носят полицейские башмаки. Минуту назад рядом с креслом миссис Уэбб присел на корточки радиореporter, держа в руке миниатюрный микрофон.

– Можете не сомневаться, – сказала она, – он умрет ужасной смертью. Йогу требуются годы и годы упорных тренировок, прежде чем хотя бы попытаться сделать нечто подобное. Дилетанты и дураки не должны заигрывать с силами, о которых ничего не знают.

Эрнестина не была столь категорична.

– Было бы благом для Общества, если бы он справился с этим, – рассудительно заметила она. – Но три дня кажутся слишком большим сроком.

– Огромное вам мерси, дамы. – Репортер остановил пленку, посмотрел на часы и быстро зашагал к воротам, уже думая о своих следующих интервью. До обеда он едва успевал втиснуть пробег молочников Лондон-Брайтон и человека, который утверждал, что патологически ненавидит вязы. К тому времени, когда он споткнулся об оттяжку небольшой марокканской палатки, он уже забыл об Обществе Эфирной Мандалы.

Небольшая палатка, расположенная в десяти ярдах от шатра, укрывала вырытую могилу и новый гроб, сделанный под бронзу, который предоставило похоронное бюро Роуздейл. Гроб целую неделю простоял в доме этерианцев – вплоть до вчерашнего вечера, когда Фин поспешил отвезти его в сварочный цех для внесения некоторых из-

менений в последний момент. Вход в палатку с откинутым пологом охранял констебль. Табличка рядом с полицейским предупреждала: «ОСТОРОЖНО, ПОГРЕБЕНИЕ ЗАЖИВО».

Было холодно. Привилегированная публика под шатром, поглядывая на свои часы, продолжала с завистью взирать на съёмочную группу телевидения, которая табором караулила на лужайке, закутавшись в два-три слоя меховых одежд. Фин опаздывал, и репортер из лезерхедской «Ситизен» начал заключать пари на то, что он вообще не появится. Человек из «Псайкик Экспресс» размышлял, как легко они примут это пари, в то время как другие репортеры расправляли капюшоны своих дафлкотов⁸⁵, настраиваясь на сонное ожидание.

Миссис Уэбб поправила меховую шапку и очнулась от дремоты.

– Шезлонги сейчас в самую пору, – со свойственной ему язвительностью заметил Хакель. – Напоминает пересечение Атлантики в середине января.

– Вы только посмотрите, что делает ветер, – сказала Нэнси, имея в виду свои волосы, и переходя к Фину добавила: – Куда он вообще пропал?

Прочие этерианцы оправились от новизны ситуации, когда их насильно поместили сюда, в публичное пространство, как экспонаты гигантской выставки: Стоуни читал, Эрнестина упражняла зрение, сестры Блейз, оставив свои сумочки на стульях как ориентир, слонялись вокруг и раздавали листовки, осуждающие эксперименты на животных. Алан и Джейн Форстеры побрели к воротам, где, как им показалось, они слышали дребезжание фургона с мороженым. Данк прервал разговор с телевизионщиками на Нострадамусе, чтобы посмотреть им вслед.

– Мороженое! В такой день, как сегодня! – прокомментировал он. – Капелька бренди больше подходит, нет?

85 Особое шерстяное пальто для повседневной носки с накладными карманами и костяными пуговицами-клыками.

– Я ничего не говорил, – сказал телевизионщик и поднялся, чтобы еще раз измерить расстояние от своей камеры до палатки.

Тем временем камеры туристов почему-то защелкали быстрее. Для одного из владельцев собак это был единственный способ удержать своего питомца от жевания израсходованных кубиков молнии⁸⁶. Еще две собаки готовились затеять грызню; продавец воздушных шариков на всякий случай отошел от них подальше. Один поток людей теперь двигался от Пальмовой Оранжереи, другой – от ворот. Прибой человеческих голосов угрожал заглушить воинственную музыку, льющуюся из двух динамиков на шатре; белое море оберток от мороженого и скомканных агиток против вивисекции колыхалось на траве.

Прибыл Фин. Издалека он поначалу казался черной фигурой с тыквой вместо головы. По мере приближения, фигура превращалась в высокого человека в черном плащенакидке и чрезмерно громоздком красном головном уборе. И наконец, когда человек подошел к микрофону и сбросил накидку, перед всеми предстал он, Теккерей Фин, индийский маг в вечернем костюме и массивном красном тюрбане с голубым драгоценным камнем.

– Что с ним делает помощник моего магнетизёра? – недоумевала миссис Уэбб. – И когда он успел отрастить бороду?

Кто-то из массовки тоже узнал Бикера, но не мог вспомнить имя этой щекастой физиономии...

Пока ассистенты наводили порядок в палатке, Фин включил микрофон. Его голос витал над маршем Сузы⁸⁷.

86 Фотовспышка, представленная фирмой «Сильвания» в 1965 году – пластиковый кубик-кассета на четыре лампочки-молнии. После каждого кадра кубик вращался вручную или автоматически. После четырех вспышек кубик молнии считался израсходованным и отстреливался.

87 Национальный марш США, звучащий во время публичных выступлений президента, был написан в 1896 году композитором и дирижером Джоном Филипсом Сузой.

– Дамы и господа! Сегодня вам выпала честь стать свидетелями приема древней йоги, который еще никем и нигде не демонстрировался в западном мире! *Погребение заживо!* При соблюдении самых жестких научных требований я войду в этот гроб, который вы видите позади меня, герметично запечатаю его снаружи и опущу в эту могилу! Я буду покрыт толщей утрамбованной земли весом в две тонны! В этом запечатанном гробу, в котором достаточно воздуха, чтобы человек прожил не более пяти часов, я проведу полноценных три дня и выйду из него невредимым!

А теперь доктор Эрленмайер, уважаемый консультант, объяснит медицинскую сторону этого сложного и опасного эксперимента.

Бикер, уже стоявший в белом медицинском халате, взял микрофон.

– Человеческому организму обычно требуется от двух до трех кубических футов обычной воздушной смеси в час. Но в йогическом трансе, когда дыхание и кровообращение останавливаются...

«Медицинская сторона» на самом деле была двухминутной преамбулой для создания интриги. Фин воспользовался ей, чтобы подойти к своим этерианским собратьям и обратиться к ним с последними наставлениями. Все три дня они должны были не сводить глаз с его могилы, дежуря по двое каждые четыре часа.

– Кто первый? – спросил он Эрнестину.

– Мистер Данк и Нэнси. Потом профессор и я. Миссис Уэбб участия не принимает. Она не выносит холода.

– О, дело не в этом, – сказала медиум, бросив на йога острый взгляд. – Я не против пожертвовать своим здоровьем, но зачем это делать ради какого-то *цирка*. Я надеюсь, вы понимаете, какой вред вы наносите нашему движению, мистер Фин. В случае вашей неудачи, мы станем посмешищем для всей страны, а если вы умрете, нас вообще посадят за решетку.

– Ну, а если я добьюсь успеха?

– Успех предназначен тому, у кого есть истинное видение. Вы не йог. Вы даже не очень хороший детектив. Уму непостижимо, обвинять профессора Хакеля!

– Я не обвинял. Обвинял Дэйв.

Она отвела взгляд.

– Неважно, вы преследовали своими инсинуациями почти всех нас, а это еще хуже.

– Преследовал? – Фин дотронулся до скарабея, который висел, как украшение, на его накрахмаленной манишке. – Возможно, для меня настал час развеять все инсинуации. Помимо прочего, данная экстрасенсорная демонстрация должна доказать невиновность Стоуни.

– Я слышал, мое имя поминают все? – Священник вытянул шею, обнажая клыки.

– Я всего лишь сказал, что данная демонстрация должна, в том числе, доказать вашу невиновность. Вы помните, что я говорил о проклятии скарабея? Согласитесь, картина представляется несколько нелогичной, когда скарабей, скажем, щадит вас, но убивает других владельцев. Я намерен показать, что никакого проклятия не существует. Я ношу скарабея во время своих похорон.

– Проклятия не существует? Позвольте вопрос – как вы это вычислили?

– У меня не так много времени, но давайте проследим историю скарабея с теми фактами, что мы о нем знаем. Он был у Дэйва, и тот умирает от яда. Следующий – Док, исчезает и найден задушенным. Стив носит его, парит в воздухе и разбивается насмерть.

Внимание этерианцев тем временем переключилось на белые перчатки Фиана, где шел отсчет жертв.

– Он был у вас, вы исчезаете и вас находят без сознания. Пятый человек, у которого скарабей оказался, тоже исчез. Вы понимаете, к чему я клоню?

– Что это действительно проклятие? – предположила Нэнси.

– Нет. Что на самом деле *проклятия никакого нет*. Потому что правила нарушены. Среди жертв есть один лишний.

– Стоунхаус?

– Нет, Дэйв. Почему проклятие не убило его чудодейственным способом? Почему он был убит без свидетелей, в незапертой комнате, со свободно открывающимся окном, без прохождения сквозь стены, парения в воздухе и всего остального, столь же чудодейственного?

– В конце концов, даже у проклятий есть правила, – продолжил Фин. – Если проклятие одинаково чудодейственно в отношении всех, то что не так Дэйвом? А то, что смерть Дэйва была убийством без продолжения, вот и все. Икс убил его, потому что не намеревался убивать дальше. Только когда Икс обнаружил, что ему придется убивать других, история о «проклятии» стала удобной, *поэтому* были устроены чудеса. Док неоправданно много узнал о смерти Дэйва, *поэтому* его пришлось убрать. Стив неоправданно много узнал о смерти Дока, поэтому... он тоже замолчал.

– Я никак в толк не возьму, – рассуждал Стоуни. – Вы хотите сказать, что я что-то узнал, поэтому была предпринята попытка заставить меня замолчать? Поскольку, могу вас заверить, я ничего не узнал, меня, естественно, не могли заставить замолчать.

– Стоуни, вы просто оказались не в том месте и не в то время. Было абсолютно необходимо отделаться от вас в часовне в тот конкретный вечер. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, на это нет времени. Пока скажу лишь одно: у Икса появился шанс одновременно усложнить головоломку и отточить последние детали, попутно убрав вас с дороги.

– Но кто этот Икс? – спросила Эрнестина.

«Доктор Эрленмайер» закончил выступление, и из динамиков грянул марш «Под двойным орлом» в исполне-

нии духового оркестра. Фин артистически изящно подошел к гробу, помахал рукой, улыбнулся и забрался внутрь.

Бикер и другие ассистенты опустили крышку, завили ее и заклеили стык широким скотчем. Потребовалась всего минута, чтобы опустить гроб в глубокую могилу. Как только с лопат упали первые комья земли, стуча по крышке, съемочная группа телевидения завершила эту часть своего документального фильма. Перед камерой возник молодой человек с микрофоном и грустно посмотрел в объектив.

– Итак, это свершилось. Мистер Фин в земле, но покоится ли он с миром? Ответ мы получим через три дня – символически сосчитаем до трех, и да поможет бог ему воскреснуть. Последний эксперимент Общества Эфирной Мандалы закончился трагедией. Дождемся ли мы на этот раз другого финала? Опять же, покажет только время. Но даже время не способно ответить на действительно важный вопрос об этих наших друзьях с фантазией: чего они хотят от нас – нашего уверования или наших денег?

Прозвучала команда: «Стоп, камера!», и группа начала собираться.

– Я буду ждать вас в шестичасовых новостях, – крикнул им Данк. Члены съемочной группы улыбнулись и кивнули, не потрудившись объяснить, что они не новостные репортеры, а документалисты, снимающие фильм «Выходные с экстраординарным». Завтра они отбудут во Францию, чтобы помочь другой секте отслеживать в небе *сукуп волянт*⁸⁸.

Невидимый оркестр закончил играть «Под двойным орлом», и начался демонтаж системы громкой связи. Случайные зеваки нестройно поплелись кто куда. Миссис Уэбб отправилась домой, проклиная американских охотников за рекламой. У Стоуни была намечена встреча за обедом.

88 Летающие блюдца (фр.), то есть в привычном понимании – летающие тарелки.

Форстеры ушли, а сестры Блейз уткнулись в расписание поездов. Спустя полчаса после похорон толпа поредела наполовину.

Брюс Данк вернулся с обеда согрешившимся и повеселевшим, с фляжкой в нагрудном кармане. Нэнси закурила латуковую сигарету⁸⁹ и откинулась назад, пуская дым носом и уставясь в небо.

– Тебе не обязательно оставаться, – сказала она Эрнестине.

– Я знаю. – Она развернула остаток вязания и разгладила его на колене. – Но здесь так тихо. Я все равно посижу часик.

– Ну, а с меня довольно, – произнес Хакель, поднимаясь со своего шезлонга. – Работа, работа, друзья, прежде всего. Совершенно не понимаю, почему я рассчитывал вернуться к четверем.

Бикер занял освободившийся шезлонг Хакеля и открыл книгу. Время от времени он отрывался от чтения и устремлял взгляд на ничем не примечательный участок дерна в нескольких ярдах от могилы. Сзади ему в затылок смотрели глаза, выглядывая поверх газеты. Потянулись голуби и старики – последние пришли, чтобы покормить первых. Прошел служащий парка, насаживая заостренной палкой одиночные островки мусора и не обращая внимания на море такого же мусора вокруг шатра.

К часу дня Данк уже спал, а Нэнси, зевая, красила ногти на ногах. Служащий парка бродил туда-сюда в отдалении. Несколько капель дождя упали на брезент. Уходящие догоняли ушедших; лишь дюжина самых стойких укрылась под шатром вместе с этерианцами, Бикером и читателями газет.

Внезапно Бикер уронил книгу и быстро зашагал к тому месту, за которым наблюдал, где смотритель парка толь-

89 Травяная сигарета, в данном случае из листьев салата-латука, без никотина.

ко что что-то проткнул своей пикой. В ту же секунду Билл Медоуз отбросил газету и указал вслед Бикеру.

– Это он, констебль! Это Генри!

Полицейский перестал фукать на собаку, обнюхивавшую могильный холмик, и поднял глаза. Потеряв шлем, он кинулся за маленьким человечком в белом халате, пытаясь короткими командами призвать его остановиться.

Ростом Бикер был вдвое меньше полицейского, находился не более чем в дюжине шагов от него и не двигался. Тем не менее констебль решил не рисковать и, с разбега вытянувшись в воздухе, захватом ног обеими руками повалил Бикера на землю.

– Стоять! Ты!..

– Проклятье!

Бикер медленно поднялся, изрыгая проклятья и держась за вывихнутое колено; констебль лежал на земле, чертыхаясь и потирая ушибленный локоть; двое мужчин в характерных спортивных пальто и твидовых шляпах детективов ринулись вперед на перехват своего клиента; испуганная собака быстро помочилась в потерянный шлем и улизнула. И все старания ни к чему не привели.

Билл сорвал с головы кепку и махал ею, словно полицейские находились в полумиле от него:

– Не его! Не его! *Ego!*

Служащий парка тем временем удалялся все дальше и дальше. Теперь он перешел на бег. Казалось, он улыбался им в ответ, хотя, скорее всего, ровные белые зубы были стиснуты в гримасе паники. Еще до того, как погоня стартовала, он, должно быть, понял, что шансов мало – два детектива, констебль и старший полицейский чин (с беговой газетой в руке) недвусмысленно оживились по поводу его персоны. Генри замедлил бег и остановился.

Первыми до него добрались детективы. Гейлорд догнал их, когда они уже заломили руки мужчине. Один, казалось, пытался его куда-то вести, другой – изо всех сил удерживать.

– Отличная работа, парни. – Гейлорд считал необходимым моральное поощрение. – Он уже что-нибудь сказал?

– Нет, сэр.

Генри потерял свою фуражку. Ему разрешили высвободить одну руку и убрать густую каштановую копну с глаз:

– Будьте вы прокляты!

– Тащите его туда, где он уронил свою палку.

Пленника доволокли до того места, за которым наблюдал Бикер.

– Эй! Ты! – сказал Гейлорд. – Ты какого хрена воткнул сюда эту затычку? – Он подцепил карандашом толстый, испачканный землей, шлепок замазки и приподнял его, обнажая конец пластиковой дренажной трубы. – Ты знаешь, что это такое?

– Я не буду ничего говорить.

– Это конец трубы, ведущей к могиле мистера Фина. То есть это вентиляционная труба. Другой ее конец соединен с отверстием в днище его гроба. Ты знал, что нужно искать где-то здесь, верно? В общем так, ты переоделся уборщиком и шарил вокруг своей палкой, пока не нашел выход трубы. Потом ты заткнул его. Я правильно объясняю?

Генри не ответил. Его провели к шатру, где, несмотря на парик и вставные челюсти, он был неожиданно представлен и официально опознан как преподобный Артур Стоунхаус.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЗАВЕСА ПОДНИМАЕТСЯ

Время превратит поражения в победы. Сегодня вечером поздние выпуски газет будут зубоскалить по поводу «убийцы в обществе спиритуалистов», а завтра, что ни говорите, все это даст грандиозный рекламный эффект. Отныне ни одна газета в Британии не напечатает название Общества Эфирной Мандалы с маленькой буквы, не употребит имя «Фин» с двумя «н». Реклама, плохая она или хорошая, генерирует мощные психические вибрации, и, питаясь ими, Общество будет расти.

Что касается роста миссис Уэбб, то во сне Морис убедит ее подчиниться ненавистному аллопатическому ножу. Ее операция на несколько лет отсрочит сладость, как она часто выражалась, окончательного развоплощенного единения с Абсолютным Всем.

Но сейчас боевой дух был подорван. С момента ареста Стоуни прошло несколько часов, и по городу поползли тревожные слухи. Этерианцы сидели в тусклом свете лекционного зала, ожидая, пока наступит меланхоличный вечер. У Данка разболелась голова, Нэнси лихорадило. Эрнестина была шокирована и сбита с толку, пытаясь понять, кто же такой «Тек» – полицейский шпион, посланный подставить Стоуни и дискредитировать спиритов, или детектив-экстрасенс, посланный Высшими Силами обезвредить ядовитого монстра. Раздраженные и злые, сестры Блейз вернулись в Челтнем. Сраженная горем и плачущая, миссис Уэбб слегла в постель.

Лекции ждали еще несколько человек: завсегда таи лекций пожилого возраста, которые зашли, чтобы посочувствовать этерианцам и остались, чтобы выразить презрение лектору. Среди аудитории этого лектора не наблюдалось ни одной улыбки, чьим единственным подобием служила лишь ухмылка профессора Хакеля.

И все же появление оратора должно было вызвать улыбку. Его вечерний костюм выглядел так, будто в нем лежали (и в нем действительно лежали), а массивный тюрбан в форме тыквы слегка съехал набок. Вульгарный драгоценный камень из стекла, приколотый к тюрбану, мог быть третьим глазом, глазом, который никогда не закрывался, но и не переставал подмигивать.

– Друзья... – начал он. Раздался грубый смех, который прекратился, когда он добавил: – истины.

Я сказал, что мое погребение должно *доказать невиновность Стоуни*. Мне жаль, что все вы восприняли это как *доказать, что он невиновен*. Я имел в виду «доказать» буквально: доказать значит проверить. Исключение, всегда говорим мы, подтверждает правило. Оно показывает, что это правило ущербное. Моя проверка показала, что Стоуни ущербный человек.

Он начинал как мошенник, затем стал кладбищенским вором, а закончил тройным убийцей. Попутно он превратил группу миссис Уэбб в маленькую преуспевающую империю – стоимостью, полагаю, более полумиллиона – и, построив эту империю, женился на хозяйке.

Фину пришлось сделать паузу, чтобы дать залу возможность переварить шок от услышанного. После нескольких протестующих и несвязных реплик аудитории он продолжил.

– Под именем Генри Форбса Стоуни устроился на неполный рабочий день в похоронное бюро Роуздейл. В этом месте обслуживали похороны обеспеченных людей, и когда скорбящие собирались вместе для поминовения или похорон, они вели беседы.

Результаты этих бесед, несомненно, астральными путями подавались на стол для спиритических сеансов. Богатых наследников приглашали на сеансы и теперь определенная часть того, о чем они шептались на похоронах, продавалось им обратно в виде сообщений от духов. И все это благодаря Генри.

– Вы хотите сказать, что миссис Уэбб мошенница?! – вырвалось у потрясенной Эрнестины.

– Я вообще ни единым словом не затронул миссис Уэбб. Она работала *медиумом* в прямом смысле этого слова, то есть служила посредником, передавая тривиальную информацию от Генри к клиентам, и совсем не тривиальные суммы от клиентов к Генри. Как и большинство медиумов, она, безусловно, не всегда искренне действовала на своих сеансах, зато, – также как и многие, – по всей видимости, искренне верила в свои способности. Но позвольте мне поговорить об Артуре-Генри Форбсе-Стоунхаусе.

Дэйв стал первой угрозой империи. Он был не только наркоманом и вором, ему, казалось, нравилось заставлять страдать других, возможно, потому, что он сам страдал подобным образом. Дэйв имел своего рода извращенное хобби – *копаться в чужом белье*. То есть выведывал грязные, в его понимании, секреты, а потом угрожал оглаской, но не в целях шантажа, а просто для того, чтобы с интересом наблюдать, как люди будут изворачиваться.

Читая письма миссис Уэбб, он узнал, что ее первый муж, покойный «Морис» жив. Я бы добавил, и живет в Солсбери, Родезия. Дэйв намекнул на «Солсбери» во время сеанса, и я полагаю, что это, должно быть, напугало Стоуни.

Не то что бы этот секрет был опасен сам по себе. Но если Дэйв смог откопать Мориса, то остались ли еще скелеты, которых он не эксгумировал?

Дэйва нельзя было подкупить или запугать; у него было достаточно денег для его ужасных потребностей, а что может напугать человека, каждый день глядящего в лицо

смерти? Но его очень легко можно было убить. Нет никого более уязвимого, чем наркоман. Сотни людей убивают каждую неделю, и никого толком это не интересует. Итак, Стоуни убивает его, и это было *идеальное преступление*.

– Что вы имеете в виду? – пробормотал Хакель. – Ведь если вы поймали его, как оно может быть идеальным?

Третий глаз подмигнул.

– Я не поймал его. Ему все сошло с рук. Я знаю, он имел массу причин убить Дэйва. И средство. И возможность. И я знаю, что он убил еще двоих. Но – отчасти «благодаря» вам, профессор – я не знаю, *убил* ли он Дэйва.

Фин вернулся к обстоятельствам смерти Дэйва.

– Финал этой истории выглядит так: Дэйв уходит в ванную с пакетиком яда, готовит его и вводит себе в вену. Следовательно, убийца – один из тех, кто прикасался к пакетику.

Мы можем исключить торговца, который продал его Нэнси, поскольку, по ее словам, он не знал, для кого тот предназначался. Остаются трое: сама Нэнси (которая принесла его в дом для Дэйва), Стоуни (который признает, что выбил пакетик из его руки) и вы, профессор (который признает, что прикасался к нему).

Вы говорите, что Стоуни положил наркотик в карман, позже подменив его пакетиком с ядом. Но Нэнси утверждает, что это, наоборот, сделали вы. Один из вас, должно быть, лжет.

Профессор, если я дам вам слово, что верю в вашу невиновность, то можем ли мы прямо сейчас рассчитывать на вашу откровенность?

Хакель потер лицо, будто счищая паутину.

– Я лгал, – тихо произнес он. – Нэнси была права. Стоунхаус выбил пакетик из руки Дэйва, и тот упал на пол. Я поднял его и сунул в карман, как говорится, подальше от греха. Но когда парень начал бить меня по-настоящему, рвать на мне пальто, я... я умыл руки.

И когда я достаточно ясно представил, куда ведет ваша линия допроса, я понял, что дела мои плохи. Уповая на то, что никто не вспомнит точные детали, я солгал.

Тыква Фина кивнула.

– Тогда выходит, это вы дали ему яд.

– Нет, я...

– Вы не знали, конечно, что это был яд. Стоуни произвел подмену в момент, когда якобы выбил пакетик из руки Дэйва.

Фин прочистил горло.

– Это выглядит как искусная пресидижитация, но на самом деле здесь не требуется какая-то бешеная сноровка. Стоуни держал яд при себе, ожидая удобного случая совершить подмену. И Дэйв предоставил ему идеальную возможность.

Стоуни, спрятав яд в руке, выхватил пакетик с наркотиком, который держал Дэйв, одновременно позволив пакетик с ядом упасть на пол. Вполне естественно, что все посмотрели на то, что упало на пол, а не на героин, который в этот момент отправлялся в карман. И все потом в один голос будут клясться, что он «выбил» наркотик из руки Дэйва, почти не дотронувшись до самого пакетика. Умно, просто, смело. Идеальное преступление, как я уже сказал.

Профессор, когда я услышал от вас, что он положил пакетик с героином в карман, я на одно головокружительное мгновение подумал, что Стоуни невиновен. Ни один, кому хватило ума совершить то, что произошло дальше, не решился бы на такой очевидный финт с подменой. Но неважно.

Вторая угроза – Док. Почувствовав запах убийцы, он начал копать и, как и Дэйв, обнаружил, что Морис Уэбб жив. Стоуни снова запаниковал – Док был не невротическим юнцом, а скрупулезным, основательным ученым-исследователем, ищущим истину. Такой вряд ли сдастся, пока не найдет ее. Новая смерть требовала более тщательного плана.

Стоуни хотел зациклить нас на скарабее, поскольку и Дэйв, и Док носили его. Поэтому ему необходимо было

сделать так, чтобы преступление выглядело сверхъестественным. Но для этого ему нужен был сообщник.

Данк икнул.

– Извините. Что за сообщник?

– У нас есть только слова Стива Сонди о том, что Док исчез из этой ванной, или точнее, *что он вошел в нее*.

– А? Он должен был это сделать! Я имею в виду... Боже милостивый!

– Док действительно вошел в нее, но только для того, чтобы положить скарабея на полку и открыть кран. Затем он вышел из дома через заднюю дверь – вот так просто. Стив запер ее за ним на засовы, запер ванную – и нагромоздил лжи.

– Невероятно! – воскликнул Хакель. – С какой стати им городить весь этот огород?

– Во-первых, я должен напомнить, что Стив, как вы ранее заметили, профессор, любил устраивать розыгрыши. Он хотел разыграть вас целой серией шуток, чтобы пощекотать вашу ахиллесову пяту, – твердолобый скептицизм, – пытаясь пробудить в вас – как я это, помнится, назвал – шестое чувство. Розыгрыш с исчезновением должен был стать первым в этой серии, вторым – левитация. Стоуни заключил с ним сделку: мальчик, ты помогаешь мне с исчезновением Дока, а я помогу тебе бросить вызов гравитации. Мальчик, естественно, не подозревал, что этот трюк закончится убийством.

– Минуточку, – остановил оратора Хакель. – Минутку. Каким образом Стоунхаус склонил доктора Лодердейла принять в этом участие?

– Сказав ему, что это больше, чем розыгрыш. Что-то вроде: «Послушайте, я должен сообщить вам нечто невероятно важное (или показать вам), но нас не должны видеть, как мы выходим из дома, чтобы поговорить об этом (или посмотреть на это). Разговор касается смерти Дэйва. В общем, пока Стив развлекается, показывая фокусы Хакелю,

предлагаю незаметно выскользнуть в сад на несколько минут».

Итак, согласно плану Док выходит через заднюю дверь, огибает дом, подходит к парадной двери и звонит. Стоуни выходит на звонок, они идут в сарай и... и всё. Для человека, достаточно сильного, чтобы таскать гробы, это дело одной минуты.

– Один момент. – Улыбка Хакеля стала ироничной. – Похоже, многие вещи вы воспринимаете как должное в этом деле дверного звонка. Почему миссис Уэбб по его указанию не могла спуститься по черной лестнице, выйти на задний двор и задушить?

– Зачем нарушать идеальную картину, когда у тебя есть идеальный, ни о чем не подозревающий сообщник и почти идеальное алиби? Если бы ему нужна была помощь миссис Уэбб, он бы никоим образом не стал привлекать Стива.

Фин взял фонарик.

– Пора поговорить о последнем убийстве. Кажется, на улице достаточно темно, чтобы всё вам показать. Наблюдайте за окном, как в тот вечер, я буду левитировать для вас. Не открывайте окно и не выходите, пока я не дам отмашку.

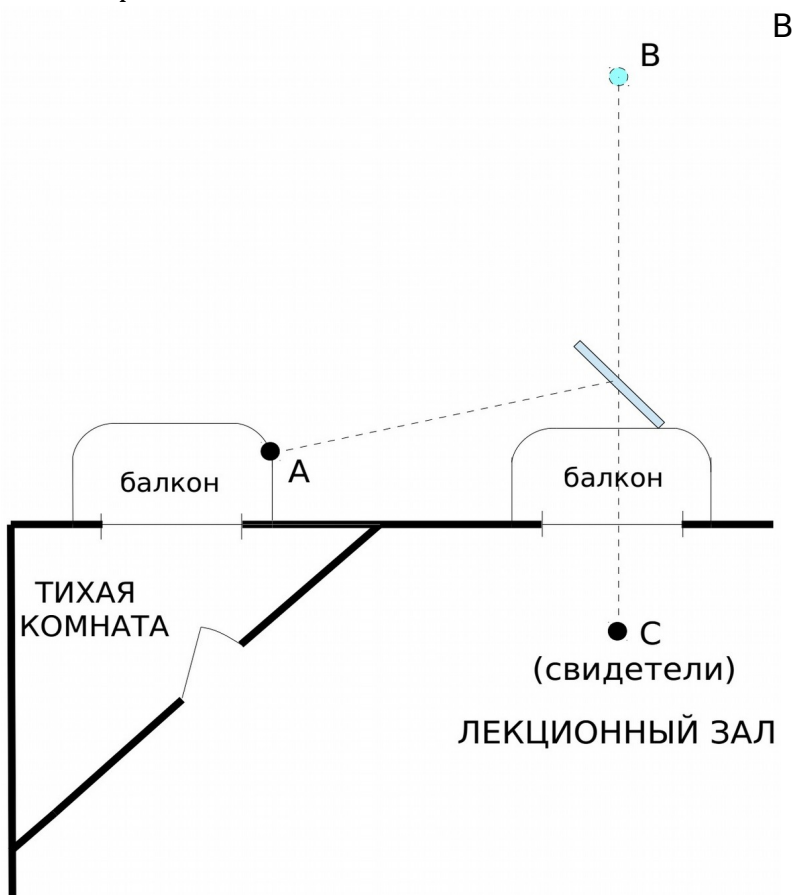
Он вошел в крошечную тихую комнату и запер дверь. Заинтригованные зрители столпились у окна и ждали. Мгновение спустя появились освещенные голова и плечи Фина, висящие в темноте примерно в десяти футах по прямой от перил балкона. Хакель пробормотал что-то о проводах и распахнул окно.

– Стойте, – предупредил Фин. – Пойдите секунду. Прошу прощения, что я так раскачиваюсь, но сегодня вечером дует сильный ветер. Я заподозрил этот способ, когда услышал от полиции, что на фонарике были найдены отпечатки левой руки Стива. Хотя все мы видели, что он держал его в правой руке. Ладно, выходите, будем знакомиться.

Те из зрителей, кто смог протиснуться на балкон, сразу поняли, что это был трюк с зеркалом. Фин вовсе не висел в пространстве. Он стоял на соседнем балконе.

– Видите? Он вообще не покидал балкон тихой комнаты, пока не упал. Но в тот раз он рисковал сильнее меня, потому что хотел осветить побольше своего тела. Для этого ему нужно было встать по ту сторону перил. Возвращайтесь назад, я покажу вам схему.

Вернувшись в лекционный зал через минуту, Фин установил огромный плакат:

– Стив перелез через перила в точке А и встал на узком выступе снаружи. Одной рукой он держался за перила, а другой светил фонариком. Мы все видели его в точке В.

– Где вы обнаружили зеркало? – спросила Нэнси.

– Нигде. Мне пришлось сконструировать его самому. Сейчас я покажу. – Он вышел на балкон и вернулся с зеркалом.

– Мы всё гадали «веревки *или* зеркала», но не догадались предположить «веревки *и* зеркала». Мне потребовалось время, чтобы изготовить эту копию, потому что я не столь искусен, как Стив, в создании моделей. Взгляните сюда: четыре фута в высоту, три в ширину, с небольшим балластом внизу, чтобы удерживать зеркало в вертикальном положении, а вот этой скобой, – он указал на штырь, торчащий из обрамления зеркала, – оно крепится к балкону под нужным углом.

– Подвешенное из окна кабинета, – с волнением произнес Хакель, – на тонких черных...

– Вязальных нитках, полагаю, так это правильно называется. Видите ли, профессор, каким бы большим ни было это зеркало, оно весит всего около фунта⁹⁰. Представление закончится и... – Фин внезапным движением скомкал зеркало в небольшой шарик. – *И в огонь вместе с ними!* Сгорают за считанные секунды, я проверил.

Телевизионные студии часто используют такие переносные зеркала, потому что они легкие и быстро разбираются. Тонкая полимерная пленка с посеребренной поверхностью, натянутая на деревянную раму. Стив улучшил конструкцию, заменив раму на каркас из материалов моделей аэропланов, чтобы сделать ее легче – легко сминаемой и сгораемой. Я видел серебристые обрезки пленки на его рабочем столе, но не заметил там никаких серебристых *аэропланов*. Осенило меня после того, как я посетил студию, в которой он работал перед своей гибелью. Стив принес ку-

90 Примерно 450 г.

сок пленки домой, сделал для нее легкую рамку, утяжелил ее несколькими монетами, и зеркало было готово.

Он установил его вместе со Стоуни днем. Когда левитация закончится, Стоуни должен был поднять зеркало в кабинет и сжечь его. Помните, Стив тянул время, изображая «трудности с вхождением в транс», пока Стоуни не вызвал наверх заранее организованным телефонным звонком.

Говоря о трансах, удача чуть не изменила им. Ведь именно тогда Эрнестина пришла в кабинет «помедитировать». Стоуни, должно быть, испугался, но, полагаясь на упражнения для глаз, решил «идти до конца».

При этих словах Эрнестина выпрямилась.

– Какое отношение к этому имеют упражнения для глаз?

– С тех пор как вы отказались от немодных очков, Эрнестина, боюсь, ваше зрение стало далеко не идеальным. Вы сделали неправильные записи в бухгалтерской книге, поскольку с трудом могли разобрать собственный почерк. Стоуни знал, что если он наденет парик «Генри» и выключит верхний свет, вы не поймете, кого видели на самом деле. Он угадал.

Почему, интересно, никто из нас не заострил внимания на вашем видении? Двое мужчин танцуют танго – что еще это может быть, как не *один мужчина с зеркалом в человеческий рост?*

– Замечательное объяснение, – сказал Данк. – Но тогда как же мальчик упал?

– Это очевидно, – вмешался профессор. – Стоуни скинул что-то тяжелое вниз и сбил его с карниза. Это «тяжелое» было подвешено на тонких чер...

– Нет, профессор. – Фин наклонился за кафедру и вытащил рогульку из орешника. – Не соблаговолите ли вы рассказать нам, что это такое, и показать, как это используется?

Хакель взялся за раздвоенные концы обеими руками.

– Это волшебная лоза, как все вы, наверное, догадались. Сначала берем ее вот так...

– Профессор, вы в буквальном смысле не с того конца взяли палку. Возьмите ее другим концом, и она станет орудием убийства.

Хакель развернул рогульку.

– Я все еще не понимаю.

– Представьте себе зарубки, сделанные на разветвлении, как на той рогулке, что я взял со стола кабинета, когда устраивал сеанс с доской. И представьте, что вы наматывали на эти зарубки толстый жгут из скрученных вместе канцелярских резинок, взятых с того же стола. Одним словом, получили пращу. Проще говоря, рогатку. В качестве снаряда он использовал небольшой камень или каштан – любое, что можно подобрать с земли во дворе.

– Весьма слабое орудие, – сказал Хакель, возвращая рогульку. – Ни силы, ни точности.

– Этого и не требовалось. Апофеозом выступления Стива должна была стать демонстрация того, что обе его руки свободны. Стив отпускает перила и балансирует на каблучках – высоких каблучках своих нелепых ботинок. Легкий толчок, главное неожиданный, неминуемо низверг бы его с узкого выступа.

Что касается точности, то ярко освещенная мишень на расстоянии шести ярдов не требует многого. Уверен, Стоуни хорошо попрактиковался в парке.

И в убийствах хорошо попрактиковался тоже. Поэтому, когда в доме появился сыщик и стал вынюхивать, он решил по возможности не убивать его. Лучше пусть умрет «Генри», оборвав все ниточки, которые ведут в Роуздейл. Он уничтожил информацию из тех папок, от которых шли ниточки напрямую к похоронному бюро Роуздейл, и использовал скарабея, чтобы навести меня на ложный след, по которому я мог бы прийти к ложному выводу.

Именно Стоуни организовал визит в Роуздейл на то время, когда там должен был дежурить Генри. В часовню он вошел, имея в кармане все необходимое для превращения

в «Генри»; воротничок священника и нагрудник были надеты поверх обычной рубашки и галстука. Черный костюм хорошо подходит как для священника, так и для помощника гробовщика. Очень удобно.

Словно быстро переодевающийся актер он вошел в одну дверь как преподобный Стоунхаус, сбросил плащ и изменил внешность, а в другую вышел как Генри Форбс. Он знал, что я могу заподозрить двух помощников, поэтому довел «след скарабея» до дома Генри и оборвал его там. Нетрудно заставить себя исчезнуть, когда ты не существуешь.

Затем снова став Стоуни, он вернулся домой. Констебль на посту представлял помеху, поэтому он вошел через сад, влез в кухонное окно, убрав, естественно, за собой всю грязь, которую принес на ногах. Дальше ему оставалось только проникнуть в парадный холл и «потерять сознание». Существует, пожалуй, не менее пятидесяти способов отключки – от задержки дыхания до самогипноза.

– Здесь я на вашей стороне, – сказал Хакель. – Но как вам вообще удалось разглядеть его двойную сущность?

– Поначалу я предположил, что он выбрался из часовни в гробу. Но вряд ли он мог позволить себе вылететь в нем в Германию, так что ему нужно было выбраться из гроба до момента прибытия груза в аэропорт. Сделать это он мог только будучи в сговоре с одним или обоими помощниками, а если такой сговор существовал, то вообще не требовалось никакого побега в гробу. Он мог просто уйти.

Затем, когда я забрел в комнату миссис Уэбб и застал его там, я отметил две вещи: во-первых, комбинацию «воротничок-нагрудник» удобно использовать, когда нужно, например, быстро переодеться. Во-вторых, он поднес руку ко рту. Жест смущенного мужчины, несомненно, но и жест человека, не вставившего зубные протезы. Я начал задаваться вопросом, смогу ли я узнать его без знаменитых «клыков» Стоуни. Действительно, заменив их парой ровных белых зубных протезов, он стал другим человеком.

Эрнестина, покрасневшая и раздраженная, сказала:

– Есть одна вещь, которую вы не потрудились объяснить. Как скарабей перенесся от Стива, когда он умер, на ковер в гостиной, где мы его нашли? По крайней мере, *здесь* вам придется признать, что произошло чудо.

Фин уже собирался объяснить, как вдруг почувствовал жар и раздражение остальных. Он уже лишил их большей части любимых чудес. Было бы жестоко продолжать.

– Я точно не уверен, – ответил он. – Возможно, есть некоторые вещи, которые нам не суждено понять, не в этом мире.

Верно-верно говорили кивающие головы по всему залу. Они неохотно пощадили Фина порцией жидких аплодисментов. Затем, предводимые Эрнестиной, все отправились на сеанс медитации в гостиную. Сыщик стоял один у своего помятого зеркала. Он начал медленно разматывать тюрбан, затем остановился, словно прислушиваясь к голосу духа.

Как раз в этот момент в своем кабинете в Скотланд-Ярде Гейлорд с помощью карандаша перематывал ленту пишущей машинки.

– Можно подумать, что Ярд нельзя нагреть, когда нам покупают пишущие машинки, – сказал старший инспектор. – Эти...

Он смолк, будто прислушиваясь к голосу духа.

– Бикер! Конечно, чертова задница! «Доктор» Фина! Бикер был у нас в руках, а мы его прошляпили. Черт бы побрал этого Фина. Интересно, чем он сейчас занимается?

Настоящий Теккерей Фин находился на борту корабля в нескольких тысячах миль отсюда и смотрел на капсулу космического аппарата. Перед открытым люком капсулы на железном полу белым контуром была обозначена распростертая фигура с большой головой.

– Это кажется невозможным, – рассказывал представитель космического агентства. – Кроме него в капсуле ни-

кого не было. Мы поддерживали с ней связь весь период орбитального полета вплоть до приземления. Но когда мы открыли люк капсулы, он выпал – прямо сюда – с украшенным драгоценными камнями кинжалом в спине. Кто мог это сделать?

Фин потянулся за своей пенковой трубкой.

– Позвольте мне объяснить, – сказал он. – Мы знаем, что убитый держал ручного барсука. Мы знаем, что он недавно приобрел две карты Корнуолла. И, самое главное, мы знаем, что он *панически боялся шоколадных пирожных*.

Потянувшись за трубкой, он подал сигнал. Повинуясь ему, инспектор полиции выступил из-за корпуса космического аппарата с наручниками наготове.

РАСКАЗЫ

НЕВЕДОМОЙ РУКОЙ

Какой великий артист погибает!

Нерон

Теккерей Фин сделал глоток сока папайи со льдом и огляделся в поисках места, куда можно поставить стакан. Кофейный столик был завален журналами по антропологии, поверхность письменного стола неразличима под играми и головоломками, а на камине стояли образцы агата и горного хрусталя. На единственном оставшемся столике пребывал набор лишь случайно связанных между собой предметов: настольная счетная машина, книги о змеях Британии, страницы вычислений, записанных змееобразными каракулями Фина.

Наконец он освободил место на каминной полке, сняв оттуда большую круглую лупу. Держа ее на расстоянии вытянутой руки, Фин рассматривал через нее миссис Доусон.

– Интересно! Вижу, что вы путешествовали по Галапагосским островам, что вы заядлый игрок в хай-алай,¹ что вы страдаете от дислексии² и что вы моя экономка.

Миссис Доусон вместо ответа включила пылесос. Фин упал в кресло у окна и с помощью лупы поджег джоссовую курительную палочку.

– Подумайте же: я – детектив! Миссис Доусон, не могу передать, сколь много это для меня значит. Уже ребенком я мечтал быть детективом. Пока остальные ребята плани-

1 Игра баскского происхождения, в которой брошенный мяч должен отскочить от пола к стене.

2 Дислексия – избирательное нарушение способности к овладению навыками чтения и письма при сохранении общей способности к обучению.

ровали карьеру в менеджменте среднего звена, я ходил и наблюдал: считал, сколько перед моей дверью ступенек, сравнивал сигаретный пепел... И теперь все окупилося. Сегодня я провожу настоящее расследование. Полагаю, в шляпе охотника на оленей. Интересно, занимался ли когда-нибудь этим Холмс? Охотился на оленей, имею в виду.

Экономка не отвечала. Она не только возилась с пылесосом, но и была слегка глуховата. Более того, она старалась как можно больше игнорировать своего безумного нанимателя-янки. Взрослый мужчина, профессор философии, играет в Шерлока Холмса, как маленький! Чего только стоит реклама, которую он поместил в газете!

«АМЕРИКАНСКИЙ ФИЛОСОФ ищет беспокойства. В творческом отпуске этот беглец из мыслительного танка, логик-профессионал и сыщик-любитель желает бросить вызов».

И сегодня в самом деле последовал ответ. Из галереи Энтони Муна позвонили с вопросом, может ли он встретиться с мистером Муном в одиннадцать по срочному делу. Теккерей Фин сидел и хихикал над этой перспективой. Сыскная работа на Бонд-стрит.

– Быть может, мне следует надеть гетры и тесные перчатки и вставить цветок в петлицу. Почему бы нет? Вы, англичане, всегда ждете от нас, американцев, что мы переборщим. Мы говорим слишком громко и слишком много. Все мы – орущие техасцы и калифорнийцы в ярких рубашках. Но это не так. Вас удивит, что я видел калифорнийцев в обычных костюмах и при галстуках – и опознать их, собственно, можно было только по ободкам шляп. – Он поднял ноги в брюках без единого пятнышка, как только к ним подобрался прибор домоправительницы. Приблизилось время Бонд-стрит.

Дождаясь приема, Фин изучал одну из работ в галерее Энтони Муна – тревожащую скульптуру под названием «Кухонная шрапнель». Она была сооружена из старой железной раковины и множества остроконечных инструментов. Вся поверхность раковины щетинилась ножами, ножницами, бритвенными лезвиями, шампурами, гвоздями и иглами – всем, что только способно разорвать плоть.

Скульптура была заключена в стеклянный ящик, на котором красовалась кроваво-красная наклейка «ПРОДАНО» и этикетка: «КУХОННАЯ ШРАПНЕЛЬ. Сборка, различные металлы. ААРОН УОЛЛИС, 19». Фин различал в стекле собственное изможденное лицо, несомненно застрявшее в лесу клинков. Также он рассмотрел, как сзади приблизился невысокий улыбающийся итальянец.

– Мистер Фин? Я Энтони Мун. Простите, что заставил вас ждать. – Улыбка дельца от искусства была ослепительной. Фин увидел, что это вовсе не итальянец; эффект создавался усами, загаром и покроем одежды.

– Все в порядке. Я просто смотрел на... на это.

Улыбка стала шире.

– Несколько беспокойная штука, не так ли? Одна из первых идей Аарона. В то время он состоял в группе, известной как «Агрессивные». Пройдемте в мой кабинет, хорошо?

Фин вспомнил «Агрессивных». Они возникли, выпустили манифест («Искусство есть сокрушительный удар. Искусство подавляет Лицемерие его же блевотиной...») и канули в Лету. Один лишь Аарон Уоллис добился большего. Его картины и раскрашенные структуры ставили рекорды стоимости, ходили слухи о ретроспективе Аарона Уоллиса в Тейт.³

3 Лондонская галерея Тейт, ранее отражавшая в коллекции оба эти направления, была в 2000 году разделена на два музея: Тейт-Бритен, хранящий исключительно английскую живопись разного времени, и Тейт-Модерн, хранящий исключительно мировое искусство XX века, созданное не ранее 1900 года.

– Вообще-то Аарон меня и беспокоит, мистер Фин, – сказал делец. Он закрыл дверь и предложил Фину стул с поролоновой обивкой. – Я имею причины полагать, что его жизнь находится в опасности. Ему угрожали.

Из ящика стола он достал две бумаги и по очереди передал их. Первое напечатанное на машинке сообщение гласило: «ТЫ НЕ ЗАСЛУЖИВАЕШЬ ЖИТЬ ТЫ КРОВАВЫЙ МОНСТР. Я ПОЛОЖУ КОНЕЦ ТВОЕЙ ГНИЛОЙ ЖИЗНИ». Второе: «ТЫ УМРЕШЬ В ПЯТНИЦУ В 9 ВЕЧЕРА».

Фин поднял глаза и моргнул.

– Но это же сегодня!

– Да. Поэтому я и хочу, чтобы вы его охраняли.

– Что обо всем этом думает полиция?

Энтони Мун вздохнул.

– Аарон отказывается обращаться в полицию сам и никому этого не поручает. Понимаете, он не может определиться, что думать насчет этих записок. С одной стороны, хочется думать, что это шутка, ведь у него есть друзья, способные на такие шутки, но, с другой стороны, он боится. Я убедил его разрешить мне нанять вас в качестве компромисса. Он не будет связан с этим напрямую никоим образом. Он просто не хочет знать обо всем этом.

– Из меня выйдет плохой телохранитель, – сказал Фин. – Я не человек действия. – У него возникли явные проблемы с удержанием равновесия на поролоновом сиденье, слишком низком при длине его ног. – Почему бы не обратиться в охранное агентство?

Мун двумя пальцами подергал себя за усы.

– Ну, во-первых, Аарон против: «Никакого шума». А угрожающий тип, похоже, чертовски уверен в себе. В смысле, сообщает время убийства и все такое. Если он так умен, я бы не хотел зависеть от обычного охранника. Я разузнал про вас – вашу работу с Потомакским институтом, так что знаю, что вы справитесь лучше, чем усердный полицейский ум.

– Благодарю. – Фин достал небольшой блокнот и карандаш. – Но я должен получить некоторые «подробности» полицейского типа. Как были доставлены письма с угрозами?

– По почте. Первое пришло недели две назад, второе в понедельник.

– Есть ли у вас предположения, кто может хотеть убить Аарона Уоллиса?

– Тысячи. – Мун изобразил пальцами церковный шпиль. – Он успешный художник, так что есть завистники. Наверное, несколько чудаков, ненавидевших его работы. Кто-то в прошлом году порезал в Хейворде одну из его фотографий обнаженной натуры. Опять же, личность Аарона – он во многих отношениях неприятный человек. Он тщеславен. Более или менее бисексуален, и ему все равно, знают ли об этом. За это его пару раз били.

– Брошенные партнеры?

– Немного. Единственный заметный – Боб Прайс, парень-мотоциклист. Тоже был среди «Агрессивных». Аарон не мог решить, стать ему художником или Марлоном Брандо.⁴ А потом появилась Полли. Полли Брэдбери, актриса. Аарон просто отшвырнул Прайса и все эти сюжеты с использованием кожаных ремней и прочее... А Прайс плохо это воспринял. Тогда он немало и мерзко угрожал – это было шесть лет назад, начал говорить, что «Кухонная шрапнель» – работа не Аарона, а его! Пришел ко мне по этому поводу, заявлял, что может доказать авторство. Я предложил ему найти хорошего адвоката и подать на нас в суд. Естественно, ничего не вышло.

Фин наклонился вперед. Кресло, если его можно было так назвать, нервно вздрогнуло, но он удержался.

– Кстати об адвокатах, Уоллис составил завещание?

4 Голливудская звезда Марлон Брандо был известен крайне бурной личной жизнью, множеством жен, а также бисексуальной ориентацией, в частности, у него был роман с другим известным актером Джеймсом Дином.

– Да, я уговорил его. Оставил все Полли и своему брату, Гектору.

– Тогда расскажите о Гекторе.

Мун разгладил усы.

– Он медиум-спирит. Часто является занять у Аарона денег. Иначе совершает некий акт ясновидения. Полагаю, хотел бы получить все и сразу.

Фин встал и закрыл блокнот.

– А что с собственно работой телохранителя?..

– Я убедил Аарона остаться сегодня вечером дома. Вам только нужно стоять на страже возле его квартиры. Вот адрес. После обеда встретимся там в холле – скажем, в три?

Обедал сыщик дома, рассматривая два письма с угрозами. Вмешался телефон.

– Мистер Теккерей Фин? Это Полли Брэдбери. Слушайте, мистер Фин, я только что говорила с Тони Муном. Прекращайте всю эту чушь с охраной.

– Могу я спросить, почему?

Мисс Брэдбери явно не привыкла, что ей задают вопросы.

– Просто оставьте Аарона в покое. От этих писем его уже тошнит, и я не хочу расстраивать его дальше. Неужели вы не видите, что все эти письма – шутка? – Пауза. – Вы здесь, мистер Фин?

– А? Ах да, простите, мисс Брэдбери. Я просто задумался, почему вы в действительности хотите отозвать сторожевого пса. Неужели лучше расстроить мистера Уоллиса и не рисковать его жизнью? В любом случае угроза была, шуточная она или нет. Так что, либо я защищаю мистера Уоллиса, либо этим займется полиция.

В трубке что-то болезненно щелкнуло, и послышался гудок. Вскоре голос пожилой женщины стал допытываться про цены на стеклопакеты.⁵

5 Вероятно, телефонная линия была совмещена, и это был отрывок другого разговора.

Аарон Уоллис жил в Баттерси в не слишком примечательном и не слишком высоком многоэтажном доме. Построенный из кирпича и облицованный кирпичом, он возвышался на своих бетонных ножках над целым комплексом удобств – автостоянкой, садами, гаражами и – как в больницах – цветочным магазином. Теккерей Фин поднялся по крытым навесом ступеням к стеклянным дверям.

В огромном вестибюле все было мягким: толстые ковры, обитые тканью стены, глубокие пластиковые кресла, не прямое освещение и фоновая музыка. Везде – нежные оттенки зеленого. Тверд был разве что взгляд портье, но даже его поместили за большую пухлую информационную стойку. Фину удавалось избегать этого взгляда примерно минуту до самого появления Муна.

– Вы здесь. Отлично. – Мун отправился к информационной стойке. – Внутренний телефон, Джордж.

Обитатель стойки покачал головой.

– Мистера Уоллиса нет, мистер Мун. Он велел сказать вам, что вернется сегодня вечером. Не говорил, где будет.

Мун, по-видимому, рассердился.

– Тогда пошли, Фин. В любом случае вы будете на страже. Может, он одумается... – Он потащил Фина к лифту.

– Роскошно, – сказал сыщик. – Хотя меня слегка удивляет, что художник живет здесь.

– Но Аарон не обычный художник. Он говорит, что любит легкую грань безвкусицы. Ему лучше работается, когда он раздражен.

– Он работает дома?

– Да. Он занимает весь одиннадцатый этаж.

– Тут так у всех?

– Не вполне. Жилых этажей двенадцать, на нижних восьми – по четыре квартиры на этаже, а четыре верхних – огромные апартаменты. Аарон на одиннадцатом. У него мог бы быть великолепный вид на реку... Но тут вступает в дело

еще одна его эксцентричность – светобоязнь. Аарон не выходит на улицу без темных очков. И, не довольствуясь шторами, он замуровал в квартире все окна!

– Что?!

– Так и есть. Сказал мне, что пришлось немного нарушить пожарное законодательство, потому что теперь пожарный выход снаружи для него недоступен.

Они зашли в лифт, и Мун нажал кнопку одиннадцатого этажа. Двери закрылись, и Фин почувствовал, как кабина двинулась вверх.

– О! Забыл вам кое-что показать. – Мун выудил из кармана сложенный листок розовой бумаги и протянул детективу. Это было объявление:

ОЗАНАМ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ!

ОЗАНАМ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ!!

Ясновидящий – Спирит – Телепат

Я, ОЗАНАМ, делаю сокрушительное предсказание. Мой собственный родной брат, именем художник ААРОН УОЛЛИС, умрет в течение этой недели!

Боюсь, это должно произойти, и хотя я задействую все свои эфирные силы, чтобы это предотвратить, – Судьбу не обманешь! Мои верные видения никогда не лгут!

Лекция и практический сеанс транс... Суббота, 9 часов вечера. Спиритическая практика по договоренности.

Под изображением медиума (дряблый бизнесмен с густым макияжем, пальцы прижаты к бровям, что должно указывать на созерцание) было подписано просто «ОЗАНАМ (Гектор Уоллис)».

– Вау! Думаю, я сам мог бы впасть в транс, – сказал Фин. – Он сам послал эти записки или просто нажился на них? Интересно.

– Похоже, он чертовски уверен, что Аарон умрет, – протянул Мун. – А, вот мы и пришли.

Они вышли из лифта в холл, оформленный в мертвенно-зеленых цветах вестибюля. Дверь лифта выходила на

обшитую панелями дубовую дверь в одном конце холла. В другом конце была стеклянная дверь с надписью «Аварийный выход», перекрытая алюминиевой перекладиной. Мебели не было вовсе, смотреть было не на что, кроме дубовой двери с медной пластиной, на которой курсивом было выгравировано «11».

Фин принялся расхаживать по холлу.

– Не нравится мне это, – сказал он. – Уоллиса на другом конце города могут порубить на куски... Вот черт!

Мун пощупал свои усы.

– А ведь до девяти еще далеко.

Детектив дважды пересек холл. Он подергал дубовую дверь, оказавшуюся запертой. Осмотрел стеклянную дверь и тряхнул ее ручку. Небольшая табличка известила его, что эта дверь служит только для чрезвычайных случаев, как-то пожар, что ее можно открыть, только подняв перекладину, и что это автоматически поднимет тревогу. За стеклом виднелись пыльные бетонные ступени.

– Куда они ведут?

Торговец искусством пожал плечами.

– Думаю, начинаются за информационной стойкой.

– И вы говорите, что снаружи есть еще одна пожарная лестница?

– Верно. Думаю, все это выстроил человек, боявшийся пожаров. Там есть также автоматическая поливочная система и бог знает что еще – частная пожарная команда в подвале?

– Хм-м. Можно ли как-то осмотреть квартиру?

– Вообще-то, нет. У Аарона единственный ключ. О, и еще один у Полли, хотя она здесь не живет.

– Не живет?

– Не знаю почему. Думаю, у них отношения любви-ненависти. Аарону, кажется, нравится унижать ее на людях. Например, несколько недель назад он описал большой аудитории некоторые из ее... эх... интимных физических недостатков. Жестокое остроумие. Любая другая женщина бы...

– Убила его? Звучит так, словно все желают его смерти.

Поглядев на часы, Мун сказал:

– Лучше я вернусь в галерею. Мы срочно отправляем «Кухонную шрапнель» новому владельцу, коллекционеру из Рио. Мне лучше лично присмотреть за упаковкой. Это деликатный вопрос. – Он позвонил, вызывая лифт. – Время от времени я буду возвращаться, принесу вам ужин и все такое. Надеюсь, таким образом вы сможете вести постоянное наблюдение.

Теккерей Фин проводил время без напряжения, читая статью по теории очередей, занимаясь художественной гимнастикой и медитируя. Конечно, он позволял себе лишь легкий транс, быстро прерываемый малейшим беспокойством, и не отрывался от дубовой двери.

В 8:12 двери лифта раздвинулись, и явилась довольно-таки причудливая фигура. Большие зеркальные линзы солнцезащитных очков придавали ей вид насекомого, но в остальном она была очень похожа на знаменитый симметричный автопортрет Норы Арон. Это был пухлый бледный мужчина чуть выше среднего роста с пушистыми каштановыми волосами до плеч. Его костюм, как и ожидал Фин, был тщательно продуман – рубашка с золотой сеткой под темно-синим бархатным костюмом, дополненным синими лакированными туфлями, белыми перчатками и голубой малаккской тростью с золотой ручкой.

– Полагаю, Аарон Уоллис.

– Надеюсь, что вы телохранитель, а не... другой.

Фин улыбнулся.

– Я здесь, чтобы защищать вас. Меня зовут Теккерей Фин.

– О. – Художник отпер дверь. – Отлично. Тогда увидимся. – Он вошел и начал закрывать дверь, но Фин подставил ногу.

– Подождите минутку, мистер Уоллис. Не мог бы я осмотреть место? В смысле, угрожавшее вам лицо может скрываться здесь...

– Слушайте. Мне не надо, чтобы вы что-то осматривали. Тут нет убийцы. Все это – чья-то глупая шутка. Если вам станет легче, я посмотрю сам, окей?

– Но это разрушит все...

Его собеседник уже закрыл дверь. Примерно через минуту она вновь открылась.

– Никого нет, окей? И вот вам стул. Теперь расслабьтесь и больше меня не беспокойте. Я буду работать. – Он протянул деревянный ярко-оранжевый кухонный стул, и дверь закрылась. Фин услышал щелчок замка и лязг цепочки. Было очевидно, что Уоллис вовсе не так спокоен, как хочет казаться.

Через полчаса вернулся Мун с бутербродами и пластиковыми чашечками с кофе. Разговор после ужина перешел, что вполне естественно, на искусство, и они обсудили работы Уоллиса и его современников. Торговец искусством дал понять, что считает Уоллиса первым художником своего времени.

В десять часов он собрал упаковки от бутербродов и чашки и встал.

– Похоже, наш источник угрозы струсил, – сказал он. – Но я все же хотел бы, чтобы вы подежурили до полуночи. На всякий случай.

Вновь художественная гимнастика и медитация, а в полночь вернулся Мун.

– Еще часок? – предложил он.

В час ночи они сдались. Мун выглядел обеспокоенным. Когда они спустились на лифте в вестибюль, он сказал:

– Не могу этого понять. Я был уверен, что эти угрозы что-то значили. Вот и верь предчувствиям.

В вестибюле они заметили, как кто-то спорит с портье. Незнакомец, светловолосый мужчина в кожаном мотоциклетном костюме, ухватился за край стола и склонился над ним.

– Но мне сказали...

– Да, а мне сказали вас не пускать. Мистер Уоллис особо приказал мне не подпускать вас сюда – особенно сегодня. Так что проваливай, парень.

Незнакомец наклонился над ним и пробормотал нечто неприятное.

– Прайс! – воскликнул Мун. – Что вы делаете?..

Прайс повернулся и бросился к выходу. Через секунду снаружи взревел мотоцикл, и его шум затих вдали.

– Он знает, что ему запрещено сюда ходить, – сказал Мун. – И бывает тут все последние месяцы. А сегодня Аарон особо подчеркнул приказ. Не нравится мне все это. Могу я воспользоваться внутренним телефоном, Джордж?

Портье почтительно подтолкнул телефон по столу на несколько дюймов. Мун набрал номер «один-один» и ждал, постукивая золотой зажигалкой по табличке на стойке.

– Не отвечает. Интересно... А вот и Полли!

Симпатичная девушка мальчишеского вида в желтых брюках и свитере вошла, закутывая плечи в длинное пальто цвета красного дерева.

– Полли! – Мун жестом указал на трубку. – Полли, Аарон не отвечает на звонок. А Прайс только что был здесь – я волнуюсь.

– Сейчас пойду к нему, – сказала она.

– Можем мы пойти с тобой?

– Мы? – Она посмотрела на детектива. – Полагаю, вы Теккерей Фин. Слушайте, почему бы вам не играть в копов и грабителей где-нибудь еще? Я... Ох, ладно. Наверное, пара слов от Аарона вас успокоит. Пошли.

Лифт все еще ждал внизу. Когда они поднялись на одиннадцатый этаж, у двери, обшитой дубовыми панелями, все еще стоял оранжевый стул. По-видимому, ничто не было потревожено. Они позвонили, затем через какое-то время Мун постучал. Наконец, Полли достала ключ.

Дверь открылась, но всего на дюйм; мешала цепочка.

– Аарон! – позвала сквозь щель Полли. – Подойди сюда и открой дверь. Мы не можем войти! Аарон?

В ответ тишина.

– Лучше нам выломать ее, – сказал Мун. Двое мужчин вновь и вновь наваливались на дверь. После полудюжины бросков цепочка вырвала из стены скобу.

Трио прошло через небольшой вестибюль и спустилось по трем ступенькам в большую комнату ниже уровнем.

Часть ее была меблирована, а остальное использовано под студию. У стен стояло несколько законченных и незаконченных холстов, а стол качался под тяжестью ведерок и банок, жестянок и трубок. На мольберте стоял подготовленный холст, но Аарон Уоллис не намеревался приступить к работе. Он лежал перед ним на ковре, словно рассматривая его с низкого угла зрения, заложив руки за голову. В солнцезащитных очках отражался холст, пустота отражала пустоту.

Из-за позы воротник синего бархатного пиджака поначалу скрывал причину смерти – кусок резиновой трубки был скручен и завязан вокруг его шеи.

– Вы двое стойте на страже у двери, – быстро произнес Фин. – Я пойду обыщу другие комнаты.

Но незванный гость не был найден.

– Лучше вызвать полицию.

– Тут нам лучше ничего не трогать, – предупредил Мун. – Позвоню из вестибюля внизу.

Полли села боком на стул и в позе изящного отчаяния перегнулась через спинку. Антигона⁶ приступила к плачу с сыщиком-любителем в качестве аудитории.

6 Персонаж древнегреческой мифологии, дочь царя Эдипа. Имеется в виду один из ключевых для античной литературы сюжетов, наиболее известный по драме Софокла «Антигона», когда после смерти Эдипа Антигона, несмотря на запрет нового царя Креонта, оплакала и похоронила своего брата Полиника, убитого при попытке захватить власть в родных Фивах, после чего под угрозой казни покончила с собой. В наше время этот сюжет получил особую популярность в годы Второй мировой войны, когда образ Антигоны стал аллегорией антифашистского сопротивления.

Полиция заставила всех, даже портье, по меньшей мере пять раз повторять показания. Особенно инспектор Гейлорд был, по-видимому, недоволен словами Фина.

– Есть только три возможности, мистер Фин. Или Аарон Уоллис покончил с собой – во что я не могу поверить, или вы убили его, или же вы помогли кому-то еще убить его. Думаю, вам лучше пойти домой и хорошенько обдумать эту вашу невероятную историю. Быть может, вы отыщете причину, по которой мне следует вам верить.

Фин вышел, разделив лифт с Джорджем, портье. Джордж словно постарел на сто лет.

– Ужасно, – сказал он. – Ужасно. Хуже всего этим бедным рыбкам-ангелам.⁷

– Рыбкам-ангелам?

– Они принадлежат Бленхеймам из десятого номера. Уехали на Бермуды на несколько недель, а мистер Уоллис должен был позаботиться об их рыбках-ангелах. Думаю, теперь это мое дело. Бедная истекающая кровью рыба никогда не причиняла никому вреда. Она лучше, чем иные люди.

Утро уже давно началось. Снаружи дома солнце потихоньку растапливало Лондон. Фин решил пойти домой, мысленно распределяя всю информацию, полученную от полиции.

1. Умерший – Аарон Уоллис.
2. Согласно медицинскому отчету он умер от удушения между восемью и девятью часами вечера.
3. Хотя имелась незначительная вероятность самоубийства, противоположные доводы были куда весомее. Обвязать резиновую трубку вокруг шеи нетрудно – куда сложнее удержаться и не сорвать ее обратно. Уоллису было бы куда легче утопиться в умывальнике.

⁷ Семейство морских лучеперых рыб из отряда окуневых, обладающих яркой окраской.

4. В квартире не было ни одного окна. Единственными проемами были дубовая дверь и четырехдюймовое вентиляционное отверстие на кухне. Решетка на нем не пропускала ничего крупнее жевательной резинки.
5. Аварийная лестница за стеклянной дверью не использовалась по трем причинам: поднялась бы тревога; порттье бы заметил кого-то снизу; наконец, детективы обнаружили слой пыли на ступенях, поручнях и дверных ручках лестницы – нетронутый в течение нескольких месяцев.
6. Соседи Уоллиса ничем не могли помочь. Мистер и миссис Бленхейм с десятого этажа были на Бермудах. Мистер и миссис Тэлбот с двенадцатого состояли в театральном клубе «Первая ночь». Они уехали около семи вечера на премьеру пьесы в Вест-Энде и не возвращались до часу ночи.
7. Перемещения Уоллиса прослеживались в течение всего вечера до самой его смерти. Он был в разных местах – в студии друга, в пабе, в клубе – с хорошо знавшими его людьми. Порттье видел, как он вернулся домой «около восьми».

Перечислив все это, Теккерей Фин понял, что это – невозможное преступление.

«Человека убивают в запертой, находящейся под наблюдением комнате, – подумал он с мысленным же стоном. – Убийца исчезает. Сыщик сдается и совершает бесчестное самоубийство... в противном же случае его арестовывают за это преступление».

Шерлок Холмс ничем не мог помочь. Фин поспешил домой читать детективы о запертых комнатах. Если доктор Фелл не вылечит эту заразу, то, возможно, дьявола сможет изгнать отец Браун.

Боб Прайс отбросил гаечный ключ и вытер руки.

– Что меня беспокоит, так это то, что кто-то пытался обдурить меня вчера вечером. Когда я был на работе, кто-то позвонил мне домой. Моя хозяйка приняла сообщение. Сказали, что Базз хочет видеть меня около часа ночи.

– Базз?

– Аарон для вас, Базз для меня. Теперь я понимаю, что это была фальшивка. Вы видели, что произошло за стойкой. Но кто передал сообщение?

– Хороший вопрос. Почему вы подумали, что это правда?

Прайс оглянулся на разобранный мотоцикл.

– Ну, я подумал, может быть, он передумал насчет нашей скульптуры. Подумал, он хотел поделить деньги – я слышал, ее продали.

– «Кухонную шрапнель»?

– Да уж. Она моя. Я позволил Баззу подать за меня заявку на конкурс, и он вписал в бланк свое имя. Тогда меня это не заботило – все мы были членами группы, имена не имели значения – но потом Базз забрал призовые деньги и отделился! Тогда группа видела его в последний раз. Но это была моя работа, и я могу это доказать.

– Правда? Как?

– Я провел инвентаризацию, понимаете? Всего, что я в нее вложил. Сколько ножей, булавок, гвоздей... Каждую чертову деталь. Некоторые из них не слишком-то разглядишь, так что наверняка не может сказать никто, кроме того парня, который все и сделал. Вот список. – Он вытащил оборванный документ из бумажника и протянул Фину.

– Интересно. Могу я сделать фотокопию, Боб?

– Конечно, оставьте себе. Я хранил, потому что думал отсудить у него половину денег... но не мог судиться с товарищем... а теперь...

Фин оставил его стоять в гараже посреди металлических костей мотоцикла. Прайс кулаками втирал себе в оба глаза черный жир.

На представление Озанама Фин взял с собой миссис Доусон. Медиум оказался худым, лысеющим мужчиной, куда больше похожим на своего брата, чем на ловкача Свенгали из объявления. Десять минут он бормотал о жизни в эфирном плане, тайнах древних, астральной проекции, тайных способностях разума.

– Как вы думаете, он это сделал? – спросила миссис Доусон, уже уверенная, что Озанам и есть убийца. – Полагаете, он правда может ходить сквозь стены?

– Демонстрация начинается! – шепотом одернул Фин.

Озанам попросил всех, у кого возникли вопросы, записать их на листке бумаги.

– Помощники раздадут вам листки. Когда напишете, сложите их и положите на поднос, когда до вас дойдет очередь.

Когда все сложенные листки были собраны, Озанам выбрал один, прижал его, все еще неразвернутым, ко лбу и с закрытыми глазами попытался «увидеть» его содержание «третьим глазом». Ответив на каждый вопрос, он разворачивал листок и громко зачитывал написанное, чтобы подтвердить свою правоту. Он успешно «увидел третьим глазом» вопрос миссис Доусон о сестре в Австралии и пообещал, что та вернется богатой.

– В этом что-то должно быть, – сказала она, весьма впечатлившись.

Фин улыбнулся.

– О да, в этом что-то и есть. Мошенничество. – Он посмотрел на Озанама, завершившего представление и раздававшего теперь автографы на экземплярах своей книги «Встреться с эфиром!»

Позже сыщик объяснил:

– Озанам или один из его помощников просто добавляют на поднос еще один листок. Назовем его листок X. На X записано то, что он знает. Теперь он берет с подноса лю-

бой настоящий листок, например А. Он подносит его к голове и «видит» содержание X. Затем он разворачивает его и делает вид, что читает то, что написано на X. В то же самое время, конечно, он видит истинное содержание А. Затем он берет с подноса листок В, подносит его к голове и «видит» А. И так до бесконечности, с отставанием на одну позицию. Он заканчивает листком X.

– Но все же, – сказала миссис Доусон, – немного он да оккультиен. Как же иначе он ходит сквозь стены и убивает людей?

Фин почти всю ночь пробродил по Лондону. Он говорил с Джорджем и инспектором Гейлордом. Воскресное утро застало его гуляющим по набережной. Заголовки новостей предлагали выбор – убийство, правительственный кризис или забастовка грузчиков Британской заморской авиационной корпорации.⁸ Он остановился перед газетой, со страницы которой глядела пара глаз под заголовком: «Брат-медиум художника: эти глаза предсказали трагедию?»

И вдруг он понял все; последний фрагмент ответа присоединился к остальным.

Настало время созвать всех подозреваемых. Фин решил пригласить их в Гайд-парк⁹ на randеву неподалеку от Серпентайна.

Полли Брэдбери неохотно села в последний свободный шезлонг между Энтони Муном и Бобом Прайсом. Рядом с Бобом сидел инспектор Гейлорд, за ним Озанам, а дальше два молодых японца, снимавшие на кинокамеру неподвиж-

8 Существовавшая в 1939-1974 годах британская государственная авиакомпания, выполнявшая рейсы за границу и в колонии Великобритании.

9 Лондонский Гайд-парк включает в себя, в том числе озеро Серпентайн, названное так по крайне извилистой форме, и Уголок ораторов, где любой желающий может выступить с речью и организовать митинг.

ную воду. Теккерей Фин стоял, дрожа от холодного ветра. Полли тоже вздрогнула.

– Надеюсь, у вас есть чертовски веская причина, чтобы собирать нас тут в такую мерзкую погоду.

– О, самая лучшая. – Фин принялся расхаживать перед слушателями. – Видите ли, убийца – один из нас, собравшихся в этом парке! И я хочу назвать имя. Прежде всего, позвольте мне резюмировать то, что, как кажется, произошло. За единственным входом в квартиру Уоллиса я непрерывно наблюдал с трех часов дня до часу ночи. За это время вошел только Аарон Уоллис, не выходил никто. Уоллис проверил и не нашел никого, кто бы его ждал. Но в последующий час он был задушен. Более того, он умер в то самое время, которое упоминалось в двух письмах с угрозами, и в день, предсказанный его братом Гектором.

Озанам покраснел.

– Я видел то, что видел, – сказал он. – Не физическим глазом, но...

– Возможно. В любом случае, сначала я подумал, что убийца, должно быть, сбежал, пока мы с Муном были внизу в вестибюле и еще не вернулись, чтобы обнаружить тело. Но все эти пять минут лифт оставался на нижнем этаже, лестница не использовалась, окон не было. Бежать было невозможно.

Японская молодежь отправилась снимать дерево.

– Это исключает несколько способов убийства Уоллиса. Убийца не скрывался в квартире заранее, чтобы убить его, а затем сбежать. Не вправе мы и предполагать, что Уоллис все это время лежал в квартире, под действием наркотиков или связанный, что убийца выдал себя за него, входя внутрь, убил его, а затем сбежал. Мы переходим к причудливым механическим приспособлениям. Часовой механизм выпускает петлю из смертоносной резиновой трубки, когда пробьет девять раз. Или жертву принуждают встать перед дырой в стене, через которую убийца может

задушить ее. Либо даже тайная панель, или нора священника, в которой скрывается убийца. Излишне говорить, что все это – не ответ на загадку. У нас остались еще более легкомысленные теории. Уоллис задушен где-то еще, возвращается домой и умирает. Он загипнотизирован и душит себя сам. Незнакомец из четвертого измерения проходит сквозь стены, чтобы убить его по каким-то своим четырехмерным причинам. Таинственные газы. Астральная проекция. Призраки. Дьявол, уносящий душу художника Фауста.

– Будем продолжать эту тему? – спросил Озанам. Полли отвернулась и постучала ногой. Мун, похоже, уснул.

– Вы правы. – Фин остановился прямо напротив них. – Я знаю, что Аарон Уоллис был жив и здоров примерно до восьми часов вечера, когда вернулся в свою лишенную окон квартиру. Там убийца через несколько минут задушил его этой длинной резиновой трубкой.

– Но вы все время наблюдали за дверью! – заметила Полли.

– Наблюдал, да. *Но это была дверь в другую запертую комнату.* – Фин извлек из кармана курительную трубку из тыквы-горлянки. – Поскольку вы все выглядите изумленными, возможно, мне лучше объяснить. Во-первых, убийце следовало заранее подготовиться. Он – или она – знал, что соседи с десятого этажа уехали, а у Уоллиса есть их ключ. Он также знал, что этим вечером соседи с двенадцатого этажа уйдут в театр. Ему удалось добыть копии ключей от квартиры Уоллиса и от квартиры на десятом этаже. Он также сделал фальшивую табличку с номером двери, фальшивую цифру «одиннадцать», которую наклеил на настоящую табличку на двери десятого этажа. Идея, конечно, заключалась в том, чтобы иметь настоящий и поддельный одиннадцатые этажи. Он добавил такие мелочи, как оранжевый кухонный стул. Понимаете, у Бленхеймов набор из четырех таких стульев – но если вы пойдете и

посмотрите сейчас, то найдете только три. Четвертый – в квартире Уоллиса. Затем я был поставлен наблюдать за замаскированной дверью десятого этажа. Уоллис пришел домой на одиннадцатый этаж и был задушен. И вот начинается элегантная часть всего дела. – Фин зацепил трубку уголком рта. – Убийца раздел Уоллиса и надел его одежду. С помощью парика, зеркальных солнцезащитных очков, белых перчаток и еще одной-двух деталей обмануть меня было нетрудно. В конце концов, я никогда не встречался с художником. Затем фальшивый Уоллис спустился на лифте с одиннадцатого на десятый этаж и исполнил для меня свое небольшое представление. Я чуть все не испортил, попросив дать посмотреть квартиру внутри. Но фальшивый Уоллис был хорошим актером – или актрисой, достаточно хорошим, чтобы отделаться от меня. Он дал мне оранжевый стул. Затем он закрыл и запер дверь, притворившись, что навешивает цепочку, и прямо через окно вышел вместе с другим стулом на пожарную лестницу. Естественно, он не мог попасть прямо на одиннадцатый этаж, поэтому поднялся на двенадцатый. Осторожно открыв одно из окон у Тэлботов, он прошел прямо через их квартиру и спустился на лифте на одиннадцатый этаж. Теперь ему оставалось только переодеть труп обратно, и обман был завершен.

– Нелепость! – произнес Озанам.

Прайс как будто задумался.

– Эй, а как насчет окоченения? В смысле, его, наверное, было трудно одевать-раздевать.

– Окоченение не успело произойти – все заняло меньше получаса. К тому же он поднял руки Уоллиса так, как мы нашли их, чтобы облегчить себе задачу. Теперь, переодев жертву, убийца ставит запасной оранжевый стул снаружи двери и запирает ее. Сперва он навешивает снаружи цепочку. Для этого нужны веревка и проволочные плечики, но любой может это проделать, попрактиковавшись несколь-

ко минут. Наконец, он запирает саму дверь. Позже, когда я уйду с десятого этажа, он сможет поставить кухонный стул Бленхеймов обратно и удалить с их двери ложный одиннадцатый номер – прикрепленный резиновым клеем, полагаю. Вероятно, он сделал это во время всеобщего волнения после обнаружения тела. Пока шел звонить в полицию. Другими словами, убийца – Энтони Мун.

Мун, по-видимому, проснулся.

– Э? А?

– Я говорю, вы убили Аарона Уоллиса.

– Чушь! – Мун сел. – Зачем мне вообще убивать его? Избавиться от курицы, несущей золотые яйца?

Фин вновь принялся расхаживать.

– Я сам думал об этом, пока не узнал кое-что о вашем деле. Вы не просто торговец, вы коллекционер. Вы собираете Уоллиса. Многие из его лучших работ – в ваших руках. Но Уоллис, по-видимому, иссякал. Собственно, он уже год не делал больших картин. Когда гусю больше не надо лежать в клетке – можно есть паштет из фуа-гра. Вы знали, что ничто так не поднимает цены на работы художника, как его внезапная смерть. Итак, вы покупали все больше и больше его вещей, почти контролируя рынок... И строили планы. Я должен был заподозрить вас сразу, как только увидел вас за тем же занятием, что и сейчас, – вы щупали свои усы, чтобы проверить, держатся ли они. Думаю, загар тоже смывается. И уверен, что у вас дома мы найдем парик Уоллиса – или пепел от него.

– И это ваши доказательства? – снисходительно улыбнулся Мун.

– У меня есть доказательство, – тихо сказал сыщик. – Только вы могли завести меня на десятый этаж. Легко, не правда ли? Вы нажали кнопку одиннадцатого, когда мы зашли в лифт. Затем вы показали мне то объявление и, пока я читал его, нажали на десятый. Естественно, лифт сперва оста-

новился ниже. И, поскольку я отчетливо видел ложный номер на двери, я ничего не заподозрил.

– Вот как вы говорите. – Мун выглядел уже более уверенно. Откуда-то из Уголка ораторов донесся рев толпы. – Вы действительно такой же, как они. Шума много, а сказать особо нечего.

– Вы сказали слишком много, – парировал Фин. – Вы сказали мне, что у Уоллиса был бы прекрасный вид на реку, если бы не заложенные окна. Вы не просто об этом догадывались, вы видели это с десятого этажа.

– Опять блеф. Кто угодно, исходя из расположения здания, скажет, какой будет вид. У вас нет ни клочка настоящих улик.

– Поскольку вы выбросили фальшивую табличку с номером и два ключа. Должно быть, нелегко было сидеть там, отвечая на вопросы полиции с этими ужасными уликами в кармане. И их нельзя просто бросить с моста в реку. Надо было спланировать избавление от них, как вы спланировали все остальное. Вы отправились в галерею, где ваши люди упаковывали «Кухонную шрапнель» для перевозки в Рио. Пока никого не было рядом, вы с помощью эпоксидного клея добавили их к незаметным частям скульптуры.

– Бред какой-то! Слишком фантастично, чтобы отвечать. – Торговец искусством отвернулся от Фина. Толпа в Уголке ораторов снова принялась приветствовать своего вождя.

– Вы полагали, что в течение дня единственное неопровержимое доказательство против вас окажется в руках частного коллекционера в Рио-де-Жанейро, и его больше никогда не увидят. Никто, кто смотрел на скульптуру, не заметил бы одного или даже трех лишних кусочков металла. А художник благополучно умер. Верно? Неверно. – Фин указал черенком трубки на Боба Прайса. – Художник сидит здесь. Он точно знает, как производилась сборка, и у него есть полный письменный перечень ее составляющих. В нем указаны все гвозди и булавки. Но там нет латунного номер-

ного знака. И нет ключей. – Мун начал говорить, но детектив прервал его: – Еще один провал в вашем плане. Из-за забастовки грузчиков скульптура находится не в Рио, а в Хитроу. Пойдемте посмотрим немедленно?

Инспектор Гейлорд шевельнулся, но недостаточно быстро. Практически одним движением Муну удалось перевернуть шезлонг под полицейским. В мгновение ока он сбросил Фина в Серпентайн и скрылся за ближайшим холмом.

Все словно сговорились, чтобы помочь Муну сбежать. Фину пришлось пробираться через детский футбольный матч. К возне присоединились несколько крупных собак. Инспектор врезался в воздушного змея. Убийца беспрепятственно добежал до Уголка ораторов, перепрыгнул через оградку и растворился в толпе.

Теккерей Фин наполовину свесился из окна, надувая с помощью трубки мыльные пузыри. Он объяснил миссис Доусон, что это не легкомысленная игра, а важный эксперимент в области поверхностного натяжения.

– Кроме того, это помогает мне сосредоточиться. Не так чтобы после поимки Муна было много на чем сосредоточиваться... Несколько шифров взломать... игра с почтовым Фробишером...

– Но как же они вообще смогли поймать мистера Энтона Муна? – закудаhtала миссис Доусон.

– Просто ему не повезло, в самом деле не повезло. – Фин взорвал огромный, раскачивающийся шар. – Как только он присоединился к демонстрации, началась перепалка с полицией. Муну досталось больше всех. Когда его задержали, у него было на один зуб и один ус меньше.

– Ничего лучшего он не заслуживал, бродяга!

Сыщик не ответил. Он надувал губы, выдувал пузыри своей мечты и смотрел, как они плывут к черным железным шипам забора внизу.

У ВАС ПЕРЕХВАТИТ ДЫХАНИЕ

Длинная очередь в кинотеатр заворачивала за угол и выбиралась оттуда обратно на узкую, темную улицу. Теккерей Фин и Нелл Форчун стояли в самом пренеприятнейшем месте – в хвосте; возле источающей ароматы тележки продавца хот-догов. Рядом с ней человек-оркестр подбадривал их «Полковником Боги»¹⁰ на барабанах, тарелках и ненастроенном банджо, а еще где-то казу¹¹ у наяривало «Человека с тамбурином».¹²

– Все звуки и запахи весны, – пробормотал Фин.

Нелл посмотрела на него.

– Если тебе не нравится, пошли, Янки, гоу хоум. Не знаю, зачем мы здесь. Ты уже затащил меня в два мерзких кафе и грязный зал аттракционов. Американцы так представляют хорошо проведенное время? Или мы за чем-то следим?

– Мой английский уже второй раз обогатился. Мы следим за тем человечком в шляпе через девять... нет, десять человек от нас. Тем, с сигарой. Его зовут Рег Смитт, и у него какие-то дела с гангстерами.

– Гангстеров больше нет, – приподняла бровь его собеседница.

10 «Марш полковника Боги», сочиненный в 1914 году, получил известность после его использования в фильме Д. Лина «Мост через реку Квай» в 1957 году.

11 Казу – американский народный музыкальный инструмент, представляющий собой сужающийся к концу цилиндр, в который вставлена бумажная мембрана. Для того чтобы играть на казу, нужно петь в этот цилиндр.

12 «Mr. Tambourine Man» – песня, написанная Бобом Диланом. Была записана им в 1965 году.

– Их не так много, как раньше. И Рег утверждает, что знает кое-что о том, кто их устраняет. Так что меня попросили присмотреть за Регом.

– Кто?

Фин сверился с блокнотом.

– Реджинальд Смитт. Да, совпадение имен. – Он извлек огромную лупу и осмотрел черную кирпичную стену рядом с собой.

– Ищешь подсказки?

– Ищу чистое место, чтобы опереться. Похоже, нам придется немного подождать.

Следующее замечание Нелл заглушил пронзительный крик: «Ибо с небес явился гнев Божий на всякое нечестие! Горе, говорю тебе...» Мимо прошел человек в толстых очках с плакатом: «Конец близок!», явно желавший оповестить об этом всех посетителей кинотеатра. Его тут же сменил громкоголосый продавец арахиса.

– Я спросила, почему полиция не защищает Смитта?

– Они защищают. Они повсюду. Вот упитанная пара средних лет прямо перед нами. Не заметила выпуклость у него подмышкой?

– Пистолет?

– Рация, – холодно произнес мужчина, повернув голову. – Прошу вас, мисс, говорите потише.

Фин исследовал тротуар через лупу.

– Хм-м. Примерно двадцать четыре часа назад здесь проходил мужчина с седыми волосами, слегка прихрамывающий, недавно вернувшийся с Майорки и часто носящий белую одежду.

Нелл изобразила изумление.

– Как ты узнал?

– Это мой молочник. Он сказал, что видел этот фильм вчера вечером.

– Элементарно, мой дорогой Фин. Скажи, можешь определить состав этих хот-догов?

– Пожалуй, нет. Но если тебя снова беспокоит запах, у меня есть для тебя подарок. – Он протянул ей маленькую бутылочку. – Редкий аромат. Сам выиграл в зале аттракционов.

Нелл отвернула крышечку и сморщила носик.

– Ух, фу, масло пачули. Убери, это еще хуже, чем псина.

Несколько подавленный этим Фин убрал бутылочку. Нелл сделала несколько ремарок насчет дурного вкуса американцев как таковых и Фи́на в особенности.

– Фин, ты слушаешь?

– Э-э, да, но не тебя, прости. А это казу. Интересно...

– Что? «Человека с тамбурином» переврали?

– Нет, просто интересно, почему они все по-разному обрабатывают очередь. Тот человек-оркестр начал в голове и дошел до хвоста. А этот парень, похоже, движется в противоположном направлении. О, вот он подходит за данью. Лучше дам ему что-нибудь. В любом случае я заметил, что мистер «Близкий конец» и человек с орехами уже проделали полный маршрут в обе стороны.

Игрок на казу, молодой человек в джинсовом костюме, подошел к ним, протягивая холщовый мешок и распевая «Да, спасибо, большое спасибо» тем, кто подавал, равно как и тем, кто этого не делал.

– Минуточку, – сказал Фин, вытаскивая из кармана пригоршню мелочь. – Я не слишком знаком с этими английскими деньгами. Сколько я должен вам дать?

– Как хотите, сэр. Вам решать.

Но Фин несколько секунд, сложив ладонь, перебирал ее содержимое, прежде чем произнес:

– А, черт возьми, можете забрать все.

Он высыпал монеты в сумку.

– Спасибо, – сказал уличный музыкант с ноткой благодарности в голосе. Он отправился поблагодарить еще одного-двух отказавшихся от внесения вклада в сумку, а за-

тем вновь отошел в самый конец очереди, и через мгновение опять зазвучал «Человек с тамбурином».

Очередь продвинулась на несколько шагов и встала.

– Мне это не нравится, – сказал Фин. – Посмотри на Смитта.

К этому времени движение очереди привело маленького человечка в глубокую тень около поворота в переулок. Смитт был почти невидим, не считая светящегося кончика сигары.

– Инспектор, если у вас есть человек возле кассы, предлагаю вам пообщаться с ним по рации и узнать, что происходит.

Полноватый мужчина так и сделал.

– Там какая-то ссора, – сказал он. – Кто-то пытается проскочить вне очереди или что-то типа того.

– Ну ладно. Тогда нам лучше...

Светящийся кончик сигары Смитта опустился и упал на землю, за ним последовал и его силуэт в целом. Инспектор быстро проговорил в рацию какую-то тарабарщину.

– Я оцепил улицу у кинотеатра. Пойдемте взглянем на него.

Они бросились вперед и через минуту узнали все детали.

Смитт лежал мертвый. Тонкая рукоять ножа с выдвигаемым лезвием торчала из его груди под углом, не оставлявшим сомнений. Убийцей мог быть только кто-то, стоявший рядом с ним в очереди либо появившийся из переулка.

– Так мы его и поймаем, – сказал инспектор. – Переулок тупиковый, единственная дверь в нем – выход из кинотеатра. Так что, если его нет в очереди, он должен быть внутри.

Судмедэксперт покачал головой.

– Эта рана кровоточила в течение нескольких минут, – заметил он. – Я бы сказал, что его ударили ножом за минуту или две до того, как вы увидели, что он упал. Убийца мог сбежать из кинотеатра.

Фин не принимал участия в разговоре. Он один раз, наклонившись, исследовал труп через лупу, пару раз оглянулся на Нелл, чтобы убедиться, что все в порядке, но в

остальное время смотрел куда-то во мглу и что-то напевал под нос.

– Ничего не поделаешь, – сказал инспектор. – Надо просто побеседовать со всеми в кинотеатре и в очереди.

– Эхм-м. Я предлагаю, – сказал Фин, – начать беседы с прослушивания музыки. И держите нос по ветру.

– Что? Послушайте, Фин, у нас нет времени...

– Нет, это вы послушайте. Этот игрок на казу внезапно запыхался. Как будто он обежал квартал от парадного входа в кинотеатр до дальнего конца этой улицы.

– Чушь! Он играет почти непрерывно.

Фин кивнул.

– Или кто-то играет. Не забывайте, мы слышали, как он играет где-то позади нас, но не видели его. Он мог передать свой казу другу и ненадолго отлучиться.

– Ух ты! – крикнул инспектор. – Вы молодец. Приведите его, Джонс. – Полицейский в форме подвел к ним уличного музыканта.

– Я ничего не знаю, – заявил тот. – Никогда не подходил к этому парню, любой вам подтвердит.

– Да, – сказал Фин. – Вы совершенно очевидно дали понять, что не хотите, чтобы вас видели ближе, чем в десяти ярдах от Смитта. До этого я заметил, как вы держались ближе к хвосту очереди, в то время как все остальные музыканты и торговцы обходили ее целиком, и я обратил на вас внимание. Нет, вы подобрались к нему с другой стороны. Вы отошли, обежали квартал и вошли в кинотеатр – думаю, с бронированным билетом. Затем вышли, оставив дверь открытой, и сделали все, что надо, в переулке. Конечно, вернулись вы тем же путем. Один из ваших приятелей задерживал очередь впереди, а другой играл на вашем казу сзади.

– Докажите, – сказал музыкант.

– На ноже нет отпечатков, – добавил инспектор.

– Я сказал, что обратил на него внимание, и сейчас это докажу. Нелл? – Она выступила вперед и с заметной неохо-

той согласилась на тест. Нож извлекли и протянули ей рукоятку вперед. Правую руку сопротивляющегося музыканта удерживали два констебля. Нелл изучила и то, и то.

– Масло пачули! – воскликнула она. – Его рука и нож воняют им!

– Ты мне сказала избавиться от него, поэтому я бросил флакон в его сумку.

– Для меня этого достаточно, – заявил инспектор. – Отведите его в участок. Спасибо, Фин.

У Нелл слегка кружилась голова, но она улыбнулась.

– Ну, янки, гоу хоум.

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

ЕЩЁ ОДНО ДЕЛО ФЕНТОНА УОРТА

Фентон Уорт велел своему камердинеру Бозо остаток вечера не звать его к телефону.

– Я хочу провести тихий вечер с хорошей книгой, – сказал популярный частный детектив и указал на переплетенный в телячью кожу новый том на библиотечном столике.

Бозо ухмыльнулся, зная, что обычно случается в жизни известного сыщика в такие «тихие вечера».

– Полагаю, сэр, – произнес он, – что в комнату ворвется прекрасная леди, умоляя вас спасти ей жизнь. Или инспектор Гроган попросит вас помочь отыскать бриллианты Стилтона.

Знаменитый шпик улыбнулся.

– Не сегодня, Бозо. Я серьезно: никаких звонков. Если это, как обычно, вопрос жизни и смерти, отошлите звонящего в полицию. Прочие же дела я могу рассмотреть утром. А пока я запрусь в библиотеке и не хочу, чтобы меня тревожили.

С этими словами выдающийся криминалист изгнал своего слугу из комнаты, повернул ключ и уселся в свое любимое моррисовское¹³ кресло с «хорошей книгой». Это был детективный роман под заглавием «Запертая комната».

– «Запертая комната», а? Должно быть, очень интересно, – размышлял он, играя своей открывалкой для писем. Этот любопытный инструмент был в действительности

13 Имеется в виду мебель по рисункам выдающегося английского художника и декоратора, сторонника эстетизации быта Уильяма Морриса (1834-1896)

оружием народа моро,¹⁴ образцом тех ножей с изогнутым лезвием, что известны любителям кроссвордов как «крисы».¹⁵ Открыв том, Фентон с помощью криса разрезал несколько страниц и стал читать.

Сюжет этого романа, лишенный украшений, ложных направлений и прочих прихотливых элементов, был прост: человека нашли мертвым в наглухо запертой изнутри комнате. Больше внутри никого не было, и хотя причиной смерти, определенно, стало убийство, никакого оружия отыскать не удалось. Подозреваемые имелись в изобилии, но как хоть кто-то из них мог это сделать?

Фентон сталкивался со множеством подобных дел в реальной жизни; собственно, они составляли основную часть среди его расследований убийств. Он раскрывал запертые комнаты с трупами, умерщвленными путем удушения шнуром на шее и подушкой на лице, выстрела, закалывания, отравления, утопления, сожжения, разрубания на куски, пуска электрического тока, с помощью смертоносных змей и пауков – и даже гораздо хуже.

В некоторых из этих дел фигурировали комнаты, в действительности вовсе не запертые. Сюда входили комнаты с секретными панелями и одна комната, где карлик-убийца прятался в сундуке. Все подобные «надувательские» дела Фентон оставлял полиции.

Более интересными были случаи, где комнаты были действительно заперты, но хитроумным способом закрыты снаружи. Один убийца, просто заперев дверь и спрятав ключ у себя в руке, помог выломать дверную панель, чтобы попасть в комнату. Затем он протянул руку сквозь дыру и «нашел» ключ в замке. Другие полагались на хитроум-

14 Группа народов, проживающих в южной части Филиппинского архипелага и исповедующих ислам (в связи с чем и получили от испанских колонизаторов наименование «моро», то есть «мавры»).

15 Крис – национальный кинжал с характерной асимметричной формой клинка. Появился на острове Ява, распространён по всей Индонезии, на Филиппинах и в Малайзии.

ные системы веревок, штифтов, шнуров и так далее, чтобы сбрасывать защелки, задвигать засовы и запирают замки снаружи двери. Один убийца просто снял дверные петли, заменив их после того, как совершил внутри свое темное дело.

В других случаях комната была заперта, причем изнутри, но не была полностью непроницаемой. Через вентиляцию можно пустить ядовитый газ, а также, само собой, гадюку. Сквозь замочную скважину можно выстрелить и убить ледяной пулей, которая затем тает, не оставляя следов. Использовались также ядовитые дротики, влетающие в недоступное иным способом окно, бомбы в дымоходе и так далее. В одном любопытном деле человек был заколот прямо сквозь стену очень длинным, тонким и острым мечом.

Было несколько случаев «забавных ухищрений». Эти неизменно относящиеся к делу устройства, спрятанные в комнатах, выполнив свою задачу, снова превращались, по видимости, в невинный предмет интерьера. Некоторые из них запускались самими жертвами, другие управлялись дистанционно, иные – часовым механизмом. Жертв расстреливали телефонами, взрывали слуховыми аппаратами, закалывали часами, душили стетоскопами и разрывали на куски пишущими машинками. В эту категорию Фентон помещал свое интересное «Дело о фрейдистском мировоззрении», где человек был раздавлен насмерть раскаленными железными стенами искусно придуманной комнаты.

Он прервал чтение, чтобы разрезать еще несколько страниц. Эта загадка, «Запертая комната», была самой странной из всех, с какими он когда-либо сталкивался, и непохожей ни на какие другие.

Она определенно не совпадала с тщательно продуманным самоубийством в «Тайне желтой ступеньки», где жертва повесилась на веревке с особым узлом и грузом. Когда

дверь в комнату взломали, петля развязалась, сбросила тело на пол и исчезла через окно в (поскольку дело было в Венеции) Большом канале.

Не походило это дело и на «Тайну лилового фортепиано», где жертва заперлась в комнате, по совпадению набитой сломанной мебелью и другими следами борьбы, упала в обморок и разбила голову о каминную решетку. Этот случай дал Фентону пищу для размышлений, как и связанная с ним «Тайна малиновой маримбы». Там предполагаемая жертва просто подверглась эпилептическому припадку, разгромила комнату и закончила тем, что била себя ногой по лицу, пока не умерла (этот эпилептик был еще и танцором).

Здесь размышления Фентона прервал Бозо, вошедший с подносом, на котором лежали тосты и какао.

– Вспоминал некоторые мои старые дела с «запертыми комнатами», Бозо, – проговорил общепризнанный мастер сыска. – Должен признаться, что реальные дела намного проще детективной литературы. Этот роман пока что загнал меня в тупик. – И он обрисовал своему камердинеру сюжет.

– Звучит замысловато, сэр, – произнес Бозо. – Напоминает то «Дело малахольной малышки».

– Нет, думаю, ты имеешь в виду «Тайну огромной утки», не правда ли, Бозо? Где в конце концов, выяснилось, что жертву закололи булавкой на приеме у посла, посреди множества людей. Убитый даже не подозревал об этом. Ушел в другую комнату, заперся там, а затем медленная кровопотеря его погубила.

– Добрался я-таки до вас, – рассмеялся вошедший в комнату инспектор Гроган. – Пришел попросить у вас помощь в том деле с бриллиантами Стилтона. Нашел наружи эту юную леди. Утверждает, что ее жизнь в опасности.

Девушка, красивая блондинка с подбитым глазом, выглядела слишком перепуганной, чтобы говорить. Затем явился Клод Эллиотт, миллионер-плейбой, облаченный в свой

обычный черный вечерний костюм с поблескивающим в глазу моноклем.

– Слушай, ты славный малый, – протянул он, – может, сладись с этим дельцем? Похоже, кто-то похитил папашу. Его личная машина целиком исчезла из поезда. Чертовски неловко, а? – Ответа на этот вопрос молодой Эллиотт не ждал.

– Прощенья просим, мистер Уорт, – произнес жокей, вынырнув из-под расшитого алым плаща Эллиотта. – Медовый Марш похитили!

– Медовый Марш украден! – повторила изумленная ищейка. Эта славная кобылка взяла золотых медалей больше собственного веса, как и ее отец, Моя Белая Мечта, которого Фентон ранее спас от допинга...

– «Дело о мотыльке Моны Лизы», – выдохнул Бозо.

– Точно, – сказал Фентон. – Избавься от некоторых из этих людей – от всех них, Бозо. Я хочу хорошенько подумать.

Бозо осторожно, но твердо вытолкнул их всех из библиотеки: дебютантку и уличную танцовщицу, посла Бровнии и жующего резинку водителя такси, акулу бизнеса и медиума-духовидца, жокея, плейбоя, копа и блондинку с синяком.

– В «Деле о причудливом происшествии», – размышлял Фентон, – фокус состоял в том, чтобы создать впечатление, что жертва была мертва до того, как умерла в действительности. Убийца затащил ее в комнату, накачал наркотиками и сумел запереть комнату. Затем он притворился встревоженным, убедил нас, что что-то случилось, и выломал дверь, чтобы войти. Помнится, он бросился впереди нас, крича при виде (якобы) перерезанного от уха до уха горла жертвы. И в самый момент крика он перерезал это горло – за мгновение до того, как рану увидели остальные!

– Было еще одно дельце, сэр, – сказал Бозо, – то, что вы назвали «Изобилием убийств».

– Вполне верно, Бозо. Там, как и во многих случаях, уловка заключалась в том, чтобы заставить нас всех поверить, будто жертва еще жива, хотя она уже была убита. В упо-

мянутом тобой случае это достигалось посредством записи голоса жертвы на фонограф. В других случаях использовались зеркала, переодевания, посмертные маски и даже чревовещание. И все же «Запертая комната» не относится к этому типу. Непохожа она и на более причудливые дела, вроде «Тайны неверного гостиничного номера», или более простые, как «Дело о гардении Гансела». В первом случае все зависело от тщательно продуманной замены номеров на дверях; во втором деле убийца только притворялся, что дверь заперта, и держал ее прикрытой, делая вид, что выбивает ее.

Бозо удалился, и прославленный разоблачитель преступлений закрыл дверь и запер ее на засов. Оставалось разрезать только страницы последней главы, но он все еще не мог себя заставить сломать печать на этой загадке. Конечно, он мог угадать развязку, еще не дочитав до нее! Несомненно, во всем его опыте должен быть один случай, относящийся к разрешению этой путаницы.

Тем не менее, он охватил все категории: тайный ход или панель; шнур в двери; ледяная пуля и все такое. Оставалось рассмотреть только одно дело, странное «Дело опаленного адъютанта».

ДЕЛО ОПАЛЕННОГО АДЪЮТАНТА

Еще одно дело Фентона Уорта

Жертвой был отставной военный, джентльмен здравомыслящего и умеренного образа жизни, ярый противник вивисекции. Ежедневно он проводил по несколько часов в своем кабинете за написанием мемуаров и памфлетов против вивисекции, или, быть может, просто глядя на бескрайнюю пустошь, на которую из его окна открывался прекрасный вид. Если он не писал, то его обычно можно было отыскать на этой пусто-

ши бродящим и медитирующим. У него не было ни единого родственника, зато было совсем немного денег и преданная экономка-шимпанзе.

В тот день на вересковой пустоши разбил шатры цирк, и адъютант, по словам экономки, пошел посмотреть его – уже во второй раз. Обеспокоенная его отсутствием, она, наконец, вызвала полицию и Фентона Уорта. В цирке никто адъютанта не видел. При обыске дома взломали дверь его кабинета.

Дверь там была только одна, и единственный ключ от нее был от адъютанта, а к единственному в комнате окну было не подобраться. Мебель состояла из письменного стола, стула и дивана. Адъютанта нашли лежащим на диване, задушенным – на горле четко виднелись следы пальцев – и странно высохшим. Ключ от двери был у него в кармане.

Окно кабинета было открыто, но Фентон вскоре доказал, что добраться до него было невозможно, поскольку оно располагалось в сорока футах над заболоченными песками. Эта трясина не выдержала бы ни лестницу, ни любое другое приспособление для лазания, а нетронутая ее поверхность указывала, что ничто с той стороны не подбиралось к дому ближе, чем на сто футов. Кроме того, нельзя было спуститься с крыши на веревке, поскольку крыша была сделана из предательски сгнившей соломы – тоже не потревоженной.

На экономку, как единственную наследницу адъютанта, пало серьезное подозрение. Но осмотр трупа вместе с уликами из памфлетов и мемуаров адъютанта установил истинные обстоятельства дела, разъясненные Фентоном.

Адъютанта задушили в цирке, поместили в пушку и выстрелили через окно, приземлив на диван. Это подтверждалось ожогами и следами пороха на ногах трупа.

Некоторые подробности в мемуарах и памфлетах адъютанта указывали, что он обнаружил возмутительную вивисекцию за кулисами цирка и собирался представить все это гнусное дело вниманию общественности. При первом посещении цирка он опознал своего старого врага, бывшего нацистского офицера-артиллериста, в войну прославившегося пытками животных, главным образом, щенков и котят. Установление того, чем именно кормят львов, завершило его расследование; остальное, как он сам бы выразился, пустяки.

Столкнувшись с этими доказательствами, Человек-Ядро сломался и признался, рыдая на бессвязном немецком языке.

– Хм-м-м, – сказал Фентон. – Даже это дело здесь мне не помогает. Возможно, мне стоит перечитать роман в поисках пропущенных ключей.

Общеизвестный соглядатай вновь перелистал книгу.

– Да это аномалия! – воскликнул он. – Автор говорит нам на первой странице, что дверь заперта, а здесь, на третьей странице, это явно не так! Какое тут может быть объяснение?

Внезапно прославившийся на весь мир частный сыщик резко выпрямился.

– Ага! Автор говорит, что дверь заперта, но у нас есть только его слова. Теперь кусочки мозаики начинают вставать на место. Автор мог, в действительности, организовать все убийство, чтобы заработать на его переносе в сюжет книги! Тогда имя убийцы, должно быть...

Но всем известный следователь-любитель никогда не назовет моего имени. Его найдут завтра утром заколотым в запертой изнутри комнате. Крис исчезнет.

Так начинается мой детективный роман, еще одно дело Фентона Уорта.

ПОХИЩЕННОЕ МАСЛО

РАССКАЗ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО, ИСПРАВЛЕННЫЙ И
СОКРАЩЕННЫЙ ДЖОНОМ СЛЕЙДЕКОМ

Как-то в Париже, в ветреный вечер осенью 18... года, когда уже совсем смерклось, я предавался двойному наслаждению, которое дарит нам сочетание размышлений с пенковой трубкой, в обществе моего друга С. – Огюста Дюпена в его маленькой библиотеке. Дверь распахнулась, и в библиотеку вошел наш старый знакомый, мосье Г., префект парижской полиции.

– Но все-таки что это за дело? – спросил я.

– Я сейчас вам расскажу, – ответил префект, – мне было сообщено из весьма высоких сфер, что из королевских апартаментов была похищена некая приправа величайшей важности. Похититель известен. Приправа все еще находится у него, что вытекает из самой природы приправы и из отсутствия неких последствий, которые неминуемо возникли бы, если бы она больше не находилась у похитителя.

– Следовательно, – согласился я, – масло спрятано где-то в его особняке. Предположение о том, что он носит его при себе, вероятно, следует сразу же отбросить.

– О да, – сказал префект. – Его дважды останавливали псевдограбители и под моим личным наблюдением обыскивали самым тщательным образом.

– А его особняк?

– Ну, по правде говоря, мы не спешили и обыскали решительно все. Я осмотрел здание сверху донизу, комнату за комнатой, посвящая каждой все ночи целой недели. На-

чинали мы с мебели. Мы открывали все ящики до единого, а вы, я полагаю, знаете, что для опытного полицейского агента никаких «потайных» ящиков не существует. А линейки у нас точные. Мы заметим разницу даже в пяти-сотую долю дюйма. Сиденья кресел мы прокалывали длинными тонкими иглами – вы ведь видели, как я ими пользовался. Со столов мы снимали столешницы, учитывая возможность выдолбленных ножек, равно как и спинки кроватей.

– Вы же не разбирали на части все стулья? – спросил я.

– Конечно, нет. У нас есть способ получше: мы исследовали перекладки всех стульев в особняке, да, собственно говоря, и места соединений всей мебели, с помощью самой сильной лупы. Любой мельчайший след недавних повреждений мы обнаружили бы сразу. Крохотные опилки, оставленные буравчиком, были бы заметнее яблок.

– Полагаю, вы проверили и зеркала – место соединения стекла с рамой, а также кровати, ковры и занавеси?

– Безусловно; а когда мы покончили с мебелью, то занялись самим зданием. Мы исследовали каждый дюйм по всему особняку, а также стены двух примыкающих к нему домов – опять-таки с помощью лупы. Дворы были вымощены кирпичом, обследование мха между камнями не выявило повреждений.

Дюпен впервые вступил в разговор.

– Предполагаю, особняк имеет длину, по меньшей мере, пятьдесят футов, – сказал он. Префект кивнул. – И в нём, по меньшей мере, три этажа, каждый высотой в двадцать футов. А на каждом этаже, по меньшей мере, по четыре комнаты. Если на осмотр комнаты у вас есть только неделя (посвящая этому и шесть ночных часов), – он остановился, погрузившись в лёгкие умственные вычисления, – надо осматривать шестнадцать и одну пятую квадратного дюйма в секунду. Упомянутый вами опилочек, оставленный буравчиком, должен иметь в диаметре четыре или пять тысячных дюйма, а при форме яблока – одну тысяч-

ную. Тем самым, если один из вас изучит за секунду площадь такого «заметного яблока», на квадратный дюйм ему потребуется четыреста секунд, или восемнадцать и две трети минуты.

– Отсюда следует, что осмотр одним человеком квадратного фута займёт девятьсот шестьдесят минут, то есть шестнадцать часов. Комната со сторонами длиной в двадцать пять футов и высотой в двадцать футов имеет общую площадь поверхности в три тысячи двести пятьдесят квадратных футов, так что одному человеку для её исследования понадобится немало времени.

– Естественно, я задействовал...

– Больше одного агента? Я также сосчитал, что для исследования комнат согласно вашему рассказу понадобится тысяча двести тридцать восемь агентов, одновременно занятых с самыми сильными лупами в одной маленькой комнате. И действующих, как вы говорите, бесшумно! Идите, идите, дорогой префект!

Я был ошеломлён. Префект же сидел словно поражённый громом. На несколько мгновений он как будто онемел и был не в силах сделать ни одного движения – он только недоверчиво глядел на моего друга, разинув рот, и казалось, что его глаза вот-вот вылезут на лоб.

– Вам отлично известно, что я имею в виду, мосье Г., – сказал Дюпен.

Префект покраснел. Затем, к полному моему изумлению, полез в карман и вытащил масло. Дюпен убедился, что это было то самое масло, о котором шла речь, и запер его.

– Можете идти, – холодно сказал он префекту. Этот достойный чиновник схватил шляпу, нацепил её в настоящем пароксизме радости, потом, спотыкаясь от нетерпения, кинулся к двери и бесцеремонно выбежал из комнаты и из дома.

После того как префект исчез, мой друг дал мне кое-какие объяснения.

Главным направлением творчества Джона Слейдека была научная фантастика. Но интерес к детективу (особенно к «невозможным» преступлениям!), позволивший ему создать несколько блестящих произведений «на чужом поле», дал знать себя и в этом «пограничном» (как, впрочем, часто у Слейдека) рассказе. «Сцены из жизни Страны слепых» - не чистая фантастика, но их сближает с этим жанром тематика научного поиска и гуманистический подход. Подобное часто писал Герберт Уэллс, к которому отсылает само название рассказа Слейдека. А ещё один знаменитый фантаст, Айзек Азимов (также не чуждый детективному жанру), опубликовал «Сцены» в созданном им престижном научно-фантастическом журнале, аналоге EQMM в своей области.

Нашёл в сюжете отражение и ещё один интерес Слейдека - борьба с мистикой и лженаукой. С этой целью автор и вводит в сюжет, а затем блистательно решает очень оригинальную «невозможную» загадку – каким образом целая деревня может становиться видимой только раз в неделю, по вторникам? Сам Слейдек, по всей видимости, не рассматривал этот рассказ как детективный и поместил его в свой сборник фантастических, пугающих и просто абсурдных историй о странных извращениях человеческой психики. А любителям детективов он демонстрирует не только яркую «невозможность», но и пример того, что можно поднимать с помощью таких загадок, ничуть не снижая их интеллектуального уровня, серьёзные и актуальные проблемы.

Переводчик хотел бы выразить благодарность Егору Субботину, без помощи которого в составлении русского аналога анаграммы этот перевод был бы едва ли возможен.

(ЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ (СТРАНЫ СЛЕПЫХ

Из окна факультетской гостиной виднеется посреди огромных глухих бетонных кубов факультетских зданий маленький квадратик зеленой лужайки. На безупречных чертежах архитектора он именуется «Двориком», но никто здесь его так не называл, да и никак не использовал. Только однажды «Корки» Коркоран – но об этом позже.

Пока Беддоуз говорил об андоне,¹⁶ я смотрел в это окно. Со своей привилегированной смотровой площадки я мог разглядеть замысел архитектора – расположение маленьких деревьев. Естественно, мне пришел в голову тот лимерик, но он вовсе не годился: это был не «Дворик», я был не Бог, да и все деревья выглядели мертвыми. В любом случае рано или поздно Беддоуз, конечно, сам его процитирует.

«Нет», – думал я... Собственно, вот что я подумал: «Как глупо сажать деревья там, где нет света. Даже птицы боятся спуститься к ним, в тень философского факультета, или психологического, или какой он там. Я здесь уже два года и до сих пор не могу сориентироваться...»

Розовый носик крысы свернул в последний угол, наткнулся на съедобную приманку и замер. Доктор Смит снял показания электрического таймера.

– Восемь целых и две девярых секунды, – объявил он. – Проверите, Лэтем?

16 Андон (от японского «лампа») – любое средство управления производством, которое автоматически предоставляет информацию о его состоянии или о возникновении дефекта либо аварии. К ним могут относиться сигнальная лампочка, информационное табло и т.д.

Я изучил цифры и ввел их в базу.

– Очень хорошо, – сказал я. – Лучше, чем можно было ожидать.

– Да, даже Беддоуз не сможет это объяснить. Хотя, несомненно, попытается. Дело за тобой, Горький.¹⁷

Коркоран склонился над лабиринтом, вежливо ожидая, пока крыса закончит поедать награду. Затем он поднял зверька и погладил большим пальцем по животу, напевая: «Умный мальчик, очень умный мальчик. Подожди, пока услышит Беддоуз, ага?» Животное цеплялось лапками за его рыжую бороду.

Смит ухмыльнулся.

– Именно поэтому я и настаивал, чтобы мы приняли все возможные меры предосторожности против ошибок. У нас должны быть четкие записи, трижды проверенные. Ведь если *нам* трудно в это поверить, как, по-вашему, это сможет зацепить твердо бихевиористический ум¹⁸ доктора Беддоуза?

Уловив намек, Коркоран перевернул крысу и прочитал идентификационный номер. Мы со Смитом оба удостоверились, записали его, и Коркоран отнес зверька в клетку в другом конце комнаты.

– Не забывайте Ариадну, – сказал Смит.

Я открыл черную клетку, подвешенную над лабиринтом, и вытащил ее: крупную самку крысы, выступавшую нашим экспериментальным «передатчиком». Хотя все мы уже знали, как выглядит Ариадна, но все же прочли и записали ее номер.

Вся эта суетливая деятельность мне наскучила. Это была проверка экстрасенсорного восприятия у животных. Спла-

17 Коркорана, которого рассказчик называет Корки, профессор зовет «Горький», по созвучию. В оригинальном тексте видна игра слов – Corky и Gorky.

18 Бихевиоризм (от англ. behaviour – поведение) – систематический подход к изучению поведения людей и животных, предполагающий, что все оно регулируется рефлексам и памятью.

нировал все доктор Смит, оборудование спроектировал Коркоран, так что, конечно, у них была причина возбудиться: все шло хорошо. Поскольку в нашей группе исследований паранормальных явлений, как всегда, не хватало персонала, я был задействован как наблюдатель. Сам принцип был довольно интересен, не в пример кропотливо прорабатываемым нюансам – за исключением того, что я меньше выполнял свою настоящую работу – создание Библиотеки паранормальных явлений. Настоящая работа, каталогизация писем из реального мира за пределами Страны слепых.¹⁹

Тем не менее наш эксперимент мог пролить свет на некоторые моменты. Выглядел он так. Крысе, попадавшей в наш лабиринт «чистой», требовалось в среднем не менее четырнадцати секунд, чтобы преодолеть тупики и отыскать приманку. При втором испытании это время сокращалось, и так далее. После примерно двадцати попыток оно могло уменьшиться до двух секунд.

Чистый бихевиоризм, и все. Но Смит повернул проблему иначе.

Ариадна была крысой, много раз пробежавшей лабиринт. Ей почти никогда не требовалось более двух секунд. Мы поместили ее в клетку, подвешенную в нескольких дюймах выше лабиринта, по которому бегали другие крысы.

Выкрашенная матово-черным клетка имела двойное сетчатое дно, а белый лабиринт ярко подсвечивался. Это позволяло Ариадне незаметно наблюдать за происходящим внизу. Она могла видеть приманки и путь к ним и была достаточно голодна, чтобы захотеть их съесть. Мы

19 «Страна слепых» – написанный в 1911 году рассказ Герберта Уэллса, описывающий далекую горную долину, населенную народом слепых, которые не верят рассказам случайно попавшего туда зрячего человека и пытаются его ослепить, чтобы, с их точки зрения, вылечить, удалив аномальные и способствующие галлюцинациям органы.

надеялись, что она сообщит о своем страстном желании другой крысе, пытающейся преодолеть лабиринт.

Замысел состоял в том, чтобы прогнать по лабиринту двадцать крыс, до сих пор его не видевших, дав каждой только одну попытку. При запуске десяти крыс наверху будет Ариадна, посылающая вниз телепатические сигналы, ускоряющие прохождение лабиринта – как мы надеялись. Остальные десять служили контрольной группой; в их случае клетка наверху была пуста.

Чтобы изолировать возможное экстрасенсорное восприятие, нам следовало устранить любые различия между подопытными и контрольными крысами. Они не должны были ощущать присутствие или отсутствие Ариадны обычными способами. Это означало не только черную клетку-невидимку, но и другие устройства, разработанные изобретательным Коркораном, чтобы скрыть издаваемые ей звуки и запахи и даже тепло ее тело.

Пока что контрольные крысы вели себя, как и ожидалось, преодолевая лабиринт примерно за четырнадцать секунд. Но подопытные крысы, умные маленькие бестии обоего пола, делали это за восемь секунд. После чего Смит сообщал: «Статистически значимо», а Коркоран добавлял: «Ошеломляюще!»

Я только пожимал плечами. Зачем тратить время, пытаюсь доказать существование экстрасенсорного восприятия другим ученым, если все доказательства только у нас? Почему бы вместо этого не попытаться узнать больше об экстрасенсорном восприятии и всех этих психических явлениях?

Так что мне было скучно, а Смит и Коркоран, все больше возбуждаясь, дошли уже до предела. Когда мы собрались запереть все на ночь, Коркоран забеспокоился.

– Меняя воду в клетках, я ощутил сквозняк, – сказал он. – Надеюсь, там одинаковая температура.

Смит поднял бровь.

– Ты слишком много беспокоишься, Горький. Если это действительно имеет значение, поставь на дверь заглушку от сквозняков.

– Думаю, это не так уж важно. Просто... и вот еще что. Вы знаете, что за клетками в стене зеркало? Для кого строили эту лабораторию? Для волнистых попугайчиков?

– Давайте все запрем и пойдем, – предложил я. Смит произнес то же самое, вытащив карманный калькулятор и тыкая по его кнопкам. Некоторое время мы ждали. Даже когда Коркоран, наконец, присоединился к нам, он все еще бормотал, что двери не помешала бы полоска войлока.

– Вам нужно выпить, – сказал я.

Теперь я понимаю, что Коркорану действительно надо было избавиться от мертвой хватки материального мира. Он слишком тесно работал с *вещами*, создавал их и чинил, по дороге теряя связь с *людьми*. Например, потратил слишком много времени, рисуя лабиринты на белом картоне и вырезая их бритвенными лезвиями. Это и привело к одному из его самых неприятных столкновений с Беддоузом.

Он сказал Беддоузу:

– Я сделал из картона эту маленькую модель пирамиды Хеопса. Знаете, что если каждый день пользоваться бритвенным лезвием, но на ночь убирать его под модель пирамиды, то оно *никогда* не затупится?

Любой, у кого есть здравый смысл, никогда бы не сказал этого Беддоузу, существу, плававшему в своем собственном море скептицизма. Беддоуз только и проговорил: «В самом деле?» Но Коркоран не мог это просто так оставить.

– Именно, – сказал он. – И что вы на это скажете?

– Звучит как хорошая новость для производителей картонных моделей пирамид и плохая – для производителей бритвенных лезвий. Как вы это объясняете?

Коркоран ухватился за эту возможность.

– Ну, мы знаем, что металлические лезвия сделаны из кристаллов. Если они изнашиваются, то их, вероятно, можно вырастить заново. Мы также знаем, что кристаллы вы-

ращиваются при наличии соответствующих магнитных полей...

– Картон – хороший магнетизатор? – проговорил Беддоуз. – Ага. Ну, когда я увижу должным образом произведенный эксперимент, который установит эту «истину», я займусь ей. Тем временем хотел бы напомнить вам об одной бритве, не нуждающейся в заточке с 1350 года, а именно бритве Оккама.²⁰ Это принцип – не ищите сложных ответов, пока не удалось найти простые.

Мне вновь вспомнился этот разговор.

Доктор Гарри Беддоуз с легкостью мог бы совершить убийство и избежать наказания хотя бы потому, что его невозможно было бы опознать: у него не было лица. Припоминались тяжелая фигура, помятый серый костюм, какие-то глаза, выглядывающие сквозь толстые стекла очков, но не более того. Не было – и тут не подберешь иного слова – не было души.

Каждый вечер его можно было застать в шесть часов сливающимся с одним из углов факультетской гостиной. Он стоял спиной к большому окну, перед ним раскидывался простор бледно-зеленого ковра, а у локтя стояла переполненная пепельница.

Эта гостиная походила на зал ожидания в любом аэропорту: пластиковые столы, хромированные стулья и линии перспективы, не оставляющие глазу места для отдыха. Вместо этого глаз будет бегать и бегать, словно пытаясь отыскать потерянного родственника, но задержится в конечном счете разве что на пятне в углу.

Мы неизбежно вынуждены были выпивать с Беддоузом и страдать от его насмешек. Смит говорил, что нам повезло иметь в качестве адвоката дьявола столь решительного скептика, как Беддоуз, всегда готового проверить наши теории вплоть до полного их уничтожения.

20 Сформулированный английским средневековым богословом и философом Уильямом Оккамом принцип: «Не следует множить сущее без необходимости».

В тот вечер мы обсуждали последнюю книгу Артура Кестлера²¹ а о странных совпадениях.

– Имейте в виду, – сказал доктор Смит, – я не совсем уверен в значимости всех этих случаев. Но, согласитесь, некоторые из них весьма интригуют. Возьмем, например, человека, бросившегося под поезд лондонской подземки. Тот задел его, но не переехал. Ведь в это самое мгновение какой-то пассажир дернул стоп-кран. Поезд останавливается как раз вовремя.

Глаза Беддоуза за толстыми стеклами очков расширились.

– Если бы только Кестлер знал, где остановиться, – проговорил он.

– В каком смысле?

Беддоуз вздохнул.

– В том смысле, что эта история – слух, единственный, по-видимому, источник которого, установленный Кестлером, врач в больнице. Сам он при аварии не присутствовал. Если мы не можем проверить факты в рассказе, зачем его повторять?

– Не понимаю, – сказал я. – Что с ним еще делать?

– Сделать из него еще более глубокомысленную историю. Сказать, что пассажир был братом-близнецом человека, бросившегося под поезд. Или сказать, что предыдущей ночью пассажир предчувствовал катастрофу. Он заснул и...

– Презабавно, – проговорил Смит. – То есть вам кажется, что это случай из разряда «не путайте меня с фактами»?

21 Артур Кестлер – английский писатель венгерского происхождения, наиболее известный романом «Слепящая тьма» (1940), где описал Большой террор в СССР, основываясь на своих тюремных впечатлениях, полученных в плену у франкистов в ходе гражданской войны в Испании. В последние годы жизни занимался в основном философским анализом проблем научного мышления.

Беддоуз закурил и бросил спичку на пол.

– Полагаю, что факты могут смущать, когда мы говорим о совпадениях. В конце концов, есть ли хоть что-то несущественное? Самые тривиальные события внезапно обретают «смысл», не так ли? Человек смотрит в зеркало, бреется и говорит: «Сегодня отращу усы». За тысячу миль оттуда *в этот же момент* другой человек решает сбрить усы. Все это часть единого плана? Закон сохранения?

Я попытался заговорить, но он продолжал:

– Или, предположим, у меня есть гончая, у Коркорана орел, а у вас, Смит, пасака. Пытается ли Вселенная *придать* некое значение нашей встрече здесь?

Я задумался над странным совпадением – всего несколько минут назад Коркоран упомянул зеркало, а теперь Беддоуз выбрал как пример зеркала и животных. Зеркало и клетки для животных...

– Все возможно, – сказал я.

– Но не все одинаково важно, Лэтем. Будь это так, мы бы с пользой тратили свое время на поиск сообщений в любой тарелке алфавитного супа.²² – Он постучал сигаретой в сторону пепельницы, и хлопья с окурка поплыли на ковер.

Чистенький ум, неряшливый человечек. Беддоуз, сеятель пепла.

Серия испытаний завершилась, и, к моему разочарованию, Смит предложил подождать неделю, а затем попытаться повторить превосходные результаты. Коркоран занялся чертежной доской, придумывая новые планы лабиринтов. Смит вернулся к своей книге, «Новые горизонты в Пси», а я – к каталогизации.

Наша Библиотека паранормальных явлений состояла примерно из двух тысяч писем, которые следовало прочесть, подшить и, если это было перспективно, заняться ими. Я

²² Имеется в виду суп с макаронами, изготовленными в форме тех или иных букв английского алфавита.

составлял перекрестные указатели и пытался угнаться за десятком новых писем, получаемых еженедельно.

Некоторые из них были нам явно бесполезны. Время от времени мы получали безумно звучащее письмо, зачастую непонятное и неизменно жалкое: «Я Святой Дух мои вроги скоро узнают к своему ужасу что мои лучи силы нельзя отрицать нельзя отрицать...» Они сразу подшивались в папку.

Конечно, встречались и розыгрыши. Один человек описывал предположительную телепатическую связь с братом-близнецом. Рассказ занимал несколько страниц, становясь все более невероятным, и кончался так: ...«и когда его повесили, умер именно я!» Ха-ха и хм. К счастью, обычно такие письма было легко опознать по их беспомощно каламбурным подписям: В. Б. Рируя, О. Хисп, Ури Бестселлер и прочие могли бы отыскать свои письма в моей мусорной корзине. Меня искушала мысль сохранить шуточные письма и проанализировать их, чтобы попытаться выяснить, что заставляет людей насмехаться над психическими явлениями. Но я уже знал ответ: он был также ясен в каракулях бедной мисс Рируя, как и в колкостях доктора Беддоуза. Страх свободы.

Впрочем, подавляющее большинство наших писем приходило от здравомыслящих, искренних и вполне неглупых людей. Обычно такой человек получает некий загадочный, даже необъяснимый опыт: сбывшийся сон, предчувствие или случайная встреча с приятелем в другом городе. Он знает содержание телеграммы еще до прочтения. Обнаруживает, что думает о ком-то, кого не видел годами и кто как раз звонит ему по телефону. Смутные видения, чувство дежавю... Редко их легко подтвердить, но все это создает фон, свидетельствующий, что нечто происходит.

Но в одном письме излагалась история, одновременно жуткая и несомненная. Я прочитал его дважды, а затем, бросившись по коридору, заколотил в дверь кабинета доктора Смита.

– О, это вы, да? Что случилось?

– Прочтите это, – сказал я. – Наш эксперимент ничто по сравнению с этим!

Он посмотрел на меня и рассмеялся.

– Видели бы вы свое лицо! Вы выглядите так, словно сами только что испытали некий экстрасенсорный опыт, Лэтем.

– Почти что испытал, читая это. Письмо от мистера Деркелла. Он видел исчезающую деревню – целый городок тюдоровской архитектуры с дымящимися трубами просто растворяется в никуда!

– В самом деле?

– Я знаю, что это звучит безумно, но есть и второй свидетель. Более того, это, похоже, связано с исчезновением третьего лица. Подождите, Беддоуз еще затупит свою бритву Оккама!

Пока Смит читал письмо, я наблюдал за ним: доктор Эфраим Смит, изможденный, аскетичный мужчина лет шестидесяти с небольшим, с копной седых волос и черными, пристально смотрящими глазами. В Голливуде он мог бы сыграть ветхозаветного пророка.

Его облик вкупе с тем фактом, что он предпочитал писать книги от руки, сидя за старым столом с откидывающейся столешницей, делал его своего рода местным чудачком – такая уж там была местность. Он уже стал предметом нескольких полушутливых слухов:

«Доктор Смит – вегетарианец? Правда ли, что он спит всего четыре часа?»

В действительности в нем не было ничего ни фанатичного, ни эксцентричного. Это был упрямый химик-практик, автор известного учебника по полимерам. Десять лет назад умер его брат. Доктор Смит совещался с медиумами, сталкиваясь с обычной смесью разочаровывающей неопределенности и сверхъестественной истины. Он решил сосредоточить свое внимание ученого на психических изысканиях – в свободное время. Но преходящий интерес мо-

жет стать призванием: теперь он возглавлял нашу группу исследований паранормальных явлений.

Доктор Смит вернул мне письмо.

– Пугающие детали, – сказал он. – Вы займетесь этим?

– Естественно. Если хотя бы половину из них можно подтвердить, это как раз то, что нам нужно. Только представьте: деревня, которая не существует, кроме как...

– Кроме как по вторникам! – Он покачал головой. – Очевидно, это не галлюцинация, а для миража слишком много деталей.

– Возможно, в пространственно-временном поле произошел своего рода разрыв. Может ли он видеть деревню, существующую в каком-то другом времени или месте? Или в некоей иной вселенной, движущейся параллельно нашей?

– Возможно, – проговорил он. – В конце концов, наше представление о структуре пространства и времени действительно очень расплывчато. Там хватает вопросов, на которые мы не знаем ответа, не так ли? Те же черные дыры. Некоторые ученые подозревают, что это именно те «разрывы», которые вы упомянули. Если так, то это может помочь в объяснении многих действительно загадочных явлений: беспричинные события, подобные совпадениям у Кестлера, начинают обретать смысл, если удастся отбросить представление, что во временном потоке причины предшествуют следствиям. Конечно, это также сможет объяснить экстрасенсорное восприятие. Почему мы обнаруживаем «два разума с одной мыслью»? Просто потому, что разумы не привязаны к здешнему времени и пространству.

Мы еще немного поговорили. Теория в целом звучала трудно для понимания, но я чувствовал, что могу постичь ее интуитивно: *разум* – это не мой разум, или ваш разум, или разум Смита, а *своего рода энергетический океан, в который и погружены мы, все мыслящие существа.*

– Мне лучше начать проверку фактов в этом месте, – сказал я, собираясь уходить. – Кстати, пока я не найду им подтверждение, ни слова Беддоузу, хорошо?

О нашем эксперименте с животными мы Беддоузу тоже не собирались подробно рассказывать, по крайней мере пока не будет завершен второй цикл испытаний. Но однажды, когда мы осуществили его только наполовину, самодовольство Беддоуза нарушило даже обычный запас спокойствия Смита.

Разговор начался довольно невинно, и тут Коркоран упомянул Ури Геллера.²³

– Ури Геллер? – спросил Беддоуз. – А, вы имеете в виду израильского десантника.

Коркоран поинтересовался, подразумевается ли здесь шутка.

– Нисколько. Кажется, он был десантником. Удивительно. Не понимаю, как он это делал.

Смит улыбнулся, показав зубы.

– Очень забавно. Подразумевается, что вы вполне понимаете, как ему удалось во время одного телевизионного выступления заставить стоящие часы тикать по всей Британии.

– У меня есть мысль, да. Согласно одному новозеландскому исследованию, если поиграть со стоящими часами, они, скорее всего, начнут тикать. Собственно говоря, есть где-то сорок процентов вероятности, что продолжат тикать они несколько дней. Нет, меня поражают как раз прыжки с парашютом.

Коркоран подмигнул мне.

– Возможно, у доктора Беддоуза есть экстрасенсорное представление, как Ури делает то, что он делает с ложками. Может быть, нам стоит изучить доктора Беддоуза?

Беддоуз попытался изобразить голос Ури Геллера.

23 Ури Геллер – израильский иллюзионист и мистификатор, получивший известность трюком, в ходе которого якобы сгибал металлические ложки силой взгляда. В молодости служил в израильской армии в десантных войсках.

– Вы хотите, чтобы я стал предметом обсуждения? Я? Но говорю вам, я не знаю, откуда беру эту силу. Быть может, от Бога. Или от своего агента.

Не засмеялся никто, кроме Беддоуза.

– Почему бы вам однажды не рассказать, во что вы верите? – спросил я. – Если верите во что-нибудь.

– В мысленное общение, – сказал он. – Думаю, это вполне возможно. Конечно, как фокус. Кто-то производит положенные гримасы, звуки и жесты, но не всегда бывает понят.

– Смейтесь, пока можете, Беддоуз, – промолвил Смит и рассказал ему про наш первый цикл экспериментов.

– Ариадна? – спросил Беддоуз. – О да, понимаю. Ведет их через лабиринт. Очень хорошо.

Смит поморщился.

– Думаю, вам придется признать, что и наши результаты смотрятся неплохо. Я немного поработал с ними и считаю, что мы можем исключить случайность. Вероятность случайного совпадения – один шанс против четырехсот с лишним тысяч.

Беддоуз еще сильнее осыпал ковер пеплом.

– Согласен. Такой возможности быть не может.

Коркоран выглядел раздраженным.

– Произнесите это для меня по буквам, а?

– С удовольствием. Если я слышу о крысе, которой нужно четырнадцать секунд, чтобы пробежать лабиринт, но она делает это всего за восемь секунд, я сразу же предполагаю, что эта крыса имеет некоторый опыт лабиринтов. Была ли исключена такая возможность?

– Абсолютно, – сказал Смит.

Коркоран вскочил, опрокинув свой стакан.

– Вы двое можете, если хотите, сидеть здесь и слушать завуалированные обвинения в мошенничестве, – сказал он. – С меня достаточно. Выпустите меня отсюда.

Мошенничество? Тогда я подумал, что Коркоран просто слишком живо отреагировал на глупый вопрос Беддоуза. Потом узнал, что бедняга «Горький» уже сходил с ума.

Мы завершили вторую серию экспериментов, вновь успешно. Коркоран был странно молчалив и подавлен. Большую часть времени он проводил за чертежной доской, составляя планы все новых лабиринтов – в куда большем количестве, чем мы когда-либо могли использовать. Он мог неистово трудиться по нескольку дней, а затем внезапно отбросить ручку и хлопнуть дверью, бросив пару слов на счет прогулки. И не возвращался часами.

Мы со Смитом не могли этого объяснить.

– Думаю, Беддоуз поверг его в депрессию, – сказал я, – принижая нашу работу. Коркоран много трудился.

– А? – оторвался от своих расчетов Смит. – Нет, не думаю, что это правильный ответ. Полагаю, на него действует сам эксперимент. Понимаете, он работал так упорно, надеялся так страстно – а затем все сработало как положено. Это как оказаться в долгом заточении и, наконец, увидеть, как дверь камеры распахивается. Страх свободы. Будем надеяться, он скоро с ним справится.

Но Коркорану, похоже, делалось только хуже. Рассказывали про случай в столовой, когда Коркоран увидел отражение собственного лица в ложке и принялся кричать. Мне довелось видеть одну из его долгих прогулок – он нарезал круги вокруг одного и того же здания.

Я все еще был убежден, что каким-то образом причиной здесь послужил Беддоуз. Постепенно я начал приходить к мысли, что если смогу однажды сокрушить Беддоуза, разбить его твердую скорлупу еще более твердым доказательством, то Коркоран сумеет увидеть его таким, каков тот на самом деле. Это должно помочь.

Беддоуза невозможно было привлечь комментировать наш эксперимент. Единственным выходом, казалось, было показать ему письмо Деркелла. Историю столь странную и захватывающую нельзя проигнорировать. Я перечитал ее: мистер Деркелл увидел статью о нашей группе в вос-

красной газете. Он был менеджером по продажам электроники и недавно перебрался в Бленфорд-Ньютаун, откуда ежедневно ездил на работу в Кастервич, примерно в десяти милях оттуда.

По утрам я предпочитаю боковую дорогу, чтобы избежать пробок. Однажды во вторник я, как обычно, выехал из Бленфорда, но ехал медленно. Стоял прекрасный день, у меня хватало времени, а осенняя листва была слишком красивой, чтобы ее не замечать. И тут у меня случилось видение.

Тогда это было не видение, а просто сюрприз. Справа, за рощицей, промелькнула деревня. Я знал, что там не может быть никакой деревни, поэтому не спускал с этого места глаз. За рощицей был большой холм, а потом – никакой деревни! Ничего, кроме пустынных полей, как и всегда.

Я продолжал следить за этим местом. Через неделю – снова во вторник – я взял с собой жену (ей нужно было сделать кое-какие покупки в Кастервиче), и тогда увидел деревню снова. Я нажал на тормоз, сдал назад, и мы оба пригладелись. Ошибиться было невозможно. Мы различали вдалеке несколько фахверковых домов и дымящуюся трубу. Жена достала карту и нашла там то, что, как ей показалось, должно быть местом со странным названием Нопи. „Нопи? В Англии?“ – сказал я. – „Дай-ка мне взглянуть“. Но она уже убрала карту обратно. Больше мы не смотрели на нее, пока не доехали до Кастервича. Вы не поверите, но никто из нас не смог отыскать эту деревню! Знаю, что моя жена не так уж хорошо читает карты, но мы изучили весь этот район (левый нижний угол карты) и не нашли ничего, что напоминало бы название Нопи.

Я не мог перестать об этом думать. Наконец, я отправился в бленфордскую полицию. Там сказали, что никогда не слышали, чтобы в Британии была деревня под названием Нопи, а на этом месте вообще нет и никогда не было никакой деревни. Думаю, они решили, что я пьян, обкололся или сошел с ума!

Я немного исследовал этот вопрос сам. Узнал, что это пастбище принадлежит фермеру по имени Летуорти. Связался с ним и встретился. Он не только не мог мне помочь, но и сам был полон подозрений. Наконец, он поделился ими: его жена исчезла! Он ушел на рынок – во вторник! – и по возвращении обнаружил, что она ушла. Когда я спросил его, есть ли у него какое-то объяснение, он пробормотал что-то вроде того, что ее утащила теплица!

Это было для меня уже слишком; я решил, что мне не следует знать правду вовсе. Исчезнувшая деревня, исчезнувшая женщина, теплицы и все эти дела с картой – я просто сдался. Вскоре мы переехали в Кастервич, и я постарался забыть обо всем этом. Но время от времени меня все еще мучают вопросы. Особенно по вторникам!

Искренне ваш,

Ф. Х. Деркелл

– Это ваше доказательство? – спросил Беддоуз, возвращая письмо. – И если так, то доказательство чего?

Мне было трудно выразить это словами.

– Доказательство, что... что Деркеллы видели нечто такое, чего не следовало видеть по вашим законам науки. Это событие выходит за рамки обыденных объяснений. Полагаю, что Деркеллы – экстрасенсы, или что это место временами психически чувствительно. Другого объяснения просто нет.

– Есть множество других возможных объяснений, – проговорил он. – Не все из них, конечно, верные. Тем не менее, я полагаю, что эту проблему можно решить очень быстро – если вы действительно этого хотите. Могу я ей заняться?

– Само собой, – ответил я. – Как много времени вам нужно?

– Зависит от обстоятельств, – сказал он. – Что вы уже сами выяснили?

Я рассказал ему, что написал Деркеллу, в бленфордскую полицию и в местную газету. Миссис Деркелл подтвердила

рассказ мужа, а полиция вспомнила его расспросы. «Бленфорд Газетт» была осведомлена об исчезновении миссис Летуорти, но принимала версию полиции, что она просто сбежала с другим мужчиной.

– И никаких экстрасенсорных подводных камней? – спросил Беддоуз. – Любопытно. Но очень полезно. Думаю, я смогу все прояснить за... скажем, за два часа?

– Или не сможете, – возразил я.

– Почему же? Вы же сами говорите, что возможно все. Но чудес не ждите, если понимаете, о чем я.

Снаружи я заметил Коркорана, вновь обходящего со всех сторон все то же здание.

– Что вы делаете? – спросил я. – Ищете что-то?

Он засмеялся.

– Да. Ищу выход.

Я хотел уйти, но он схватил меня за руку.

– Подождите минутку, Лэтем. Я хочу вам кое-что сказать. Сделать признание.

Мы зашли в пустынный «Дворик» и сели на траву. Коркоран уставился на полумертвое деревце и процитировал это. Лимерик, который я всегда ожидал услышать от Беддоуза:

*Один человек ждал от Бога,
Что тот удивится премного,
Продолжая искать
Деревцо, чтоб узнать
Что в «Дворике» пусто, ей-богу.*

– Это и есть признание? – сухо проронил я. – Ведь это я уже слышал.

– Ах, но чего все мы не слышали? И не видели? Особенно видели. В зеркале. Мысли при бритве. Бритвой Оккама? Нет, она отрезает оба пути. Лучше начну сначала.

– Лучше начните, – сказал я. – И постарайтесь быть осмысленнее.

– «Позаботься о смысле, звуки позаботятся о себе сами», – процитировал он. – «Алиса в Зазеркалье»?²⁴

– Думаю, что так. Но что...

– Но этот заголовок длиннее, не так ли? «И что она там нашла». Истину?

– И какую же истину вы хотите мне поведать? – Внезапно я подумал, что знаю: Коркоран собирается сознаться, что каким-то образом подтасовал наш эксперимент, чтобы тот сработал. – И как она связана с зеркалами и деревьями во «Дворике»?

– Зеркала? Вы все сами увидите. Деревья во «Дворике»? Видите ли, то, что невидимо, то и немислимо; что немислимо, то не существует. То, что происходит, когда никого нет, касается только Никого,²⁵ не так ли? Все в порядке, вот моя маленькая история. Корки в Зазеркалье, и что он там нашел. Помните, как я искал кусочек войлока для двери?

Через секунду я вспомнил.

– Вы беспокоились, что в лаборатории сквозняк.

– И продолжал беспокоиться. Однажды вечером по ходу второго цикла экспериментов я был в лаборатории со Смитом и снова подумал про это. Вспомнил про дверь в коридоре, за которой может быть кладовка уборщиц или что-то вроде того, и подумал, что там может найтись кусок тряпки. Извинился и пошел посмотреть. Это была вовсе не кладовка. Это была смотровая. Факультет психологии, должно быть, использовал ее для экспериментов, пока мы не забрали это помещение. Вы помните то настенное зеркало за клетками. Это оно. Одностороннее стекло. К несча-

24 В действительности это фраза Герцогини из «Алисы в стране чудес», первой сказки Льюиса Кэрролла. Цитируется по сетевому переводу Е.Клюева (2018), поскольку в большинстве классических переводов вся сложная система каламбуров, из которых состоит речь Герцогини, в целях сохранения юмористического эффекта сочиняется по-русски заново.

25 Отсылка к «Алисе в Зазеркалье», где Белый Король в ответ на фразу Алисы, что она «никого не видела», восхищается остротой ее зрения, позволившей ей «увидеть Никого».

стью, я смог заглянуть внутрь лаборатории. Там возился с лабиринтом Смит. – Он потер лицо обеими руками и проговорил: – Господи, прости меня за то, что я смотрел!

– Я не понимаю.

– Он гонял крысу по лабиринту. Ту же самую крысу, два или три раза. Тренировал, чтобы та набрала скорость. Я продолжал смотреть и разглядел, в какую клетку он ее вернул. На следующий день мы взяли именно ту крысу и проверили ее. Естественно, она пробежала лабиринт всего за восемь секунд. Вовсе не экстрасенсорные флюиды – просто чертова махинация Смита.

Я не поверил и так и сказал ему.

– Какая разница, верите ли вы? Скажите, что я свихнулся, назовите меня лжецом – я все равно должен был вам сказать. Должен был признаться, понимаете? Ведь это я все испортил. Я заглянул – а никакого чертова дерева не было! Ничего не было, понимаете? Никакого чертова дерева!

Он вскочил и схватил деревце, пытаясь вырвать его с корнем. После минутной борьбы он сдался.

– Успокойтесь, – сказал я. – Предположим, Смит немного жульничал, и что с того? Это не конец света. Мы знаем, что у него долгая и успешная карьера ученого, и он сделал ее не обманом. Возможно, он просто немного усилил статистику, чтобы подчеркнуть наш случай. В конце концов, существует множество других свидетельств экстрасенсорного восприятия.

– Да, и теперь я задаюсь вопросом, насколько точны они. Как много там других Смитов? Нет, мы застряли в лабиринте на веки вечные. Во что верить? В доказательство бытия очередного Смита?

– Нет, – сказал я. – В доказательство изнутри. Мы знаем, что есть нечто большее. Мы знаем, что мир больше и глубже, чем кажется.

– В самом деле? А как насчет доктора Эфраима Смита – знает ли он? И если знает, то почему решил, что надо *смосенничать*?

В шесть часов я застал Беддоуза одного в факультетской гостиной. Коркоран ушел к себе в комнату. Смит давал интервью на местном телевидении.

– Вы нашли деревню Нопи? – резко начал я.

– Нопи? А, деревня *на карте*. Да, думаю, что нашел. Но она не имеет ничего общего с тем, что видели Деркеллы. – Беддоуз закурил. – За исключением психологического аспекта.

– Галлюцинация? – Я пристально смотрел на него, пока он не отвел глаза.

– Не думаю, – проговорил он. – Ответ, который я получил, может быть ошибочным, но, похоже, объясняет все. Он зависит от внимательного прочтения письма. Например, «моя жена не так уж хорошо читает карты». Надо также вспомнить, что миссис Деркелл, должно быть, сильно нервничала. Ее муж без предупреждения на безлюдной проселочной дороге внезапно «нажал на тормоз». Затем он показывает ей деревню, которая, по его же словам, не существует. Она нащупывает карту и находит название Нопи. Затем они не могут обнаружить его. Полагаю, что чернила на их печатной карте не исчезают со временем.

– Поскольку это «невозможно»? – спросил я. Он протянул мне клочок бумаги. Я увидел, что это уголок карты, где одно слово жирно обведено кружком: *нопи*.

– Не в левом нижнем углу, – пояснил он. – В правом верхнем. Заметьте, что все остальные топонимы, кроме Нопи, перевернуты. Деревня называется *пион*, и она в совсем другой части графства.

Я отдал ему листок обратно.

– Пион. Сразу вспоминаются теплицы. Полагаю, вы каким-нибудь фокусом с картой объясните и исчезновение миссис Летуорти?

Он улыбнулся, если это можно было так назвать.

– Нет, думаю, здесь фокус с календарем. Не кажется ли вам странным вся эта история со вторниками?

– Естественно, кажется.

– Я имею в виду, странной в том смысле, что вторник – базарный день? Когда мистер Летуорти будет, вероятно, отсутствовать на ферме?

Я не ответил, и он продолжал:

– Предположим, что версия полиции правильна. Миссис Летуорти не «исчезала», а просто сбежала с другим мужчиной. Это означает, что она, должно быть, встречалась с ним до того и вполне могла делать это по вторникам. Давайте допустим еще более смелое предположение: профессия этого человека заставляла его водить необычный автомобиль, который нельзя было парковать неподалеку от фермы Летуорти.

– Или это лунный человечек, – сказал я.

– Хватит. Давайте забудем о нем и посмотрим на письмо. «По утрам я предпочитаю боковую дорогу», – пишет мистер Деркелл. И это говорит о том, что есть главная дорога, которую он предпочитает вечером – когда спешит домой с работы.

– Согласен, но что с того?

– Это дает нам два вида на Бленфорд-Нью-Таун, где он живет, – сказал Беддоуз. – Один за его спиной утром и, возможно, совсем другой, предстающий перед его глазами каждый вечер.

– О, так это Бленфорд он видит сквозь деревья, – проговорил я не без сарказма. – Глядя направо, он видит город, который на самом деле позади него. Должно быть, все это сделано с помощью зеркал.

– Я как раз собирался это предложить, – сказал он. – Таинственная деревня едва ли является галлюцинацией, она слишком четко различима для миража. Остается одно естественное объяснение: зеркало или что-то вроде него ставят за этой рощицей каждый вторник.

Мне пришлось громко расхохотаться. Самым прискорбным образом Беддоуз продолжал хвататься за тончайшие соломинки «естественных» явлений, только бы не взглянуть в лицо очевидной истине.

В противоположном углу факультетской гостиной несколько человек столпилось у телевизора. Я расслышал доносящийся до нас голос Смита, но не мог разобрать, что именно он говорит.

Беддоуз продолжал свой фарс:

– Естественно, я задался вопросом, какое огромное зеркало может быть столь легко переносимым, чтобы соответствовать всем условиям. Я послал телеграммы с оплаченным ответом мистеру Летуорти и в местные полицию и газету, поинтересовавшись, известна ли им профессия человека, предположительно сбежавшего с миссис Летуорти. Они подтвердили то, что я и подозревал. Этот человек водил большой фургон...

Телевизор производил слишком много шума, да и, в любом случае, гипотезу Беддоуза я нашел скучной. В каком-то смысле ему отвечал по телевизору Смит, но Беддоуз был слишком глух и слеп, чтобы это заметить. Он бормотал:

– ...с большими листами, закрепленными по его бокам. Что-то такое перевозимое... несомненно припаркованное там, за рощицей. Вот. Соответствует ли эта возможность фактам?

– Простите, – сказал я, – думаю, что упустил суть.

– Я говорю, что все знают – приятель миссис Летуорти был *стекольщиком*.

Голос Смита внезапно послышался громче и яснее:

– ...как и в области поэтического или художественного опыта, мистик видит все яснее и глубже, хотя бы временами. Проницание – внезапная вспышка чистого понимания. Вот что нас здесь интересует. Психические явления, собственно говоря, лишь малая часть.

Журналист спросил, назовет ли он себя рационалистом.

– Ну, есть рационалисты и *рационалисты*, понимаете? Возьмем, к примеру, рационалистический ответ на пара-

докс Рассела:²⁶ «В деревне есть цирюльник, бреющий всех мужчин, которые не бреются сами. Бреется ли он?» Видите, что получается: если он бреется, то не бреется, и так далее. Рационального ответа нет, кроме как «такой деревни не может быть». Но истинный мистик, человек видения, скажет: «Почему же нет?» В самом деле, почему? Понимаете, Человек – сам по себе парадокс. Он несомненно конечен, но легко может вообразить безбрежные бесконечности...

Полагаю, в это самое время бедняга Коркоран резал себе бритвенным лезвием запястья.

Все мы несем ответственность за смерть Коркорана. Я, потому что сидел и обсуждал с Беддоузом его бессмысленные теории, вместо того, чтобы побыть с ним. Смит – если то, что Коркоран рассказал мне, правда – за кратковременную утрату им веры. И больше всех Беддоуз за его ненависть к любой красоте тонкого и таинственного, ко всему, что он не способен незамедлительно свести к короткой формуле, всему, что он не может разрезать бритвой Оккама. И, наверняка, именно его безжалостный скептицизм довел «Корки» до безумия и гибели.

Поскольку это так, я, не колеблясь, отверг теорию Беддоуза насчет исчезающей деревни как еще одну из его деструктивных фантазий. Даже не проверяя, я уверен, что она совершенно безосновательна.

Вследствие разных причин утверждения Коркорана о «мошенничестве» Смита также должны быть отклонены. Иначе пришлось бы противопоставить слово безнадежно безумного человека репутации уважаемого ученого с блестящим послужным списком.

Наша работа продолжалась, хотя сейчас мы видим гораздо меньше, чем Беддоуз. Ну и что? Невозможно объяснить слепому неопишимо прекрасные цвета заката.

26 Логический парадокс, сформулированный в 1901 году английским философом Бертрамом Расселом, внесшим большой вклад в развитие математической логики.

Из предисловия к сборнику

«Maps: The Uncollected John Sladek»

Следующие шесть микро-рассказов (открывающие в сборнике «Maps» раздел «Sladek Incognito») были напечатаны в «Tit-bits», британском еженедельнике-таблоиде, сочетавшем на своих страницах поклонение звездам, шокирующие разоблачения и фотографии милых девушек в колготках (часто только в них). Начиная с 1967 года, «Tit-bits» в течение нескольких лет регулярно публиковал рассказы. Как только темой заявили «Внутри Фантастического... сезон научной фантастики», площадку заполнили авторы этого направления. К тому времени, когда этот рынок был открыт Слейдеком, тематика сменилась на триллеры, где каждый рассказ должен был уместиться на одной странице захватывающую историю с внезапным финалом. Старый, написанный совместно с Томасом Дишем рассказ «The Way To a Man's Heart» вполне вписался в эти требования и был переиздан во втором же выпуске журнала с открытием «сезона триллеров».

По-видимому, Слейдек хотел напечатать все свои дальнейшие сольные рассказы как Dale Johns, но вечно небрежный «Tit-bits» первые три опубликовал под настоящим именем автора. Конечно, это халтура, прямо нацеленная на рынок, которому ничего большего и не требуется. Но и сквозь неё пробиваются блески таланта и изобретательности. «Стрелка» основана на его собственном железнодорожном опыте (работу Слейдека железнодорожным стрелочником упоминал в письме автору предисловия и Диш). Как писал сам Слейдек: «Я оставил школу в 1960 году и предался занятиям, наиболее характерным для писателей и других недовольных: повар в буфете, составитель технических инструкций, железнодорожный стрелочник, ковбой, президент Соединённых Штатов.»

© Д.Лэнгфорд

МИНИАТЮРЫ

ВСЕГО ЛИШЬ ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА

Сквозь мысли Энн прорвался хнычущий голос ее соседки по комнате.

– Энн, дорогуша, можно взять твой белый кардиган?

«Всего через несколько минут, – радостно подумала Энн, – она перестанет ныть навеки».

– Конечно, можешь, – проговорила она, не отрываясь от журнала. Она слишком хорошо представляла всю сцену, даже не глядя.

Вирджиния, сидя перед туалетным столиком, подрисовывает брови или наносит на губы слишком много яркой помады.

Сладострастная Вирджиния, старающаяся выглядеть еще распутнее, чем обычно. Она надевала одежду Энн и возвращала ее грязной, испачканной едой и напитками, растянутой.

И, конечно, именно Вирджиния получала всех мужчин. Похоже, они предпочитали ее яркую, дрянную тупость изысканности и культуре Энн.

Им казалось, что выбор делается между бодрой, подвижной, рыжей девицей, способной рассказать что-то яркое и необычное, и тихой, стройной, задумчивой девушкой с русыми волосами и – почему-то это имело большое значение – в очках.

Энн на мгновение сняла очки и протерла глаза. Вновь водрузив очки на нос, она увидела, что Вирджиния почти

готова. «Готова к свиданию с мистером Баркером», – напомнила себе Энн, сжав зубы. Время действовать пришло.

Она могла бы простить Вирджинии все – а прощать Вирджинии надо было бы очень многое, – но не мистера Баркера. Одолжить одежду – это одно, а украсть мужчину – другое. И Вирджиния вскоре это обнаружит.

Не то чтобы мистер Баркер – Эл, как звала его Вирджиния – когда-либо принадлежал Энн. Но он был начальником отдела, где она работала.

Так что Энн чувствовала определенные права собственности на него. В конце концов, Вирджиния трудилась в совсем другой фирме.

Мистеру Баркеру все девушки в отделе поклонялись ничуть не меньше, чем Энн. Он был хорош собой. Не ослепителен, а то, что Энн хотелось считать благородным. То есть его вьющиеся волосы только начали сесть, улыбка была нежной, а глубокий голос звучал серьезно.

И, наконец, ярко-голубые глаза мистера Баркера добродушно поблескивали из-за очков без оправы. Приятный, умный мужчина отеческого типа – и холостяк.

Похоже, он тоже ценил хороший вкус и изысканность Энн. У них было несколько взаимно приятных бесед о живописи и искусстве.

Затем, когда он, казалось, был на грани того, чтобы пригласить ее куда-нибудь, появилась Вирджиния, чтобы пообедать вместе с соседкой по комнате. Встретив мистера Баркера у дверей офиса, Вирджиния включила самый дешевый и яркий шарм.

– О, вы босс Энни? Я так много слышала о вас, мистер Баркер. Бедная Энни из-за вас уже с ног сбивается.

И все это каким-то образом его увлекло. На другой день он отправился обедать с Вирджинией.

Это продолжалось уже больше месяца, и прошла уже почти неделя с момента, когда Энн определилась, как именно избавит его от Вирджинии.

Энн читала в кафе, где обычно завтракала кофе и булочкой, газету. «ДУШИТЕЛЬ ЗАЯВЛЯЕТ О 10 ЖЕРТВЕ», гласил заголовок, а ниже: «ПОЛИЦИЯ БЕСПОМОЩНА».

Она прочитала всю колонку новостей и на следующей странице текст в рамочке, озаглавленный: «Предупреждение одиноким девушкам: не открывайте дверь незнакомцам!»

Позабыв доесть завтрак, забыв, что она опаздывает на работу, Энн уставилась в газетный лист, и у нее сложился план.

План просто нелепый, дьявольский и настолько простой, что обязан был сработать. Он покончит с жизнью Вирджинии – и, возможно, даст начало жизни Энн и мистера Баркера.

Газета сообщила ей все, что нужно было знать. Жертвы душителя – всегда молодые девушки. Яркие молодые девушки. Как Вирджиния. Он убивал их дома, в парках или в других уединенных местах. Душил нейлоновым чулком.

Теперь Энн сидела на скомканном нейлоне, притворяясь, что читает журнал, а Вирджиния готовилась к свиданию.

Энн все спланировала. Убив Вирджинию, она тут же бросится в продуктовый магазин на углу и кое-что прикупит. Затем возвращается домой, «находит» тело, бросает сумку с продуктами и ждет прихода мистера Баркера.

Он найдет ее лишившейся чувств от горя... утешит ее...

– Как я выгляжу, детка? – Вирджиния вскочила на ноги и повернулась, встряхивая своими длинными рыжими локонами.

– Отлично, – произнесла Энн, вставая и растягивая обеими руками чулок. – Ты прекрасно выглядишь, дорогая.

Едва она успела вернуться, взглянуть на тело, уронить пакет с продуктами и, не снимая пальто, плюхнуться в кресло, как в дверь позвонили. Энн с безумными глазами открыла ее и ахнула:

– Помогите! О, Боже, помогите!

Мистер Баркер поймал ее, прежде чем она успела упасть, и усадил на стул. Он взглянул на рассыпавшиеся продукты, на Вирджинию, вокруг шеи которой был завязан чулок.

– Что это? Как это случилось?

С должной долей истерики в голосе она проговорила:

– Я думала, что кое-что куплю, пока магазин на углу не закрылся. Меня не было минут пять. Когда я вернулась...

– Понимаю. – Его голос звучал доброжелательно. – Вы уже звонили в полицию?

– Нет, я... наверное, я сглупила.

– Все нет, бедное дитя. Полагаю, вы в шоке. – Его голубые глаза светились сочувствием. Он присел рядом с ней на подлокотник.

– Выглядит как еще одна жертва душителя, – произнес он.

– Да, должно быть, так.

Его рука мягко скользнула по ее плечам. Энн откинулась на нее. Ее глаза закрылись.

– По крайней мере, вы надеялись, что я так подумаю, не так ли? – столь же добродушно проговорил он.

– Что вы имеете в виду? – Ее глаза открылись.

– Дорогая моя, дорогая моя... – Он печально покачал головой. – Хотел бы я, чтобы вы этого не делали. Правда. – Он полез в карман и вытащил конверт.

– Но я не делала! Это был ду...

– Я не согласен. – Он вытряхнул из конверта нейлоновый чулок и завязал ей на шее.

– Но я сделала это ради вас! Я люблю вас! – выдохнула она.

– Ах, не все ли они таковы?

– Пожалуйста! Мистер Баркер...

Узел затянулся. Голубые глаза мистера Баркера, поблескивающие из-за очков без оправы, были последним, что она видела. Последнее же, что она слышала, было:

– Называй меня Эл, хорошо?

КОГДА В БАНКЕ ЕСТЬ ДРУГ

Джейсон Прайс не отрывался от газеты, пока официантка наполняла его чашку кофе.

– Что читаете, мистер Прайс? Большое ограбление в Мидоувилле?

– Большое? – спросил он, глядя на нее поверх пенсне. – Вы называете двадцать тысяч долларов большой суммой?

– Может быть, не для такого богатого юриста, как вы, но...

– Ни для кого. Позвольте мне показать вам, почему преступление не окупается в самом буквальном смысле. Эти трое поделят деньги, получив – с учетом всех расходов – примерно по шесть тысяч долларов на каждого. Если их поймают, они отсидят не меньше чем по пятнадцать лет, зарабатывая при этом всего по двести пятьдесят долларов в год. С другой стороны, если бы они вложили в тот же самый банк двадцать тысяч долларов, они получали бы ровно ту же сумму в виде годовых процентов – и жили свободными людьми. – Он встал и стряхнул с жилета крошки. – И, конечно, если им это сойдет с рук, они просто сделают это снова и снова, пока их не поймают.

Ему стало интересно, что бы сказала официантка, сообщив ей, что он тоже грабитель банков, и сегодня собирается ограбить не один банк, а целых четыре – вооруженный лишь улыбкой и шариковой ручкой.

Конечно, выглядеть следовало должным образом. В этом Джейсона заверило его отражение в витрине пекарни «Фенгроув Бон Тон». Когда он войдет в «Национальный банк Фенгроув», управляющий, Хэл Гленнинг, покинет свой кабинет, чтобы встретить его и пожать руку.

И дать ему деньги.

Через дорогу часы на здании суда показывали 9:05, и пыльная главная улица была уже забита грязными пикапами, тракторами и автомобилями пятничных покупателей. Джейсон поправил галстук и энергично зашагал к банку.

Вся операция готовилась в течение месяца. В каждом из четырех городов Среднего Запада некий джентльмен средних лет заводил контору: «Джейсон Прайс, поверенный», «Джон Петтигрю, выдержки и заголовки», «Осгуд Трой, поверенный» и «Джереми Паркс, агент по продаже недвижимости».

Еженедельно каждый из этих людей вкладывал по несколько тысяч долларов в местный банк, так что теперь каждый имел на счету по десять тысяч долларов.

Как только Джейсон толкнул дверь с надписью «Национальный банк Фенгроув», управляющий, Хэл Гленнинг, вскочил и направился поприветствовать его.

– Джейсон, старая каналья! – проговорил он, как будто они знали друг друга больше месяца. – Вы же никогда не бываете в офисе. Где вы пропадали все эти дни?

– Дела, – вздохнул Джейсон, сделав неопределенный жест. Управляющий посмеялся. Поболтали о местных сплетнях. Наконец, Джейсон извлек из бумажника три чека и положил их на стол Хэла.

– Совершил на этой неделе убийство, как видите.

Хэл отметил размер чеков.

– Еще бы. Взять их на депозит?

Джейсон поджал губы.

– Нет, на хранение я оставляю чек Петтигрю, а два других хотел бы обналичить, если вы, Хэл, не против. У меня сегодня утром очень важная деловая операция.

Хэл ахнул.

– Вы собираетесь ходить с восемнадцатью тысячами долларов наличными? Не надо, Джейсон. Я выделю вам посылного. Он будет ходить с вами, куда бы вам ни понадобилось.

– Чушь какая-то. Это же будет реклама моих денег, Хэл, и приглашение к краже. Нет, сам понесу. Крупными купюрами, пожалуйста. Сотенными, наверное.

В 10:10 он вошел в «Торговый банк Мидоувилля», и Кен Форрест, грубоватый мускулистый управляющий, пригласил его в свой кабинет. «Джон Петтигрю» казался почти что старым другом, поэтому, когда они подробно обсудили недавнее ограбление, ничто не казалось более естественным, чем желание «Джона» обналичить два чека и сдать на хранение один – хотя Кен считал своим долгом предупредить его, что не стоит ходить со всеми этими деньгами.

Точно так же предупредил управляющий «Взаимного банка Голдфилд».

К полудню легкая половина дела была завершена. Джейсон и все его альтер-эго сняли семьдесят две тысячи долларов со счетов, на которых было сорок тысяч. Но теперь он собирался попытаться вернуть свои вложения. Если повезет, банки не обменяют чеки до понедельника. Если не повезет...

Хэл Гленнинг держался немного подозрительно.

– Вы уверены, что с чеками Петтигрю все в порядке? – спросил он.

– Не особо. Лучше обратитесь в его банк. – И, конечно, Хэл узнал – от Кена Форреста – про девятнадцать тысяч долларов на счету «Джона Петтигрю». Хэл извинился, Джейсон подтвердил чек, и они вышли из кабинета найти главного кассира.

Но кассир был очень занят, глядя в дуло пистолета. Трое мужчин в резиновых масках зверушек, казалось, заливали страхом весь вестибюль.

– Давай, – бросил один из них кассиру.

Тот не дал. Вместо этого он протянул руку и сорвал резиновую маску. Бандит дважды выстрелил в него и пустился наутек.

То, что произошло дальше, при других обстоятельствах могло бы стать милой старинной комедией. Ибо бандит

хотел пробраться мимо Джейсона к двери, а Джейсон так хотел позволить ему это сделать, что продолжал отступать и мешаться под ногами. Рассердившись, бандит поднял пистолет. Джейсон в ужасе свалился в обморок...

– Вставай, герой, – сказал Хэл. Джейсон моргнул, увидев с десяток представителей полиции штата.

– Герой?

– Если бы вы не задержали этого малыша, ему все могло бы сойти с рук, – сообщил полицейский. – Другие двое чудом ускользнули, но мы хорошо представляем, кто это – они все из банды Скарфо в Чикаго. В любом случае спасибо.

Поднявшись, Джейсон ощутил в карманах нетронутые пачки денег. Теперь он был свободен, чист и с доходом в сто тысяч долларов.

– Само собой, мы бы хотели, чтобы вы дали показания перед присяжными в среду, – добавил полицейский.

– Конечно. Буду рад, офицер. – Джейсон отряхнулся. К среде он будет... В Париже? В Риме?

– Собственно говоря, мы собирались взять вас пока под защитный арест. Банда Скарфо имеет привычку избавляться от свидетелей. Покупать их – или убивать.

– Само собой. Ну, думаю, вам в любом случае нет нужды защищать меня.

Полицейский на мгновение посерьезнел и опустил глаза.

– Надеюсь, что нет. Но на всякий случай мы оставим у вашей двери человека дежурить днем и ночью. Уверен, вы не возражаете против подобного неудобства.

Джейсон представил, как в понедельник банки разберутся с его финансами и раскроют преступление.

Уже сквозь приглушенное биение собственного сердца он расслышал, как полицейский говорит:

– Не думайте, что мы делаем вас пленником, мистер Прайс. В конце концов, слушание в среду, а после этого вы будете...

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТРЕЛКА

Брэдфорд Финли всегда жил ради поездов. То, что он был простым продавцом, а не водил поезда, мужчина давно уже считал первой в своей жизни трагедией. В последние несколько минут он узнал о второй трагедии.

Открыв окно в гостиной, он слышал, как ходят вперед-назад поршни машины «Грейстон-Ярда», везя поезд в Омаху. Успокоительный звук, и он постарался сосредоточиться на нем, пытаясь не слышать, как Элейн говорит:

– Да, дорогой, у меня роман. И ты ничего с этим не можешь поделать, не так ли?

Ее смех звучал триумфально. Брэд вышел со стаканом на улицу и не спеша выпил, глядя на звезды. Он пытался думать обо всем, кроме Элейн. О жарких летних днях в детстве, о том, что через час пройдет «Пушечное ядро Фарго», так что он сможет помахать машинисту. Но, в конце концов, он задумался о том, как убить жену.

Конечно, это будет железнодорожная катастрофа. Тщательно спланированная, не оставляющая ничего на волю случая. В один из выходных Элейн поедет к родителям в Маллбург – и поедет поездом. Брэд уже знал место, где он устроит аварию.

Следующий вечер и еще много вечеров он проведет там, чтобы изучить все устройство, пока не разберется в нем досконально.

Благодаря системе блокирующих сигналов железные дороги были практически защищены от несчастных случаев. Сигнальные огни, установленные на башнях, стоящих в нескольких милях друг от друга, опоясывали магистральные линии по всей стране, и каждый из них указывал на состояние пути на участке до следующего сигнала.

Зеленый означал, что путь свободен, желтый, что переведена стрелка на другой путь, а красный, что другой по-

езд занимает линию. Если сигнала нет, предполагается красный, и поезд должен остановиться.

Авария могла произойти только по случайности – или при саботаже.

Брэд выбрал место, где главная линия изгибалась вправо, а подъездной путь уходил прямо к нефтяному терминалу. Этот подъездной путь имел в длину не более трехсот ярдов и предназначался для наполнения или слива цистерн с нефтью.²⁷

Поезд с Элейн приблизится к этому пересечению на скорости около пятидесяти миль в час. Машинист бросит беглый взгляд на сигнальную вышку – заметит зеленый, как уже сотни раз, и, открыв дроссель,²⁸ даст полный ход.

Но на сей раз сигнал окажется ложным, стрелка переведенной, и поезд – даже при нажатых тормозах – врежется в миллион галлонов взрывоопасного топлива. А Элейн будет просто сидеть на своем месте в первом вагоне.

Брэд собрал материалы, необходимые для перестановки стрелки и сигнала, включая провод, алюминиевую фольгу, черную краску и обрезок поролона, прибавив к ним также кое-какие инструменты, перчатки и тяжелые ботинки.

Он рассчитал время поездки от станции до стрелочного перевода и с точностью до секунды вычислил, сколько времени ему понадобится, чтобы все настроить.

Затем, почти не осознавая этого, он обнаружил, что везет Элейн на станцию, и почувствовал в горле странную сухость.

27 Нафта, или лигроин, — получаемый при перегонке нефти топливный продукт, более тяжелый, чем бензин. Ранее использовался главным образом для тракторов, в настоящее время после их перевода на дизель утратил хозяйственное значение.

28 В паровозах — заслонка в верхней части парового котла, препятствующая в задвинутом состоянии выходу пара, вращающего поршни ходовой машины, и тем самым способная регулировать скорость паровоза.

– Мы не слишком рано? – проговорила она, когда они подъехали в вокзалу. – На часах всего 9:40, а поезд не отправится раньше 10:20. – Она указала на светящийся циферблат над входом в вокзал.

– Прости, дорогая, – сказал он, встряхивая своими часами и делая вид, что изучает их. – Слушай, мне надо сегодня вечером разобраться с кое-какими счетами. Ты не против, если я брошу тебя сейчас тут и не останусь проводить?

Она не возражала, как не возражала и против всего его существования в целом, так что они расстались в 9:45. В 9:58 он подъехал к башне, призрачно-серебряной в свете восходящей луны.

Он не чувствовал ничего, совсем ничего, кроме механизма в своем мозгу, тупо воспроизводящего все шаги по плану. Поезд приедет в 10:29, и все должно быть готово.

Сначала он надел перчатки и ботинки. Затем, держа в руке плоскогубцы и моток проволоки, поднялся по башенной лестнице. По мере того как он поднимался, стихало пронзительное ворчание сверчков, оставляя его наедине с ровным гудением электричества из сигнального ящика.

Разрезав металлическую пломбу, он вскрыл корпус и перемонтировал сигнал так, чтобы тот светился зеленым, независимо от состояния пути впереди. По мере работы Брэд представлял себе происходящее на вокзале.

Маневровые локомотивы, должно быть, подгоняли последний длинный, гладкий серебристый вагон к составу. Официанты в вагоне-ресторане натягивали свои белые куртки и курили по последней сигарете перед дорогой. Элейн, наверное, нетерпеливо топает ножкой в салоне. Брэд проверил свою работу и нашел, что все в порядке.

Молоток и долото, принесенные из машины, позволили ему сломать большой замок на стрелке. Ему пришлось приложить все силы, чтобы повернуть проржавевший изнутри рычаг.

После этого у него на мгновение так закружилась голова, что он был в силах только стоять и таращиться на механизм – повернутый теперь на подъездной путь.

Примерно сейчас на станции официанты раскладывали конусами по столам последние салфетки. Осмотрщики постукивали молотками по дискам колес.

Машинист и кочегар были уже на месте, а пассажиры начали спускаться на платформу. Было 10:15, и надо было еще кое-что сделать.

Он взглянул на сигнал – все еще зеленый, затем на рельсы. Он осознал, что машинисты ориентируются не только на сигналы. Нет, они смотрят на механизм каждой стрелки, чтобы убедиться, что он правильно установлен.

Если машинист этого поезда заметит, что две стальные ленты ведут не вправо, а прямо вперед, он может успеть остановиться. Брэду пришлось задействовать поролон, покрытый фольгой, чтобы заполнить зазоры – там, где их не должно быть, а также черную краску, чтобы имитировать зазоры в нужном месте.

В 10:28 работа была завершена, и он уже мог различить в ночном небе под самым горизонтом моргающую желтую ауру проблескового маячка поезда. Тот ехал строго по расписанию.

Именно в тот момент, когда Брэд уже пошел к машине, он увидел ребенка. Светловолосый мальчуган лет десяти, должно быть, пришел с одной из ферм посмотреть на поезд.

Возможно, он делал это каждый вечер, как когда-то другой мальчик...

Ребенок стоял на обочине, около грязной цистерны с нефтью. Прямо над его светлыми волосами лунный свет падал на ромбовидный знак: «Опасно! Воспламеняющаяся жидкость». Земля задрожала.

– Эй, дите! – побежал к нему Брэд. – Уходи оттуда! Вали!

Мальчик с озадаченным видом не трогался с места. Он точно знал, что стоять с той стороны безопасно. В поле зрения ворвался мигающий ярко-желтым конус фары. Пока она была в доброй полумиле. Может быть, он еще успеет спасти мальчика, оттащить его в безопасное место.

С криком бросившись к ребенку, Брэд оказался на обочине, спиной к яркому лучу.

Мальчик весело махал рукой далекому поезду. Ноздри бегущего Брэда щекотал запах нефти, запах страха. Дизель за его спиной загудел громче, сотрясая землю.

– Эй! – кричал Брэд. – Эй, там! – Он рвался вперед, его неуклюжие ботинки скользили по гравию.

По обе стороны от него в ослепительном свете фар заблестели рельсы. Он обернулся посмотреть через плечо. Дизель был близко, слишком близко, ослепляюще близко.

Брэд споткнулся и упал, ударившись головой о рельс, и в последнюю оставшуюся секунду осознал, что слишком поздно, чтобы спасти мальчика. Слишком поздно, чтобы спасти себя.

Даже слишком поздно, чтобы помахать машинисту.

РАСПИСАНИЕ

По телефону киллер говорил сдержанно, спокойно и точно.

– Полагаю, что могу решить вашу проблему именно так, как вы это описали, – сказал он, – в письме. Можете произвести первый платеж, как запланировано, сэ.

Кертис Уолл вычерчивал на своем письменном столе геометрические узоры.

– Надеюсь, вы точно поняли мои инструкции. Вопрос времени в высшей степени важен.

Киллер понял. Кертис положил трубку и откинулся в кресле, позволив себе слегка усмехнуться. Всего через неделю уже ничто и никто не будет стоять между ним и креслом председателя «International Investments, Inc.».

Как ни странно, нынешний председатель, Леонард Хадсон, был его лучшим другом. Эти двое вместе посещали колледж, вместе карабкались по служебной лестнице и вместе добрались до вершины – почти.

Они жили всего в нескольких милях друг от друга, ездили на одном и том же пригородном поезде, одинаково одевались и поочередно обыгрывали друг друга в гольф. Они даже выглядели немного похоже: два долговязых, костлявых гиганта с завидным загаром и темными, слегка тронутыми сединой волосами.

Время от времени на вечеринке один из них мог поцеловать жену другого, выпив слишком много водки с мартини – любимого напитка обоих.

И все же Леонарду придется уйти. Кертис знал, что, если позволит другу управлять компанией еще шесть месяцев, они разорятся. Это выходит за рамки дружбы.

Это гораздо глубже, так глубоко, как закон выживания в джунглях. Леонард Хадсон много ошибался – слабак. Он не годился для командования. Это было известно лишь ему и Кертису, как и то, что Кертис может управлять очень хорошо. Но Леонард хорошо прикрывался другими.

Тем не менее под его слабым, нервным руководством компания неуклонно съезживалась и приходила в упадок. Леонард не мог заставить себя признаться в личном провале и освободить место Кертису. Вновь дурное решение. Теперь Кертису оставалось сделать только одно.

Выглядеть все будет так: Леонард поедет в Чикаго, чтобы изучить вопрос возможного приобретения небольшой фирмы по производству электроники. Он уже зарезервировал целиком купе ночного поезда из Нью-Йорка.

Кертис проводит его и, поскольку будет уже слишком поздно ехать домой, заночует, как нетрудно предположить, в Нью-Йорке. Леонард придет в Чикаго утром и будет замечен выходящим из поезда. Затем он исчезнет. Вот и все.

Реальность будет немного иной. Прежде всего, проводя Леонарда, Кертис отправится в аэропорт, долетит до города посередине маршрута поезда и там на него сядет.

Затем нанятый им убийца также сядет в поезд, убьет Леонарда и выбросит его тело недалеко от заранее намеченного городка.

Там убийца сойдет, сядет в заранее подготовленную машину и поедет отыскать тело. Уничтожив все, что способствовало бы опознанию, он перевезет его в некое место, достаточно далекое от железной дороги, чтобы устранить любую связь.

Затем Кертис будет до конца поездки занимать купе Леонарда, выдавая себя за него перед персоналом поезда.

На вокзале он заберет багаж Леонарда, вылетит обратно в Нью-Йорк и к полудню вернется за свой стол.

Каждая деталь обдумывалась снова и снова. Время было рассчитано идеально, с точностью до минуты. И он, и наемный убийца знали, когда и где действовать.

До назначенного дня оставалась всего неделя – всего несколько дней. И этот день настал!

В течение всего дня он был бодр. В то утро он брил не свое лицо, а сияющий лик вождя. Будущий председатель уже начинал ощущать собственное могущество.

С другой стороны, Леонард казался как будто менее существенным, словно уже начал каким-то образом умирать. Кертис пригласил на обед и проводил на поезд до Чикаго не нынешнего председателя, а призрака, Леонарда Хадсона, уже умершего и этого не осознающего.

Кертис вздрогнул и проснулся. В панике он взглянул на часы. Почти полночь, отметка числа на циферблате как раз поворачивается. Поезд замедлил ход, въезжая на станцию. Согласно расписанию это, должно быть, Блейн, штат Огайо.

Потушив свет в купе, он приподнял штору и выглянул наружу, но не смог разобрать название станции. «Успокойся», – сказал он сам себе. Это должен быть Блейн, городок, где убийца сойдет и заберет машину. Включились фары автомобиля. Развернувшись задом, он осветил часть станционной таблички: «БЛ...»

Значит, все кончено. Он все проспал, а это кончилось. Он начал громко смеяться, стуча кулаком по подушке сиденья. До этой минуты Кертис и не осознавал, насколько сильно ненавидел Леонарда.

Но еще было над чем поработать. Когда он в последний раз видел Леонарда, тот был одет в темно-серый костюм в тонкую полоску, серый шелковый галстук и бледно-голубую рубашку. Кертис быстро переоделся в запасную одежду. Все еще похохатывая, он направился по коридору в купе №47, купе Леонарда.

Оно было заперто. Паника сдавила ему комком горло. Но как мог убийца быть столь небрежен? Как?

– Помочь вам, сэр? Заперли?

У его локтя стоял стюард с напитком на крохотном подносе. Кертис постарался ответить как можно спокойнее:

– Да, не знаю, что произошло. Должно быть, где-то оставил свой ключ...

– Все в порядке, мистер Хадсон. – Стюард не заметил шока, промелькнувшего на лице «мистера Хадсона». Он поворачивал служебный ключ.

Должно быть, убийство произошло недавно – когда дверь открылась, внутри все еще пахло табачным дымом. Кертис улыбнулся и вошел. Стюард, казалось, хотел последовать за ним.

– Ваш напиток, сэр? Водка с мартини?

– О? Конечно.

Когда стюард удалился, Кертис поднял бокал в честь самого себя.

– Председатель мертв, – прошептал он. – Да здравствует председатель!

«Председатель мертв с половины двенадцатого, – подумал он, поднося холодное стекло к губам. – Уже почти час».

В дверь постучали.

– Ваш билет, пожалуйста.

«Странно», – подумал он, вытаскивая билет и отпирая дверь. Поездная бригада должна была смениться не в Блейне, а гораздо дальше по линии. В местечке под названием Блаффтон, не так ли?

Дверь распахнулась, и кто-то прыгнул на него из темноты. Удар карате по горлу заставил Кертиса задохнуться и ударил его о стену.

Дверь захлопнулась. Две незнакомые руки в перчатках что-то затягивали на шее Кертиса. Он ощутил, что его горло сдавливает тонкий шнур.

– Но что это? Почему? Что пошло не так? – хотел он сказать, но говорить было уже слишком поздно. Стук крови в ушах Кертиса смешивался со стуком колес.

Он почувствовал, как его колени обмякли, погружаясь в водку с мартини и осколки разбитого бокала. В оставшиеся несколько секунд Кертис еще раз вспомнил свой план.

– «Часовые пояса, – подумал он, – я забыл проклятые часовые пояса. Время в Блейне, штат Огайо, на час отстает от Нью-Йорка».

Он сделал один выбор, убийца сделал другой. Это объясняло, почему купе оказалось заперто – Леонард был еще жив. Должно быть, он заказал напиток и ненадолго вышел. Но тогда он может вернуться в любую минуту!

Кертис цеплялся за эту надежду, пока не ощутил, что его глаза вылезают из орбит. Сперва они могли разглядеть два кулака, затем часы убийцы, показывающие 23.32. Наконец, они не могли уже видеть ничего, кроме лица убийцы, бесстрастного и профессионально спокойного.

Но когда Леонард, наконец, вернулся, там уже никого не было. Только запах водки и открытое окно.

ВОТ ТЕПЕРЬ Я СВОБОДЕН

Мари лежала на боку у подножия лестницы, ее русые волосы раскинулись по светло-голубому ковру, а кожа была неестественно бледной.

Рой поколебался, затем протянул руку и коснулся ее горла. Признаков жизни нет. Он... разведен.

Он свободен, свободен быть с Джун. «Осторожно», – предупредил он себя. Он еще не совсем свободен. Пока что. И с Биллом тоже придется считаться. Но все прошло гладко. Еще вчера он не поверил бы, что все окажется так легко.

Дом стоял достаточно уединенно, чтобы никто не заметил, как он вернулся в полдень. И, конечно, киномеханик не покинет аппаратной, по крайней мере не тогда, когда фильму осталось идти не более получаса. Его алиби безупречно, разве что...

На мгновение Рой застыл, все еще держа руку на теплом, бездыханном горле и представляя, как пленка застревает или не совпадает по фазе, публика топает и свистит, наконец, управляющий идет в пустую аппаратную взглянуть, в чем дело.

Затем он пожал плечами. Он знал, что фильмокопия хорошая, целая и едва ли заедает. Публика в это время дня состоит в основном из стариков, которые дремлют, а не смотрят. Он успокоил себя, запер дом и поехал обратно на работу с разумной, законно разрешенной скоростью.

Никем не замеченный, он, как всегда, припарковался в переулке, проскользнул через служебный вход, поднялся по лестнице и зашел в аппаратную.

Там, как обычно, было душно и жарко, и он почувствовал, как колотится от бега по лестнице его сердце. Он начал обильно потеть. Катушка с рекламой выскользнула из его влажных рук и лязгнула по бетонному полу.

«Успокойся, Рой, – сказал он себе, – проживешь дольше». Он поместил пленку с рекламной вставкой во второй

проектор, отрегулировал его и закрыл. Первый проектор отматывал последние десять минут гангстерского фильма с шумной автомобильной погоней. Во рту у Роя пересохло, его тянуло закурить.

– Свободен, – пробормотал он сам себе под грохот выстрелов. Слово это не прозвучало так вкусно, как он ожидал. Если бы только не будущая встреча с Биллом, его лучшим другом Биллом, которому придется сказать, что он влюбился в Джун, его жену.

А если Билл откажется ее отпустить? Рой не хотел загадывать так далеко. Вместо того он решил мечтать о Джун, не сводя с экрана глаз в ожидании тридцатисекундного предупреждающего сигнала.

Некое чувство, некий никем не замеченный электрический разряд пробежал между Роем и Джун почти сразу после знакомства. Маленькая, светловолосая, острая на язык, со стремительными движениями и живым чувством юмора, она была, коротко говоря, всем, чем Мари не была. Он явно встретил сперва не ту женщину.

Предупреждающий значок вспыхнул в углу экрана. Рой положил руку на переключатель, едва замечая перестрелку, в которой неизбежно брала верх чикагская полиция.

Мари – торжественная, прекрасная, унылая Мари, которая никогда бы не дала ему развода. Покойся с миром, Мари. Рой не испытывал к ней ненависти, ему было ее жалко. Но она мешала, как невинный прохожий мешает ограблению банка. Вот так все просто.

Чикагский гангстер произнес десятисекундную предсмертную речь и рухнул в изрешеченной пулями телефонной будке. Появилось слово «КОНЕЦ» и финальный сигнал. Рой переключил показ на рекламный ролик и вышел на балкон покурить. Как раз пора сделать пару затяжек, прежде чем запрыгнуть обратно в аппаратную, опустить занавес и включить в зале свет. Он вернулся к своей сигарете и своим мыслям.

То, что они с Джун станут любовниками, было неизбежно, и Билл не сделал ничего, чтобы замедлить ход событий. Собственно говоря, Билл за последний год стал довольно-таки равнодушен к жене, принимая ее как должное. Временами необъяснимо отсутствовал.

Однажды вечером Рой заехал повидать друга, а того не было дома – вот так вот просто. За исключением того, что Рой не мог перестать видеться с Джун, не мог удержаться от того, чтобы видеть ее все чаще и чаще.

Каждый вечер он находил предлог уйти из дома. Каждый день она ходила в кинотеатр.

Это выходило за рамки всякого разумного поведения. Они знали, что все неминуемо станет очевидным для Билла и Мари, но были бессильны остановить себя.

Наконец, вчера Рой начал окольными путями расспрашивать Мари, чтобы убедиться, что она действительно знает.

И чем больше она возражала, говоря, что любит его и не может представить себе обстоятельства, при которых рассталась бы с ним, тем больше Рой понимал, что убьет ее.

Но теперь придется иметь дело с Биллом. Они дружили со школы, и сейчас Рой впервые что-то скрывал от Билла. Теперь он играл с мыслью сознаться ему. Мысленно подбирая слова.

– Билл, я убил Мари. Я люблю Джун и хочу, чтобы ты отпустил ее, а я женился на ней.

Но как Билл это воспримет? Шок? Задетая гордость? Пойдет ли он в полицию?

Оставалась одна минута рекламного перерыва. Подчиняясь внезапному желанию, Рой позвонил в страховую компанию Билла и попросил его приехать.

К моменту прихода Билла всю крутилась первая бобина нового фильма. Билл, входя, опустил голову и осторожно сел на складной стул, указанный Роем.

– Билл, мне надо кое-что обсудить с тобой...

– Подожди, – поднял руку Билл. – Я знал, что ты рано или поздно поймешь, Рой. Но никогда не узнаю, почему это случилось именно сегодня. Окей, я не могу тебе больше лгать. Я люблю Мари больше, чем...

– Что? О чем ты говоришь? – Рой боялся, что знает все слишком хорошо.

– Убийство, Рой. Убийство.

– Погоди-ка. Ты не можешь доказать...

– Я убил Джун сегодня утром, Рой. Утопил в ванне. Я люблю Мари и надеюсь, что ты отпустишь ее, а я женюсь на ней. Теперь, когда я свободен.

– Теперь, когда ты... – Рой захохотал. Он машинально взглянул на экран, где торжествовал закон. Он подумал о маленькой тени Джун, колышущейся под водой, и захотел убить этого человека.

– Что тут смешного?

– Ничего, ничего. Я просто хочу, чтобы ты знал – я никогда не встану между Мари и тобой, старина. Она твоя, победил тот, кто лучше, и так далее. Собственно, вот мой ключ. Почему бы тебе прямо сейчас не заехать ко мне домой – и не сделать ей сюрприз?

РОЗЫГРЫШ

У всех есть знакомый, похожий на Бабба... весельчака, который громче всего смеется, если видит кого-то несчастным. Особенно если страдания причинил он сам. Как обычно и бывает.

Когда он только переехал в наши края, никто, собственно, не испытывал к Баббу ненависти. Паре человек стало даже жалко это огромное жирное существо с пакетами чихательного порошка и гудками, срабатывающими при рукопожатии. Большинство из нас он просто раздражал.

К тому же первые его шутки – пластиковые жуки в еде, протекающие ручки – были довольно безобидными. Лишь по мере того, как мы привыкали к ним, Бабб заставлял себя идти на все большие крайности, чтобы привлечь наше внимание.

Не могло уже идти и речи о том, чтобы пригласить его на ужин, а вскоре даже приглашение выпить почти наверняка означало резиновый «окровавленный палец» в чьем-нибудь напитке или живого лобстера в ванной. Мы оставили его в одиночестве. Или пытались это сделать.

Хуже всего было то, что, встретившись с кем-то, кто «не может этого выносить», Бабб всякий раз прилагал еще более гнусные усилия.

И одним из тех, кто «не вынес», был Большой Майк.

Большой Майк, которому уже стукнуло не меньше семидесяти, был кем-то вроде местной загадки. Одни говорили, что он когда-то был жуликом, а другие, что он служил в Иностранном легионе. Кем бы он ни был когда-то, теперь это был тихий, добрый старик, одинокий и довольный этим.

Его единственным спутником был Пакки, рэт-терьер с серой мордочкой.

Хоть Майк и не был уже тем гигантом и силачом, что заслужил свое прозвище, наше уважение он снискал. И по-настоящему мы невзлюбили нашего подростка-переростка, когда Бабб принялся подшучивать над Большим Майком.

Первая их встреча случилась в местном кинотеатре. Бабб вошел, кривя свои толстые, рыхлые губы в улыбке, и мы знали – что-то вот-вот произойдет. Он сел недалеко от Большого Майка. Я осознал, что наблюдаю за ним, боясь, что он примется за старика.

Смех Бабба разносился по залу в самых жестоких местах мультфильма, открывавшего сеанс. Затем, когда начался основной фильм, я увидел, как Бабб вытаскивает из внутреннего кармана коробочку и открывает ее.

Мотыльки. Крупнокрылые мотыльки, целая дюжина, бросились к сверкающему лучу проектора и своим неистовым трепетом почти что стерли с экрана изображение. Где-то захныкал испуганный ребенок, но его заглушил смех, даже рев Бабба.

Если большинство из нас довольствовались тем, что сидели и ворчали, пока управляющий не переловил насекомых, то Большой Майк встал и стал пробираться по проходу.

– Не понимает шуток? – прошептал Бабб, когда гигант прошел мимо него. Я увидел, как старик напрягся, схватившись рукой за трость, словно хотел ее гневно вскинуть. Затем он просто ушел.

С тех пор Большой Майк стал излюбленным развлечением для Бабба. Он просыпался от послеобеденного сна на лужайке и обнаруживал, что его газета залита чернилами, или на лбу его грубо нарисованы помадой губы, или в его футляре очки не тех диоптрий.

Кто-то разрезал его шланг для полива, залил краской розы и послал по почте дохлую змею.

И никто даже не сомневался, кто же такой этот «кто-то».

Один раз я снял со спины старика табличку «Пни меня» и задался вопросом, не пора ли обратиться по поводу Бабба в полицию. Если бы я это сделал...

Вскоре после этого жарким, туманным днем я услышал на улице лязг и собачий визг. Выскочив на дорогу, я мельком разглядел Пакки, несшегося с такой скоростью, какой я никогда не видел. Кто-то привязал к хвосту бедного пса жестяную банку. И этот кто-то стоял на газоне Бабба, с громогласным гоготом держась за отвислый живот. Майка нигде не было видно.

Перепуганный Пакки зигзагами несся по улице от дома к дому. Бедный старый зверь подумал, что его что-то преследует. Почти все, кто оказался поблизости, пытались поймать Пакки и освободить его. Наконец, такую услугу оказа-

ло ему собственное стареющее сердце. Когда мы нашли терьера, он был мертв.

Я отнес его Большому Майку, не зная, как тому рассказать. Но, когда старик увидел тело и банку, слова были уже излишни. Он сказал только: «Понимаю». И взгляд его светлых глаз спокойно и отстраненно застыл, как будто он принял какое-то важное решение.

На следующий день я пошел взглянуть, как держится Большой Майк, и обнаружил, что он пьет чай с Баббом. Майк встал.

– Я хотел, чтобы Бабб понял, что с моей стороны нет никаких обид, – пояснил он. – В конце концов, шутка есть шутка.

Бабб засмеялся.

– Рад, что вы так смотрите на это, старина. Конечно, мне жаль, что ваша престарелая шавка издохла, я этого не планировал... – И тут из его залитых слюной губ вырвался хохот... – Но это было так забавно! Видели бы вы, как он удирал!

– Да, – слабым голосом ответил Большой Майк. – Мне надо было видеть... его уход.

Мне показалось, что его глаза увлажнились, но он отвернулся и занялся чаем.

– Пожалуйста, присядь, – сказал он мне. – Прости, что не могу предложить чаю тебе, но тут действительно едва хватает для нас двоих.

Эта грубость – чайник был довольно большим – заставила меня почувствовать себя неловко, но я сел, задавшись вопросом, не помешался ли Майк.

– Зато... возьми сигару, – проревел Бабб. Хотя я не протянул руку, он поднес ко мне резиновую сигару и обрызгал мою одежду чем-то вонючим. В моих мыслях Бабб всегда будет связан с грубым смехом и дурным запахом.

Мгновение спустя Бабб откинулся на спинку стула со странным выражением лица.

– Что... что со мной не так? – произнес он.

Большой Майк улыбнулся и поставил чашку.

– Стрихнин, Бабб, – тихо сказал он. – Яд. Мы с Пакки уже давно принимаем его в малых дозах из-за больного сердца.

Бабб задыхался, прерывисто заглывая воздух.

– Если это вас как-то утешит, Бабб, я тоже принял смертельную дозу. С чаем. Мои симптомы из-за слабого иммунитета после долгого использования растянутся на более долгий срок, но я буду страдать от своей маленькой шутки не меньше вас.

Я был слишком ошеломлен, чтобы пошевелиться или что-то сказать. Я мог только наблюдать за последними конвульсиями Бабба. Он попытался подняться, затем упал, и цветок в его петлице судорожно испустил маленькую струйку чернил.

И, как и следовало, яд скривил его лицо в ужасную гримасу, отвратительную усмешку смерти.

Из предисловия к сборнику

«Maps: The Uncollected John Sladek»

В 1968 году в высшей степени уважаемый научно-фантастический журнал «If» опубликовал два рассказа «Джона Томаса» (библиограф Слейдека, Фил Стивенсен-Пейн, утверждает, что использование только имен автора без фамилии могло быть случайной ошибкой). Позднее один из двух рассказов, «В олигоцене», появился во французском и испанском переводах под именем Джона Слейдека. С «Публикуйся или умри», напечатанным месяцем ранее, этого не произошло – но если два рассказа, появившиеся в двух номерах подряд под одним именем и с заглавным рисунком одного и того же художника, принадлежат разным авторам, то редактору «If» стоило бы объяснить подобное чудачество.

© Д.Лэнгфорд

От переводчика

Парадоксальным образом этот рассказ, написанный более 50 лет назад как юмористическая антиутопия, приобретает ныне черты пророчества о вполне реальной ситуации, складывающейся в научном мире (впрочем, пока что речь не идет об обстоятельствах, образующих криминальную канву сюжета).

Кратко очертим конфликт сюжета. В американских университетах существуют три основные преподавательские должности – это assistant professor (в российских вузах сопоставимая должность обычно называется «старший преподаватель», хотя может именоваться и «ассистентом»), associate professor (приблизительно равный нашему доценту) и, наконец, собственно professor. В переводе соответствующие должности переданы русскими аналогами. В отличие от российской практики, даже assistant professor должен обязательно иметь ученую степень. При этом постоянный бессрочный контракт (tenure) с assistant professor, в отличие от более высоких должностей, не заключается, и такой преподаватель может быть уволен в любой момент по усмотрению руководства.

ПУБЛИКУЙСЯ ИЛИ УМРИ

Мемориальную автостоянку имени Кларка У. Керра заполняли уже последние автомобили прибывших на первую лекцию его нового курса «Физика. Часть I», а Глисон все еще лихорадочно искал недостающие записи. Сегодня он ни за что не мог позволить себе опоздать на занятие. Он приложил все возможные усилия, чтобы попасть на внутреннее телевидение в удобное время, и, опоздай он в первый же день, его курс наверняка перебросят на раннее утро или отменят вовсе. Со всего лишь ста двадцатью семью научными работами, опубликованными под его именем, Глисону все же повезло стать ассистентом.

Двадцатипятицентовики падали в щели паркоматов, и воздух наполнялся гудением голодных приборов, отсчитывающих время. Большой экран в передней части участка с надеждой загорелся и вновь погас, когда Глисон, сидевший в своем кабинете в полумиле оттуда, покачал головой инженеру, показавшемуся на его мониторе. Он лихорадочно копался в горах рефератов по физике, доставленных этим утром; изначально шестифутовая стопка представляла собой резюме всех работ в его области, напечатанных за последнюю неделю. Под одной из пачек он отыскивал пропавшие страницы своих заметок и, облегченно вздохнув, присоединил их к остальным бумагам, которые держал в руке. Используя объектив камеры в качестве зеркала, он пригладил взъерошенные волосы и кивнул ожидающему инженеру. Вспыхнул красный свет, и Глисон увидел собственное свиное лицо в очках, взирающее на него же с экрана монитора.

– Погоня за знаниями, – начал он, – всегда была уделом горстки одиноких, преданных своему делу людей...

По окончании занятия он почувствовал себя лучше. Все прошло не так уж плохо. Пролетевший самолет вызвал на экране кое-какие помехи, а один из диафильмов кончился, прежде чем он объяснил его до конца, но в остальном представление вышло вполне технически грамотным. Он вздохнул, положил свои заметки на стол и начал рыться в куче рефератов, заполнивших маленький кабинетик почти целиком. В углу он отыскал погребенную там пустую кофеварку на две чашки.

Вновь Глисон вскипел от осознания своего неполноценного статуса. Доцентам полагались кофеварки на пять чашек, и им не приходилось все время разыскивать воду! Он задумался, не позаимствовать ли больший размер из кабинета доцента Моргана, только вчера умершего, но отверг эту мысль, поскольку кражу вскоре обнаружит преемник Моргана, и Глисона разоблачат. Если ему хочется чашечку кофе – иного выхода, кроме как идти в аспирантскую гостиную, нет.

Он отыскал потрескавшуюся и почерневшую кофейную чашку, оттолкнул от двери гору рефератов и рискнул выбраться в коридор физического факультета. Остановило его резкое шипение из кабинета справа. Обернувшись, он обнаружил, что на него из-за приоткрытой двери взирает другой ассистент факультета, Гридли Фаррингтон. Этот тип, ростом куда ниже Глисона, с заостренным носом и залезанными черными волосами, выскользнул из своего кабинета и поприветствовал коллегу широкой и поразительно неискренней улыбкой.

– Снова в детскую комнату? – поинтересовался он, вежливо поглядывая на чашку Глисона.

Глисон мог понять враждебные чувства Фаррингтона, ведь бедолага опубликовал всего лишь жалкие сто двадцать три статьи и, таким образом, стоял на социальной шкале

мультиверситета²⁹ куда ниже, чем даже Глисон. Конечно, семнадцать публикаций Глисона были куплены у аспирантов, бросивших учебу без получения степени, но и Фаррингтон едва ли всю свою работу проделал сам.

– Просто решил выпить кофе, – ответил Глисон, неопределенно взмахнув чашкой. – Это возможность поддерживать связь со студентами, узнать, о чем они думают. Сложно узнать кого-либо, читая курсы по телевизору.

– О, конечно, – неприятно ухмыльнулся Фаррингтон. – Ну, Глисон, – продолжал он, несомненно, переходя к тому, о чем на самом деле думал, – что вы думаете о смерти старого Моргана?

– Ужасно, – пробормотал Глисон.

– О, но я не об этом! Я имею в виду, кто, как вам кажется, получит эту работу?

Глисон с момента смерти Моргана едва ли думал о чем-то другом, но не собирался сообщать об этом Фаррингтону.

– Ну, полагаю, выбор немалый. Ханникатт может пригласить кого-то извне.

– Нелепость! – рявкнул Фаррингтон. – Глупейшая мысль! Конечно, они выберут человека с факультета, кого-нибудь с... э-э-э... адекватными публикациями.

– Ну, возможно, – признал Глисон, нервно переступая с ноги на ногу. Сам он проработал в университете всего несколько месяцев, заменив, собственно говоря, Моргана, который свое доцентство получил после девятнадцати лет трудов. Всех нюансов соперничества на факультете Глисон пока еще не представлял.

29 лат. multum (много) + (uni)versitas (университет) < universum (Вселенная) – название, указывающее на разнообразие целей и типов университетов. Например, Калифорнийский университет состоит из сотни кампусов, многие из которых образуют самостоятельное учебное заведение; в такой системе добавление или удаление какого-либо подразделения может почти не влиять на судьбу университета в целом. Выражение введено в употребление К. Керром – одним из ректоров Калифорнийского университета.

– Полагаю, вы хотите эту работу, – рискнул Фаррингтон.

– Ну, если ее мне предложат..

– Да не разыгрывайте скромника, Глисон! – Коротышка пригладил свои и без того гладкие волосы. – Если вы хотите получить работу, то должны за нее бороться! Никто больше не может позволить себе ждать предложений. Будете воевать или нет?

Глисон не совсем уловил значение этого вопроса. Фаррингтон, должно быть, сам хотел получить эту должность, но, безусловно, если руководство решит взять кого-то из собственного штата, разница в четыре публикации будет иметь решающее значение.

– Ну, – проговорил, наконец, Глисон, – я, наверное, сделаю все, что смогу, чтобы получить эту работу, если вы имеете в виду это.

Фаррингтон злобно улыбнулся, но в то же время побледнел.

– Я так и думал, – произнес он и исчез в своем кабинете, захлопнув за собой дверь.

Глисон пожал плечами и продолжил путь по коридору в аспирантскую гостиную, где обнаружил четырех незнакомых студентов и теплый термос с кофе. Сделав пару глотков, он попытался завязать разговор со студентами, но ни один из них, похоже, не видел никакой пользы от беседы с простым ассистентом. Впрочем, еще больше удручил Глисона запоздалый приход пятого студента. Ведь это был Алек Трокмортон, неуклюжий, взъерошенный аспирант с минимальным интеллектом и сомнительными способностями, чьи попытки восполнить недостаток блистательности нетерпеливым, почти лживым желанием угодить делали его вдвойне ненавистным. Но, поскольку его отец контролировал присуждение грантов через Национальный научный фонд, Трокмортона гарантировали не только ученую степень, но и уютное местечко в качестве лаборанта при наименее престижном сотруднике – Глисоне.

– Как жизнь, профессор? – спросил паренек, хлопнув Глисона по плечу и в результате выплеснув из его чашки большую часть кофе. – Готовы к завтрашнему большому перемету?³⁰

Вздвогнув, Глисон вспомнил, что парень на следующий день должен был помочь ему в критическом и, возможно, опасном исследовании свойств одного из новейших синтетических элементов.

– Все готово, Трокмортон, – вздохнул он. – Надеюсь, в этот раз вы сумеете правильно настроить оборудование.

Трокмортон энергично кивнул.

– Не беспокойтесь, профессор. Иногда я не понимаю, куда идут провода, но сейчас все поправил.

– Красный провод к зеленой катушке, помните?

– О... у... а, да, помню.

Прежде чем парень успел завязать дальнейший нежелательный разговор, Глисон поспешил прочь.

Через какое-то время он вернулся в свой кабинет с полной банкой воды для кофеварки. Хотя, уходя, он закрыл дверь, она была приоткрыта, и Глисон лениво задался мыслью, не упустил ли он какого-нибудь гостя. Залив воду в машину, он добавил немного кофе из банки у себя на столе. Затем включил кофеварку и обошел стопку рефератов, чтобы взять чашку.

Взрыв был не слишком громким, но достаточно мощным, чтобы поднять рефераты в воздух и ударить ими Глисона по поясице. Он рухнул на другую стопку бумаг, а по стенам яростно загрохотали смертоносные осколки. Во внезапно наступившей тишине Глисон сел и уставился на дымящуюся дыру на том месте, где только что стояла кофеварка.

Дверь распахнулась, и на мгновение в проеме представило крысиное личико Фаррингтона; выжидающая ухмылка

30 В оригинале «spearmint» («мята») вместо «experiment». – Примеч. перев.

сменилась унынием, когда он заметил, что Глисон смотрит на него. Потом личико исчезло, и Глисон услышал быстрые шаги в коридоре. Через несколько мгновений дверь снова распахнулась, и появился глава факультета, профессор Ханникатт.

– Началось раньше, чем я ожидал, – только и сказал Ханникатт, помогая Глисону подняться. – Бомба в кофеварке, а? Не слишком-то изобретательно.

Глисон молча осмотрел останки прибора. Только тяжелая стопка рефератов спасла его, не дав порезаться летящими осколками металла и стекла. Ханникатт подошел к нему сзади и заглянул через плечо.

– Похоже, что бомба была подсоединена к электронагревателю и сработала, когда катушка в нем стала накаляться. – Ханникатт неодобрительно покачал головой. – Не слишком-то хорошо придумано. Чтобы тепло достигло взрывающегося материала, неизбежно потребуется несколько секунд – достаточно много, чтобы намеченная жертва отошла от бомбы. По-настоящему первоклассный специалист подключил бы бомбу напрямую к электрической цепи.

Глисон подумал, что комментарии руководителя не слишком уместны в ситуации покушения на убийство. Он повернулся и взглянул на босса, высокого седого мужчину с безупречной серой полоской на всех предметах костюма.

– Что... – потребовал Глисон, – здесь происходит?

Ханникатт отечески похлопал Глисона по плечу.

– Все время забываю, что вы здесь новенький, мальчик мой. Не слишком знакомы с мультиверситетскими традициями. – Он отбросил своим начищенным до блеска оксфордом стопку рефератов. – Зайдем в мой кабинет на пару минут. Думаю, что мы легко исправим эту ситуацию.

Руководитель факультета небрежно махнул рукой скупающему зрителю, внезапно материализовавшемуся из ниоткуда, и повел Глисона в холл, а оттуда по длинному коридору налево. Глисон заметил, что дверь Фаррингтона плотно закрыта, и изнутри не доносится ни звука.

Ханникатт сел за стол и удобно откинулся, отодвинув в сторону кофеварку на десять чашек.

– Полагаю, без предупреждения и всего такого это стало для вас некоторым шоком. В смысле, без предупреждения от меня. Допускаю, что Фаррингтон все же проверил вас и убедился, что вы хотите участвовать в соревновании, прежде чем заложил бомбу.

Теперь Глисон полностью потерялся. Что-то довольно-таки необычное, похоже, творилось в стенах учреждения, которое он считал довольно стабильным мультиверситетом.

– Я... я не думаю, что он в самом деле... – начал Глисон и вдруг припомнил странный разговор с Фаррингтоном часом ранее. – Он сказал что-то о сражении за должность...

– Да, – резко бросил Ханникатт, – должность. – Он сцепил пальцы и откинулся назад. – Для меня это настоящая проблема. Для этой работы нужен действительно первоклассный специалист, если вы понимаете, о чем я. В наше время так много докторов наук, так много публикаций, что квалификацию уже невозможно отследить. Не хочу искать за пределами собственного штата сотрудников, если могу посодействовать им. Но, понимаете, мне нужны реальные доказательства того, что на вакансию претендует первоклассный специалист.

Глисону казалось, что он не до конца понимает тему беседы.

– Вы знаете мою квалификацию... – начал он.

Ханникатт нетерпеливо отмахнулся.

– Все это я знаю, она не лучше и не хуже, чем у Фаррингтона, не считая небольшой разницы в количестве публикаций. Просто не могу сделать выбор на основе того, что знаю на данный момент. Конечно, у Фаррингтона больший стаж, но этой стороне дела я никогда не позволял влиять на порядок назначений. – Голос Ханникатта слегка смягчился. – Мне нужна изобретательность, мой юный друг. Фаррингтон очень старается, но этот трюк с кофеваркой меня не слыш-

ком убедил. Помните тот электронагреватель? А теперь мне интересно, сможете ли вы придумать способ получше...

– Получше, сэр? Способ чего?

Ханникатт нервно рассмеялся, набивая табаком профессорскую трубку.

– Ну, его убийства, разумеется! Он получил свой шанс, теперь ваша очередь! Если вы сможете найти более изобретательный – и успешный – метод, чем у него, вы не только убедите меня в ваших способностях, но и устраните своего единственного на факультете соперника!

Глисон уставился на босса.

– Убить его, сэр?

– Но такова традиция! – рявкнул Ханникатт, внезапно вновь рассердившись. – Я всегда говорю, что не могу противостоять старым добрым традициям колледжа. Кроме того, это действительно единственный способ. Как мне определить, кто по-настоящему первоклассный специалист, без какого-либо теста? – Он замолчал и собрался с мыслями. – Все началось несколько лет назад, можно сказать, с несчастного случая. Милтон и Боровский решили устроить дуэль за должность, оставленную Андерсоном, но Боровский сыграл нечисто и нашел способ убить Милтона еще до дуэли при помощи курантов на часовой башне колледжа. Полагаю, вычитал в каком-нибудь детективе. Конечно, мы не могли сдать Боровского в полицию, первоклассных специалистов и так трудно найти. Так что я дал эту работу ему – скорее, из восхищения его изобретательностью. И что было делать через несколько месяцев, когда Леонард усадил Боровского на самодельный электрический стул ради должности Блессингейма? Видите ли, возник своего рода прецедент. В общем, именно так все и начиналось, с мелочей, как любая традиция. Сейчас я даже не могу представить, как замещать должности иначе. – Теперь он держался дружелюбнее и ободряюще улыбался Глисону. – Думаю, у вас есть все необходимое, чтобы поддер-

жать старую добрую традицию, мой мальчик. Фаррингтон неплох, но это не совсем мой тип исследователя. Нагревательные электрокатушки! Придумайте что-нибудь получше, и вам не придется беспокоиться об этой доцентуре.

Глисон все еще пытался выдавить из себя что-нибудь внятное, когда Ханникатт быстро проводил его до дверей.

– Сказать по правде, – продолжал он, – я был немного разочарован качеством факультетских убийств в прошлом году – так грязно, так обыденно. А теперь, если бы вы для первого раза смогли придумать что-нибудь действительно первоклассное... – Его голос понизился до дружеской конфиденциальности. – Ну, тогда у вас будет фора для истине выдающейся научной карьеры. – Глисон обнаружил, что уже стоит в коридоре, а дверь начальственного кабинета захлопывается за ним.

Он направился обратно в свой кабинет, с опаской покосившись на закрытую дверь Фаррингтона, прежде чем войти к себе. Там уже заканчивал уборку смотритель, а в углу появилась новая блестящая кофеварка на две чашки. Глисон с облегчением отметил, что наружу вынесли несколько тюков мелко измельченных рефератов.

Что ему теперь делать? Он не мог согласиться с планом Ханникатта – просто не мог! Он никогда в жизни никого не убивал и не собирался начинать этим заниматься теперь. Но, очевидно, собственная его жизнь находилась в опасности, и, если он не предпримет контратаки, должность наверняка достанется Фаррингтону. До Глисона доходили туманные слухи о беспощадном соперничестве, возникшем в мультиверситетах в последнее десятилетие, но подобного он все-таки не ожидал. Небольшой саботаж с целью отвлечь правительственные гранты – обычное дело. Но убийство! Если тут и играют в такую игру, он в ней участвовать не хочет.

Глисон взглянул на часы и увидел, что почти настало время его следующей лекции. Он подошел к стенному шкафу и вытащил телекамеру. Смахнув со стола пачку замедлителя, он сел и повернулся к камере, заметив, что осталось всего полминуты. Внезапно Глисон осознал, что все еще не привел себя в порядок после взрыва, волосы его стоят дыбом, а одежда взъерошена. Он огляделся в поисках зеркала, затем вспомнил, как использовать объектив камеры вместо зеркала, и принялся смотреть в камеру, пытаясь поймать свое отражение в темной линзы.

Линзы не было; лишь тонкая, почерневшая трубка.

Какое-то время Глисон сидел, переваривая этот факт. Часовая стрелка готовилась преодолеть очередную отметку. Отсутствие объектива у камеры могло иметь целый ряд объяснений, но в данный момент ему пришло в голову лишь одно. Он нырнул на пол.

Вспыхнул красный свет, и из трубки вылетел высокоэнергетический лазерный луч, который пронесся прямо над столом Глисона и прожег дыру в стене сзади. Перегруженный прибор заскулил, и через несколько секунд камера сгорела, после чего луч, лишившись питания, исчез. Через несколько мгновений над столом осторожно показалась макушка Глисона. Его округлившиеся глаза уставились на дымящуюся громаду телекамеры.

Зазвонил телефон. Это был профессор Ханникатт.

– Что там происходит? – потребовал Ханникатт в перерывах между хорошо слышным посасыванием курительной трубки. – Вы на двадцать секунд опаздываете с выходом в эфир! Студенты ждут – знания зовут, мальчик мой!

– Думаю, это Фаррингтон, сэр. – Глисон скрестил ноги и сел на пол, все еще не решаясь покинуть свое убежище под столом. – Похоже, он вставил в мою телекамеру лазерный луч. Он... он почти что прожег во мне дыру!

– Нет! – донесся по телефонной линии потрясенный голос Ханникатта. – Задействовал телекамеру, да? Но такие вещи никогда не годятся!

– Нет, сэр, – просветлел Глисон.

– Ни один человек не имеет право прерывать занятия в личных целях, – в праведном гневе прогремел Ханникатт. – Это совсем не первоклассное поведение. Свидетельствует о некотором упадке стандартов в академическом сообществе за последние годы.

– Да, сэр.

– Все насилие должно иметь место между занятиями, заседаниями и конференциями, – твердо заявил Ханникатт. – Придется поговорить об этом с Фаррингтоном.

– Э... сэр...

– Ну что еще там? Меня работа ждет. – Голос Ханникатта дрожал от нетерпения.

Все еще сидя на корточках, Глисон вцепился в трубку обеими руками.

– Я... я думал, сэр... Я не так уж уверен, что действительно хочу эту должность доцента. Я здесь всего несколько месяцев, и...

– Чушь! – взревел Ханникатт. – Вы первоклассный специалист. Я хочу видеть ваше продвижение!

– Да, сэр. Но, понимаете, убийство не совсем то, что... В смысле, я для такого не гожусь.

– Что-что? – В голосе Ханникатта зазвучала угроза.

– Я хотел сказать, что я совсем не тот человек, кто убивает кого-то только ради работы.

В трубке повисло долгое молчание.

– Не такой человек, да? – устало вздохнул Ханникатт. – Я думал о вас лучше, мой мальчик. Я думал, что вы на самом деле первоклассный. Был уверен, что вы справитесь. – Вновь молчание. – Вы, конечно, понимаете, что мы не можем держать на факультете человека, пренебрегающего его священными традициями?

– Сэр?

– Я имею в виду, Глисон, что у вас еще нет постоянного контракта.

– Нет, сэр.

– Много кому понравится ваша теперешняя работа, Глисон. И никакой другой мультиверситет не возьмет вас на работу без моей рекомендации. Подумайте хорошенько. – И связь прервалась.

Глисон положил трубку и осторожно встал. Он обошел стол, осмотрел расплавленную камеру, затем уставился на аккуратную дыру, прожженную в задней стене его кабинета. Сквозь завесу плюща с той стороны стены виднелась мирная группа деревьев.

Глисон стоял и размышлял о словах Ханникатта, о долгой борьбе за свою теперешнюю работу, о своей непригодности для какой-либо работы во внешнем мире. Ханникатт был прав – ни один мультиверситет не примет его без рекомендаций, и, конечно, никто не поверит его истории, попытайся он использовать ее как оправдание своего ухода. Надо было либо как-то выбраться из этой ситуации, либо столкнуться с перспективой тухлой работы в каком-нибудь захолустном колледже, лишенным средств на исследования и отчаявшимся в перспективах на будущее.

Все еще пребывая в отчаянии, он позвонил в телестудию и отменил оставшиеся занятия, поскольку на замену его телекамеры потребуется много времени. Затем он вернулся к серьезному анализу своей проблемы. Что же делать? Он не может никого убить! И как может Фаррингтон... Точно! Вдруг Фаррингтон не в большом восторге от убийств, чем он сам? Возможно, бедолага дважды покушался на жизнь Глисона лишь из жалкой преданности факультету. Если им встретиться повидаться наедине и заключить сделку...

Через несколько мгновений Глисон уже робко стучал в дверь соседа, храня в сердце осторожный оптимизм, а в руке – тяжелое пресс-папье на тот случай, если оптимизм не оправдается. Глисон услышал изнутри шаги, а затем Фаррингтон хрипло прошептал через дверь:

– Кто здесь?

– Глисон! Мне надо с вами поговорить!

Послышалась поспешная возня, затем настала тишина.

– Не пытайтесь стрелять через дверь, – раздался, наконец, сдавленный голос Фаррингтона. – Я выстроил вокруг стола энергетическое поле.

– Ради всего святого, коллега, я не хочу причинить вам никакого вреда. Мне просто надо все это обсудить с вами!

– Говорить не о чем, – прорычал Фаррингтон. – Вы не заставите меня открыть дверь!

Глисон встал сбоку от двери на случай, если Фаррингтон сам решит стрелять.

– Давайте будем разумными, – сценическим шепотом проговорил он. – Почему мы должны следовать этой безумной схеме, если ставки того не стоят? Вместе мы сможем что-нибудь придумать!

– Нечего тут думать! – огрызнулся Фаррингтон. – Мне нужна работа! Если бы я знал, как уметь делать что-нибудь еще, я не преподавал бы в колледже!

Глисон нервно переключался из руки в руку пресс-папье.

– Но послушайте, Фаррингтон. Мы должны попытаться как-то договориться. Если бы мы могли просто разумно это обсудить, уверен, что...

– Не о чем говорить, и даже если бы... – Внезапно наступила долгая тишина. Глисон подошел к двери и прижался ухом к панели. Ему показалось, что изнутри послышались какие-то тихие торопливые передвижения.

– Если подумать, – продолжил Фаррингтон, – вы, возможно, и правы. По крайней мере, это можно обсудить. Заходите, поговорим.

Глисон выпрямился, переложил пресс-папье в левую руку и потянулся к дверной ручке. В этом положении он, задумавшись, застыл на несколько секунд, а затем рискнул:

– Может быть, вам лучше выйти, Фаррингтон? Тут... э-э-э... свет лучше.

– Нет, – раздался далекий голос Фаррингтона, – заходите сюда вы. Мы хотим сохранить все в тайне.

- Можно выпить кофе в гостиной.
- У меня есть кофеварка.
- Думаю, вам лучше выйти сюда.

Через полчаса Глисон сдался и вернулся в свой кабинет, где в задумчивости уселся за стол. Похоже, Фаррингтон был полон решимости убить его, но у него все еще не хватало энтузиазма для контратаки. Во всяком случае он не мог как следует обдумать всю проблему, пока Фаррингтон за стенкой старательно строит заговоры. Отбросив в сторону стопку рефератов, Глисон тихо вышел через дыру в наружной стене.

После бессонной ночи в гостиничном номере (на случай, если Фаррингтон раздобыл его домашний адрес) он встал с затуманенными глазами, в полном отчаянии встречая то, что наверняка станет новым днем мучений. У него по-прежнему не было ни плана, ни надежды. Возможно, существовал какой-нибудь способ просто вывести соперника из строя... Но нет, он вообще не мог думать о насилии. И все же, разве одна из конечностей Фаррингтона не стоит его жизни? Всего лишь небольшая уступка принципам.

В свой кабинет он пришел рано и обнаружил, что там поставили новую телекамеру и заделали дыру от лазера. Фаррингтона не было видно. Глисон вскипятил в кофеварке (сперва тщательно ее осмотрев) немного воды, но вскоре обнаружил, что банка с кофе разбилась в результате одной из вчерашних катастроф. Не оставалось ничего другого, как вновь идти в аспирантскую гостиную. Он тихо выскользнул из комнаты, остановившись только, чтобы убедиться, что дверь Фаррингтона закрыта, и на цыпочках побежал по коридору, слегка петляя на случай, если вслед ему полетят ракеты. В гостиной не было никого, кроме Трокмортонна, хряпящего на одном из диванов.

– Перемет, – произнес Трокмортон, приоткрывая один глаз и тупо смотря им на босса. – Это ж сегодня!

Встревоженный покушениями, Глисон забыл об эксперименте, запланированном на этот день вместе с Трокмортоном. Тревога охватила его; они использовали опасное оборудование, а в своем теперешнем состоянии он мог ошибиться где угодно. И все же, если он попытается отложить эксперимент, отношения с Ханникаттом могут оказаться непоправимо испорчены.

– Иди, устанавливай все, – проговорил он. – Я попозже приду, поработаю.

Лохматый мальчишка, бессмысленно ухмыляясь, оторвал себя от дивана.

– Приступаю немедленно, профессор. Положитесь на меня. – Он наткнулся на Глисона, опрокинув чашку кофе, которую тот только что себе налил, и побрел к лестнице. Лаборатория была внизу, в подвале, практически под самым кабинетом Глисона.

– Да, Трокмортон, – крикнул вслед ему Глисон, – не забывайте – красный провод к зеленой катушке.

– Зеленый провод к красной катушке, – заверил его Трокмортон и прибавил скорости в стремлении продемонстрировать энтузиазм.

В голове у Глисона гудело от недосыпа и сильной тревоги, так что он почти не расслышал слов парня. Все оставшиеся силы ушли на то, чтобы налить себе еще одну чашку кофе. Только когда он вернулся за свой стол, последние слова помощника, наконец, дошли до него.

В тот же миг он вспомнил возможный результат присоединения зеленого провода к красной катушке.

Сдерживая вой, он бросился к двери и отчаянно ухватился за ручку.

Дверь не открывалась.

Глисон на мгновение замер, все еще вцепившись в ручку. До сих пор дверь никогда не закрывалась так плотно. Он

попробовал повернуть ручку в другую сторону и наклонился заглянуть в замочную скважину. Что-то закрывало ее с другой стороны, что-то, что не было ключом. В тот же миг он ощутил, как под его рукой дверная ручка нагревается.

Глисон отдернул пальцы и встал, осторожно пятясь назад. Ручка приобрела вишнево-красный цвет, а от двери пошел дым. Возможно, Трокмортон уже... Потом из-за соседней двери взрывом дико прогремел смех, и он понял.

– На этот раз попались! – кричал Фаррингтон через их общую стенку. – Мой конвертер тепла зажарит вас за пару минут! Должность моя!

Глисон вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони, ища, как спастись. Поскольку здание физического факультета было решительно современным, окон в нем не имелось вовсе; дверь служила единственным входом и выходом. Он поднял взгляд вверх, на квадратную решетку кондиционера. Достаточно ли он строен, чтобы протолкнуть свое тело сквозь этот проход? В отчаянии Глисон подставил стол под отверстие и вскарабкался изучить решетку. Шесть туго закрученных винтов крепко удерживали ее, а отвертки у Глисона не было.

Он опустил глаза и заметил у себя на столе телефон. Он все еще может позвать на помощь. Когда он присел и уже потянулся к трубке, телефон зазвонил сам. В трубке раздался глухой голос Трокмортона:

– Все подсоединено, профессор. Когда вы там спускаетесь?

– Трокмортон, помогите! Я заперт в своем кабинете, и Фаррингтон пытается убить меня!

– Что-что, профессор? – прокричал парень. – Я почти не слышу вас, оборудование шумит!

– Я говорю, Фаррингтон... – И Глисон замер. – Вы уверены, оборудование шумит?

– Да-а, профессор, я запустил его, все в порядочке.

– Оно работает – с зеленым проводом на красной катушке?

– Конечно, вот прямо сейчас...

Но фраза осталась незаконченной, поскольку телефон отключился, а правая стена кабинета Глисона исчезла. Он уронил трубку и застыл, уставившись на пустое место, где находился кабинет Фаррингтона – и сам Фаррингтон. Около пятидесяти квадратных футов пространства мгновенно испарилось. Теперь Глисон вспомнил, что лаборатория находилась почти что под его кабинетом. Но почти. На самом деле она была под кабинетом Фаррингтона.

Дверь перестала дымиться, и Глисон легко ее распахнул. Теперь уже безвредная насадка на тепловой конвертер Фаррингтона свалилась на пол. Глисон увидел, как по коридору к нему несется Ханникатт, зажав трубку в нервно стучащих друг о друга зубах. Глава факультета затормозил и замер, уставившись на дыру в его здании. Наконец, он со слезами на глазах повернулся к Глисону.

– Мальчик мой, это самая первоклассная работа, какую я когда-либо видел на этом факультете.

– Но...

– О, восстановить эту часть здания будет довольно дорого, но у нас есть деньги от властей, и должен сказать, что при данных обстоятельствах потери вполне окупилась. Никогда не видел более чистую, более гуманную ликвидацию с тех пор, как началась эта традиция.

У подножия лестницы в подвал возникла оборванная фигура, двинувшаяся, пошатываясь, к ним. Очевидно, сила луча разрушения, или что там это было, оказалась почти полностью направлена вверх.

– Это в самом деле Трокмортон, здесь...

Ханникатт величественно положил руку на плечо перепуганного паренька.

– Этот молодой человек протянул вам руку помощи, да? Нажал на курок, так сказать, пока вы служили приманкой.

Вы смельчаки, оба! – Трокмортон, к которому за всю его жизнь не обращался никто статусом выше доцента, стоял с открытым ртом, купаясь в лучах внезапного признания. – Вы, несомненно, тоже выиграете от этого, Трокмортон, – продолжал глава факультета. – Естественно, теперь освободились две ассистентские вакансии, и, уверен, мы сможем придержать одну из них для вас, пока вы выполняете положенные к защите требования.

Глисон решил, что, возможно, нет смысла раскачивать лодку, говоря правду. Благодаря желанной доцентуре и появлению нового, бесконечно смертоносного оружия, созданного путем подсоединения зеленого провода к красной катушке, он встал на путь блистательной научной карьеры.

– Проходите в мой кабинет, оба, – говорил, между тем, Ханникатт. – Вам надо уже начинать оформлять бумаги на новые должности.

Наблюдая, как босс энергично грызет трубку, Глисон произвольно представил надежную ловушку.

«Все это нелепо, – сказал он сам себе. – Мне еще годы и годы ждать места в очереди на руководящий пост! И все же, это не больно...»

– У вас есть карандаш и бумага, профессор? – спросил он. – Я хотел записать одну мыслишку, которая только что пришла мне в голову.

– Естественно, мой мальчик, – улыбнулся Ханникатт, протягивая ему карандаш и бумагу. – Отличительная черта первоклассного ученого состоит в том, что он всегда мыслит, всегда ищет новое, всегда смотрит в будущее.

– Боюсь, вы правы, сэр, – сказал Глисон. Проходя в полутемный кабинет главы факультета, он все еще что-то яростно корябал на бумаге.

СОДЕРЖАНИЕ

Черная аура

Глава первая.....	7
Глава вторая.....	18
Глава третья.....	39
Глава четвертая.....	53
Глава пятая.....	66
Глава шестая.....	77
Глава седьмая.....	92
Глава восьмая.....	101
Глава девятая.....	117
Глава десятая.....	129
Глава одиннадцатая.....	144
Глава двенадцатая.....	156
Глава тринадцатая.....	171
Глава четырнадцатая.....	182
Глава пятнадцатая.....	197
Глава шестнадцатая.....	210
Глава семнадцатая.....	226
Глава восемнадцатая.....	237

Рассказы

Неведомой рукой.....	253
У вас перехватит дыхание.....	277
Запертая комната.....	283
Похищенное масло.....	291
Сцены из жизни Страны слепых.....	295
Миниатюры.....	319
Публикуйся или умри.....	345

Джон Слейдек — американский писатель-фантаст и популяризатор науки, внесший вклад также в развитие детективного жанра.

Уроженец штата Айова, Слейдек пришёл в литературу в 1960-е, когда проживал в Англии. Первые его произведения относились к фантастике и были написаны под влиянием “новой волны” — развивавшегося в эти годы направления, представители которого стремились уходить от описания изобретений к анализу человеческих взаимоотношений и ранее запретных для жанра тем, таких, как мистика, предавались экспериментам со стилем, сомневались в неограниченных возможностях науки и её априорной пользе. В “Новой волне” Слейдек нашёл себя.

Вскоре Слейдек также стал автором четырёх классических детективов — двух романов и двух рассказов. В них действует сыщик-любитель Теккерей Фин, американец, живущий в Лондоне, чьим хобби (как и у его автора) является разоблачение ложной мистики. Уже дебют Фина — рассказ “Неведомой рукой”, выигравший конкурс детективных рассказов газеты “Таймс”, включает “невозможное преступление” — жертва убита в запертой комнате на одиннадцатом этаже. В том же жанре написаны оба романа. В “Чёрной ауре”, вызывающей в памяти “Край ямы” Талбота, Фин отправляется в коммуны комично описанных спиритов, среди которых поп-звезда, священник, расист, близнецы. В результате он раскрывает три “невозможных” исчезновения людей — два из запертой комнаты и одно на глазах у множества зрителей. В “Невидимом мистере Грине” в запертых комнатах погибают один за другим члены клуба сыщиков-любителей, причём каждый из них предварительно предупреждён каким-либо предметом одного из цветов радуги. В 1981 году по результатам опроса экспертов и писателей “Невидимый мистер Грин” вошёл в число 15 лучших романов с “невозможным преступлением”, когда-либо написанных.

К сожалению, “Невидимый мистер Грин”, несмотря на свою славу, завершил работу Слейдека в детективном жанре, оставшимся лишь эпизодом в его творчестве, которое вернулось в русло научной фантастики. Сам Слейдек в интервью, данном в 1983 году журналу “Science Fiction Review”, объяснял это так:

Эти два романа пострадали, в основном, из-за того, что были написаны спустя 50 лет после того, как мода на детективные загадки прошла. Я получил большое удовольствие, пока писал их, планируя абсурдные преступления и ключи, но обнаружил, что предлагаю продукт, в котором супермаркет уже не нуждается: нечто вроде полироли или жёлтых лепёшек хозяйственного мыла. Сочиняя загадки запертой комнаты вроде этих, всякий быстро умрёт с голоду. Научная фантастика имела куда больше гламура и блеска в те высокотехнологические дни.

“Клуб любителей детективов”